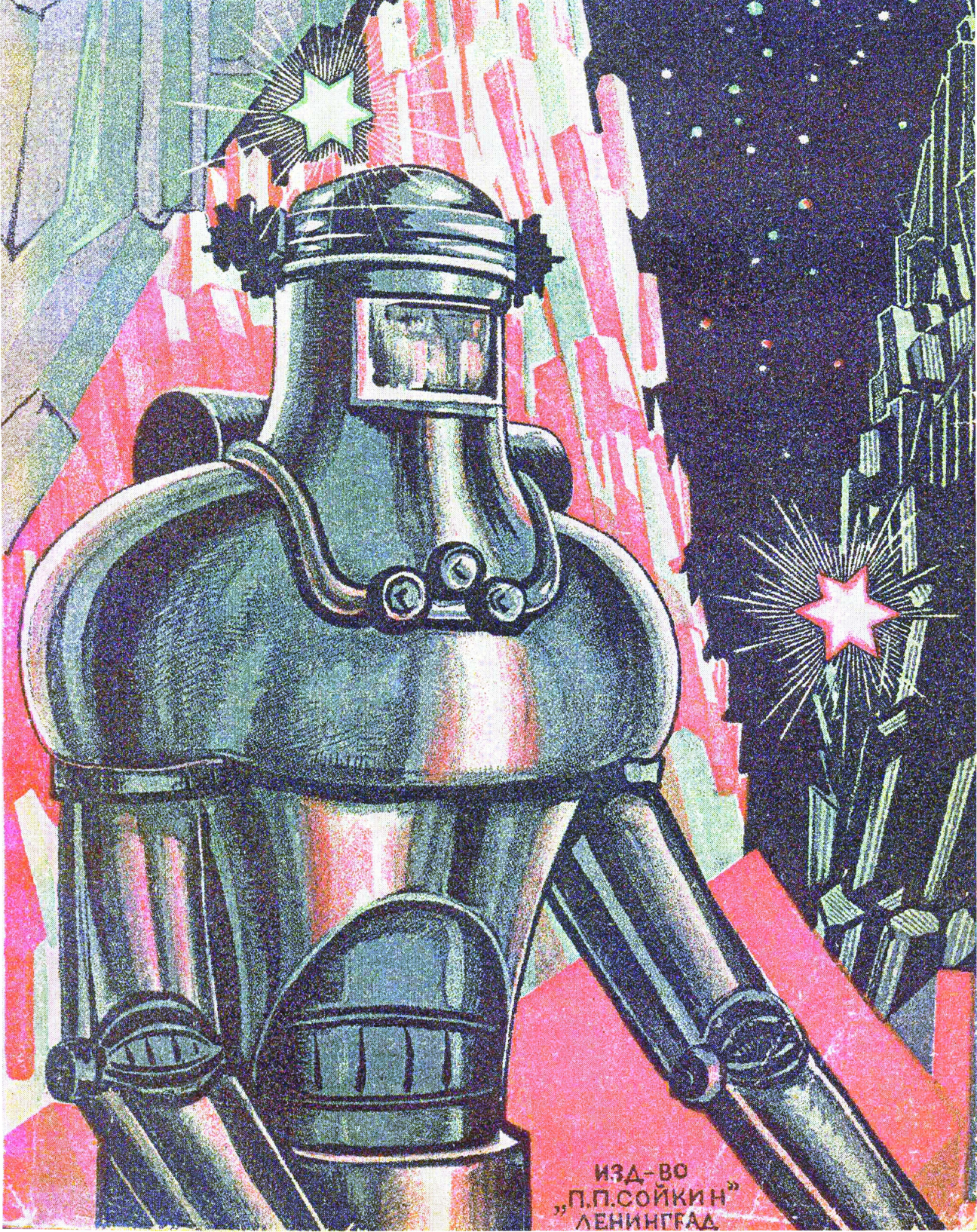

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

№ 2-3 1930

ИЗД-ВО
"П.П.СОЙКИН"
ЛЕНИНГРАД

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

ВЫХОДИТ
ЕЖЕМЕСЯЧНО

ПОДПИСНАЯ
ЦЕНА НА ГОД 5 РУБ.
С ДОСТ. И ПЕРЕС.

ГЛ. КОНТОРА И РЕДАКЦИЯ - ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ 8
ИЗДАТЕЛЬСТВО «П. П. СОЙКИН»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 2—3 1930 г.

	СТР.		СТР.
«УРУС - БАТЫРЬ», — премиро- ванный рассказ С. А. Семе- нова-Виленского, иллю- страции Марии Пашкевич.	2	сказу «Потрешенные тени»	42
«КРАСНЫЙ ГЕНЕРАЛ — АЛЕКО ДУНДИЧ», — рассказ А. А. Со- болевского, иллюстрации И. А. Владимирова. . . .	11	«ПИОНЕРЫ ЦИВИЛИЗА- ЦИИ», — рассказ М. Джек- сон, иллюстр. Э. Осмонд .	44
«ДВЕ СИЛЫ», — премированный рассказ Олега Краморен- ко, иллюстрации Н. М. Ко- чергина	20	«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ»: «ГОРОД БУДУЩЕГО» — очерк архитектора Г. Р.	52
«ЭФИР - АЛЬФА», — роман Аль- берта Байи, награжденный премией Жюль-Верна в 1929 г.	28	«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОДНОЙ МЕР- ТВОЙ ГОЛОВЫ» — обыватель- ская история, рассказ В. И. Дмитриевой, иллюстрации Н. М. Кочергина	56
Систематический Литера- турный Конкурс «Мира Приключений»:		«ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК»	51
ОКОНЧАНИЕ КОНКУРСА № 2 и присуждение премий по рас-		«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ»! Задачи . . . стр. 2 и 3 обложки	
		ШАХМАТНЫЙ ОТДЕЛ стр. 4 обложки.	

Обложка в 7 красок работы худ. А. А. Ушина.

Автор награжден 2-й премией на нашем
Литературном Конкурсе „На далеких
окраинах“

УРУСБАТЫЙ

Рассказ

С. А. СЕМЕНОВА-ВИЛЕНСКОГО

Иллюстрации М. ПАШКЕВИЧ

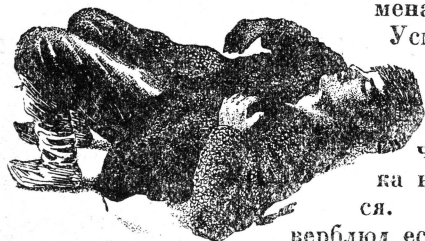
Порыжела степь, вылиняла. Пропала на земле трава. Кусты тоже обсохли, голые торчат стебельки. Куда ни глянь—голодная земля кругом. Только бурхайло завывает, подымает пыль, крутит и несет песок. Плохо в степи.

Невесело и на душе Усмана. Совсем тоскливо. Не стало в степи корму. Одна пыль глаза ест, гонит слезу. Ой, много-много пыли! — горестно качает головой старый киргиз, сидя на кошемке, и глядит вдаль. Вон солнце, как высоко, и то запылилось... Тяжелое висит, мутное и слепое, как медный нечищенный таз. Не радуется тоже. Да и как радоваться, когда все небо в пыли.

Прошли времена, когда степь была ковыльная,—вспоминает старину Усман. Прошли. А как хорошо было. Пойдешь в траву, сядешь и не видеть. Высокая! Колышется, что море, кругом. Небо тоже синее, глубокое. Ни пылинки. А по нему белыми курчавыми комками бараньей шерсти облака плавают.

Эх, выродилась степь! Тяжелые времена пришли.

Усман одинок и беден. Скота мало. Овец и десятка не наберется. Еще один верблюд есть. И все.

Верблюда считать нечего. Его ноги волочит. Палками от старости ноги стали. Облезлый, худой, беззубый, как и сам хозяин. Пять лет, как горбы повисли в разные стороны и висят пустыми мешками, точно старушечьи груди. Обрежь их, положи на огонь—ни одной каплей не выступит сало.

Но разве о себе горюет седой кайсак?... Темные муки носит в груди он. Горькая, как полынь, холодная, как могила, доля навсегда отучила Усмана от помыслов о счастье. Семейным байгушам*) худо—вот о ком его душе неет. Много их в ауле Уры-Сак. Гнилой махан**), вместо баранины, стали есть, да молоком запивать. А кто один просо жует с водой. Про кумыс и не думают. Голодная степь—голодные люди. О, милосердный!... Куда лицо свое спрятают? Зачем доброе время похоронили?..

Так думает Усман у кибитки, охая и вздыхая. Заброшена его кибитка в голую степь, брошен он. Глаза ест пыль, колет песок. Бурхайло шайтаном крутится—играет над бесплодной землей.

*) Байгуш—бедняк, полунищий.

**) Махан—коница.

Багровея, набухая, солнце скатывается, словно налитой кровью пузырь, к земному краю. Ой, какое солнце! Усман творит намаз на драной кошемке. Подымается и ковыляет на закат ногами кривыми, как клещи.

Свежеет окропленная вечерней росой степь. Опадает пыль. Старому киргизу дышится легче. Бурхайло уже не слепит глаза. Он, ласково распахнув дырявые полы халата, оmyвает, овеивает тощее, заскорузлое тело.

Багровое солнце грузно ложится на край земли... Проваливается в бездну. Но широкому горизонту, из края в край, разливается алая река крови. И кажется Усману—лопнуло где-то под землей солнце—кровяной пузырь.

Просыпается, мигает небо. Темным, многооком ликом шарит оно по земле. Глядит на звезды и ежится весь Усман. Дрожит. Опускает голову. «Глаза Аллаха»,—со страхом думает он, и щемит под сердцем старая неизбывная боль. Все видят эти глаза, все знают. Человека стерегут. В ночь темную лютеет человек. Не мысли в голове—черви ядовитые копошатся. На худое, на зло толкает лукавый шайтан во тьме.

О, Светозарный! О, Всевидящий!... Не доглядел!—вдруг с укором стонет киргиз и плюхается на торчащий прыщом в степи холмик, как подстреленная ворона.

Чернеет, сгущается ночь. Пропадает заря. Сурово вливаются в мертвую степь лучи небесных вопрошающих очей. Обхватив холмик руками и тыча в колющий татарник лицом, Усман долго надрывно плачет. Бурхайло задирает на спине халат. Треплет, словно парус. На костлявом задѹ, на ногах мотаются клочки рваных овчинных штанов. Но киргиз не встает. Земле, ветрам, сухим травам, темному небу, звездам, всему свету в сотый, в тысячный раз отдает он великую скорбь и не может отдать.

I.

Усман в молодости был лихим джигитом. Вырос в степи в доброе время. Ловкости!... Силы!... Смелости!... Немногие отваживались схватиться с

ним в аударыспак---бой на конях. Против крепких, как чугуи, обросших тугим мясом костей Усмана не могли выстоять даже самые дюжие джигиты окрестных аулов. Кидать аркан, смирять диких огневых жеребцов—всегда выходил первый. Дивились молодые: «Грудь джуд-барса *), глаза ястреба. Рука стремя гнет. Ударит овцу нагайкой по хребту—резать не надо. Ой, якши **) джигит!» Умные аксакалы ***) хвалили редко, скупо. Бранили больше, поучали: «головой руки, да ноги правят. Горячий ты джигит! Кипучая смола не кровь. Не давай, сын, воли телу, во имя Пророка!»

Женой обзавелся Усман только к тридцати годам. Калым долго собирал. Большого выкупа стоила четырнадцатилетняя Гафса. Зато глаза насытиться не могли. То нежным полевым цветком, то далекой недоступной звездочкой, то самой гурней казалась Усману молодая жена. Заплачет—готов всю степь, всю землю обскакать—обшарить, искать утеху. За каждую розинку на знойной щеке Гафсы он отдал бы полную пиалу крови

Но своевольная и покоряющая, как весна, жена редко плакала. Вместо слез ее глаза чаще кидали холодные и капризно-гневные огни. Не раз Усман ночевал в степи, катаясь на мокрой траве. Смеялись джигиты. Дразнили шустрые шайтанята-балайки ****). Но долго таить обиду на жену за это он не умел. Подпорхнет она, бывало, чуть тронет с улыбкой рукой—легкая такая, точно из воздуха, точно струйка света—и Усман оскалит зубы, расцветет весь, ровно молочай под солнцем.

Знала и ценила красоту свою Гафса. Своенравие над правом мужа дано немногим женам стран законов Магомета. Лишь хитрость, ум, да большие прелести иной раз попирают там твердыни Корана. Самому Великому Пророку, создателю могучих законов, не меньше других, была ведома над собой сладостная власть не одной из ласкавших его прелестниц, скрытая

*) Джуд-барс—тигр.

**) Якши—хорошо.

***) Аксакалы—уважаемые старики.

****) Балайка—юноша.

потом от правоверных хитрыми имамми.

Но Гафсе и не надо было это знать. Она и без того видела силу своих глубоких зрачков, черных ресниц, тонких янтарных пальчиков над крутошеям, как племенной бык, Усманом.

Любила рядиться Гафса. Литые кольца, звонкие браслетки, ожерелья, расшитые сафьяновые ичиги *) не мешали ей даже в работе. На тугих жгутах кос всегда горело ярко начищенное монисто, горделиво отгибая назад маленькую головку. Любила, ходила свое тело Гафса, как одаиска. Не мало хлопот это стоило Усману. Однако ему тоже не было нужды ведать о тайных слабостях Святого Пророка, чтобы прощать собственные к обольстительной жене. Томные, хоть и редкие ласки Гафсы были ему за все наградой.

Так прожил удалой джигит с любимой женой год. И вот—к началу другого—случилось неожиданное. Случилось то, чем разорвалась жизнь Усмана на две половины: одна—буйные, шумные забавы в степном раздолье, трепетные радости любви; другая—жгучие терзанья, страх, одиночество, проклятье...

Нежданное всегда приходит тайно. А подкрадось оно так.

II.

Проходила зима. Доплясали, довыли холодные вьюги над степью с колкой режущей лицо крупной. Кончились морозы. Необъятные посинели дали, прояснились. Пригретая солнцем, подернулась пьяной щекочущей ноздри прелью широкая степь. Шибко напирала на зиму бунтующая весна.

Выехал раз Усман из аула в степь. Проскакал по хрупкому, талому снегу верст двадцать. Ширилась, наливалась грудь кипящей радостью. О ребра колотилось сердце. Кричать хотелось... Кидать в звонкие просторы ликующий клич джигита. И загибал кайсак. Как без трепета дышать киргизу териким ароматом оживающей земли!.. Как не ликовать сыну степей! Зима—вонючие подземные норы землянок. Бо-

лезни. Стужа. Голод. Лето—легкие воздушные кибитки в ковыльных лугах. Баранина. Хмельной кумыс. Полеты над степью на полудиких скакунах. Вольная жизнь!

Натешился Усман досыта. Поворотил коня обратно к аулу. Версты три прохрустел по снежному насту шагом. Глядит: у крепкого, облизанного ветрами и солнцем сугроба лежит человек. Не шевелится. Не киргиз. Видит: бешмет *) на нем черного сукна, русский. Малахай **)—мехом вверх... Круглый, маленький. Сапоги!.. Русский человек!.. Лицо молодое, безусое, безбородое... Белизной со снегом спорит... Круглов, гладкое, как бабье колено. С правого бока, на снегу, под рукавом пяташника крови алеет.

Мертвый!—кольнуло страхом Усмана. Крепко испугался. Кто теперь поверит, что нашел мертвого? убил скажут. Засудят. Казаков понашлют. Ой, как за русского судить будут!.. А может и без суда казаки секим-башкам сделают?.. Уй-бай! Беда! Как быть? Чего делать?... Долго мучил думой себя киргиз. Оставить тело на снегу боялся. Нельзя! По следам доишутся, узнают, что был тут.

Не решился Усман оставить мертвого в снежной степи. Наклонился, не слезая с коня, подхватил и перекинул сильной рукой, как прирезанного теленка, вялое тело через седло. Привез в аул. Сбежался народ. Уй-бай!... Урус кончал!... Мертвый урус! Уй-бай!... записали—записали перед землянкой Усмана как шенки, баранчуки ***) сопливые. Не пускали их поглядеть на мертвого уруса. Цыкали старики. А как хотелось им...

Бабы,—тем страшно стало. Попрятались пугливыми курами по закуткам. Только Гафса осталась вместе со стариками и джигитами у мертвого. Не отходила. Не отрываясь, глядела на белое, облитое луной бледностью лицо.

Позвали муллу. Пришел старенький, в белой чалме, сморщенный весь такой, желтый, как сухая урючина. В руках посох. — Где нашел? — строго

*) Бешмет—меховое пальто с талией.

**) Малахай—шапка.

***) Баранчук—мальчишка.

*) Ичиги—сапожки.

тряхнул он козьей жиденькой бородкой на мертвого, коля глазами Усмана.—В степи нашел, на снегу,—ответил Усман, хмуро глядя на тело.—Далеко от аула?—Итти на закат—верст двадцать будет.

Кряхтя, покашливая силло, опустился мулла на колени. Пошарил на груди мертвого, растегивая одежду. Потом припал к груди ухом и долго не поднимался.—Нет бога, кроме бога... На все воля Аллаха,—тихо забубнил он сам себе под нос. Поднял голову и громко сказал:—Дайте воды!... Жив урус!

III.

Пролежал русский с неделю и стал поправляться. Рану в боку затихло. Но встать еще не мог: ноги не держали. Каждое утро, полдень и вечер Гафса с Усманом выносили его на крышу землянки, обкладывали подушками. И глядел русский на небо, на солнце, на таящую под ним мокрым сахаром снежную даль. Синие-синие глаза ловили по утрам зори, перелезали с одной звезды на другую по вечерам. Розовели щеки от внешнего ветерка. И казались Гафсе эти щеки молоком с отраженной зарей.

По-киргизски русский понимал. Но говорил мало. Не говорливый был. Все больше думал... и думал... О чем думал он?.. Когда спрашивали—распахнет золотые ресницы и смотрит, как шевелят губами, а слов будто и не слышит. Но как-то собрался и рассказал. В Тургае живет он. По делам на Иргиз выехал. Да напали по дороге, отняли коней, а сам бежал чуть живой с чужей в боку. Вот поправится совсем—уедет. Поверил Усман, поверили другие и больше не спрашивали.—Пусть живет пока. Не худой, видно, человек,—думали степные люди, как святыню храня древний закон гостеприимства. Радовались даже: человека спасли, да ниспошлет ему всевышний здоровья.

Гафса, чей голос звенел нежней подснежного ручья, скорбела, что так мало ест урус. Не раз она, подкравшись кошечкой, с полной пиалой еще

горячих баурсаков*) в руке, тихо журчала:—На-а!... Возьми!... Мал-мал ашать надо... Ашать не будешь—умрешь... Гафса не хочет твоей смерти... Возьми!—Когда уже урус, откашываясь, качал головой, протянутая рука с баурсаками начинала дрожать, а из глаз—о, эти глаза—окошечки души!—крылатыми взмахами ресниц выбивалась слеза.

Но сердцу уруса точно невняты были и эти знаки немой мольбы, каплющие горячей испариной от полыхавшего огня в крови юной киргизки. Бесчувствовало сердце его. Ничем не отзывалось. Гнетущие тайные думы давили его, ледянили глаза холодом морозного неба. Большая в нем жила печаль... Неведомая...

Тяжело, сдавленно дыша, глотая слезы, возвращалась Гафса назад. Ставила перед собой посудину и замирала взглядом на мучных румяных катышах, которые с такой заботой тревожной и нежной она обжаривала в пенящемся масле для синеокого уруса.

Но не одни скорби бывают в жизни человека. Ночь сменяет день, стужу гонит тепло, суету—покой, а с горем вечно спорит радость. Минутами отрады мерит свое счастье человек.—Как зовут?—однажды вся трепеща, вся истомленная холодом уруса, заикнулась Гафса. И перестала дышать... Вот-вот этот неведомый, но желанный такой урус дыхнет на нее морозным туманом очей, вот-вот не выдержит ее изнемогшее сердце...

Урус поднял голову, склоненную под бременем дум. Обернулся. И заковал в свои глаза, как в зачарованный круг, Гафсу. Губы разошлись. На белый пух щек упали две круглые ласковые ямки.—А тебя? (он, слышавший не раз,—еще не знал, не помнил).—Гафса!—поймал чуть слышный лепет урус. Еще шире, лукаво-ласковой улыбаясь, сказал:—Ну, а меня... Леонидом!... Леонид!

Как просторно, как светло стало от этих слов и улыбки Гафсе в заколованном кругу.—Лянит!.. Лянит!..—словно во сне затвердила она.—Ля-

*) Баурсаки—кусочки теста, жаренные в сале или масле

нит! Теперь она знает, теперь имеет ключ к светлой улыбке уруса. Теперь бежать надо... И Гафса хотела бежать, что баранчук-воришка, цапнувший горсть медовой шепталы.

Однако круг колдующих уруса глаз не разомкнулся. Две мягкие ладони легли на горячие ушки Гафсы... Потянули к себе... Кинуло в жар ее... Забилась перепелкой... И присела вся... И вдруг, сквозь сладкий дурман, с дыханием вместе—шепот Лянита—уруса: «Гафсу любит Леонид... Но Гафса—жена... Усман калым платил... Иди!»—Руки разжались.

Гафса попятилась, вся пылая, как в огне сухая камышинка.

IV.

Ворвалась в степь весна. Закружилась, засуетилась... В миг снега обернулись водой. Воды проглотила земля, набухла, закукала—задышала и сгидливо спряталась под зеленое одеяло, точно старуха, помолодевшая от сна. Ожил, закопошился аул. Загудел. Каждая землянка—гнездо шмелиное. Люди малые и большие шмыгали взад-вперед. Хлопотливо верещали бабы.

Возле каждой землянки верблюды недовольно-важно кверху задирали губастые дупоглазые морды. Навьючивали их. Колоды скатанной кошмы, ковров, рогатые охапки кривых крашенных прутьев—ребра для кибиток, облепленные цветной жестью сундуки, черные в саже котлы—все им надо на горбах волочить—колыхать туда, в степь. Кони—тем привольно. Табунами носят, гарцуют себе, разветрив гривы и хвосты. На радостях! Им—тоже в степь.

Не обсохла еще весенняя влага на глине мазанок—опустел аул. Притих, как кладбище.словно куча кизяку, проеденная и покинутая жуками, затерялся он одиноким желтым пятном в степи. Где народ весь? Где косяки коней, стада коров, баранов?... От аула и не видать. Все приняла, что море, бескрайная ковыльная луговина. Распрыгались по ней снежными бабками белые кибитки. Разбрелись табуны. В аромате зыбких трав, под лазурно-прозрачной крышкой неба зачалась привольная кочевая жизнь.

Лянит-урус давно окреп, на ноги встал. В Усмановой кибитке место ситцем отгородили ему. Жил. Никуда не уезжал, только все собирался. Любил видно степь он. Уйдет бывало далеко-далеко от кибитки с кошемкой в руках; на мягком травяном бархате растелет. Ляжет. И глядит, как с клетотом режут голубой студень неба черными лезвиями крыльев гордые беркуты. Долго глядит так, не отрываясь. Иной раз к вечеру уснет и пролежит всю ночь один в степи.

Не мог понять Усман Гафсу в такие ночи. Не спит она. Истомно мечется по горячим подушкам, змеей извивается. А как вздыхает?! Усманово сердце словно кривым шилом протыкали стоны вздохов. Но крепился он. Молчал, стиснув зубы. Руки в крепких кулаках прятал. Только жарким расплавленным оловом, от висков до пят, раскатывались тяжелые неумные волны крови в могучем теле. Эх! Гафса!.. Гафса.. С ранней весны она не жена ему. Не подпускает... Лишь протянет руку,—как завизжит: «Не тронь!.. Нездорова я». А то и расплачется так, что потом не унять. Свернется в комок среди подушек затравленным зверьком. Мокрые глаза отражают желтый свет плошки вместе с ненавистью, страхом, отвращением. Чуял нутром Усман в словах Гафсы неправду. Раньше тоже случалось такое.. Но разве он мог тогда хоть раз подметить такие глаза у жены?.. Где-то в темной, вязкой мути бессонной головы шевелилась дикая, страшная мысль... Жадно, пытливо глодала и сосала мозг... Искала чего-то... Но чем было Усману напоить эту звериную мысль?.. Ничего пока не знал он, не видел, не слышал. Подозревал только...

В те ночи, когда русский спал в кибитке,—спала и Гафса. словно его близость берегла, хранила счастливый сон ее. Как нежная мать бодрствует во сне для своего дитяти,—Гафса чувствовала ровное дыхание за занавеской. Каждое движение, вздох оттуда, из уголка отзывались в ней чутким радостным отзвуком. Для ее тела он был будто рядом; и дыхания их сливались, и сердца бились вместе.

Лошадиный храп Усмана не тревожил отрадной неги ее дремотного сна.

Лянит любил ее. Правда, любил он иной, неведомой любовью. Но что она могла пожелать еще, когда тонуть в ласковой синеве Лянитовых глаз было такой волшебной, такой никогда неиспытанной уследой.

По утрам, когда зорниестеляющиеся по степи лучи вползали

Плеснув из кумгана на лицо, на руки, Гафса переплетала черные, как мазар, змеящиеся косы. О рдеющий восток золотились задумчивые глаза. Низко над землей таял розовый, про-

Урус что-то тихо говорил Гафсе. Ни одного слова не расслышал Усман...

на росистую макушку кибитки и проваливались через раскрытый тюндюк внутрь—Гафса с улыбкой пробуждалась. В узорчатом халатике, с большим медным кумганом*) в руке, она резвой припрыжкой спешила к ручью. Сбитые с покорной травы крупные жемчужные слезы росы кропили смуглые босые ножки... Смятые цветы падали ниц... замирали.

*) Кумган—хувшин.

зрачный, как мечта, туман. Голубело, светлело небо.. Меркла утренняя звезда... И, как огненная стрела, брызгал из-под земли первый солнечный луч: «Ах, Лянит!»... его со вздохом целовали губы Гафсы.

V.

Однажды разлетелась по степи весть: «казаки!» Кибитку за кибиткой обшаривал казачий разъезд степь. Чего искали казаки?—никому неведомо было на первых порах. Но скоро проведали: человека ищут, и человек этот—враг белому царю. Из Москвы он. Раз пойман уже был за буйные дела, да бежал. В Буковскую Орду*) бежал, степной народ будоражить. Опять ловить стали—изловили опять. Погнали его казаки на Уральск... Но по дороге вырвался из под-конвоя буйный человек. И снова схоронился в степи.

Узнал русский—побелело лицо, точно мукой натерли его. Но ничего не сказал. Попросил только Усмана зарядить ржавый кремневый мултух,

*) Буковская Орда—богатая кочевая область Киргизии между нижним течением рек Урала и Волги.

взял большую кошму, кусок баранины вареной и пропал в степи.

Смекнули тут киргизы, что за урус жил среди них. Слыхали они про таких, что против царской неволи... И закусили языки, малым и старым тоже строгие замки повесили на рты. Ох, много кровной обиды, разоренья видели они от казаков-притеснителей с той поры, как белый царь забрал волю степного народа. Немало полегло и храбрых батырей с тех пор, хотевших вернуть киргизам эту волю. Не выдали уруса. Порыскали казаки по степи, пообнюхали кибитки, так и ускакали ни с чем. Однако урус не вернулся в кибитку. Решил переждать. Боялся—оборотятся казаки, нагрянут невзначай.

Дни и ночи в степи дышали сухим, знойным бездождем. Ночевать в степи, обернувшись в кошму—благодать. Каждое утро и полдень Гафса носила Лянтиту еду с питьем, а по ночам маялась, изнывала в тайной тревоге. Усман суровел, темнел, как небо перед грозой. В глазах мерцали волчьи огоньки.

И гроза грянула. Как-то отлучился он на целый день в степь к табунам ловить с джигитами захворавшего сапом жеребца. Долго гонялись за ним. Только к вечеру изловили. Приволокли на аркане к песчаному месту, где не паслись табуны, и пристрелили там. Когда Усман воротился домой,—была полночь,—в кибитке Гафсу не нашел. Искривился в усмешке, как шайтан. Стиснул железными узловатыми пальцами рукоятку ножа... И, до боли играя желваками под медной кожей щек, пополз через пахучий ковыль приседающей хищной украдкой.

Место, где ночевал урус, лежало недалеко. Высокая, мягкая трава, да безлунная ночная темень незримо подвели к нему Усмана. Припав телом к земле, киргиз задрал голову кверху и зачарованным, недышащим ящером окаменел...

На белеющей облачком тумана среди трав кошме были урус и Гафса!... Урус сидел, Гафса лежала, притулив покорно голову к его коленям. С ее očekанных монетами кос сочился звездный отблеск. Урус что-то тихо

говорил... Склоненную голову ласкала-гладила рука.

Ни одного слова не расслышал Усман. Как молотками, по раскаленной каменной голове защелкала огненная кровь. Туманная кошма расплылась в глазах белесым морем... Все тело прожгла мысль: «Зарезать обоих!»

В этот миг, словно дерзкая лапа, иная злокозненная мысль бесшумно рванула его назад. Скоро Усман был далеко. Бешеным призрачным вихрем он свистел над ночной степью на коне. Мягкая земля глухо и часто ухала—вздыхала под копытами. Зоркие взгляды четко рассыпанных по небу звезд летели вслед. Вот вдали засерела островком среди ковыльного моря песчаная плешинка с черной на ней точкой. Понеслась навстречу, расползаясь... Черная точка выросла в лошадиный труп.

Усман соскочил с коня, спутал ему ноги и приблизился к трупу с ножом в руках. Мертвая туша остыла уже, отвердела. Ноги торчали колами. Как-то птица успела выдолбить глаза.

Ткнув ножом сначала в одну, потом в другую изъязвленные, гноеточащие поздри трупа, Усман снова вскочил на коня и, дико гикая во мраке, засвистел назад.

На утро Усман сам взялся нести урусу еду. Гафса успела только ненавистно резнуть его глазами и затаилась, стерпела. О, если бы угадало ее сердце, чем поступилась она, что отдала вместе с правом лишний раз взглянуть на Лянтиту!.. О, если бы видела она, как «колдовал» на пути Усман, сидя на корточках, тусклой сталью ножа деревянную пилу с теплой зурпой*) и мягким бараньим бочком, а потом глубоко забивал в землю нож!.. Кто знает?—может быть тогда не пришлось бы всему аулу Уры-Сак плакать гнойными слезами, а Усману до конца жизни терзаться скорбью безысходной...

VI.

Недели через три киргизы уже глухо, злобно роптали: «Спасли, сохранили уруса, а он, шайтан, беду при-

*) Зурпа—бульон из баранины.

нес, худую болезнь на табуны наслал. Седьмого коня, да двенадцатую кобылу пристрелили уже». Престарелые аксакалы укоряли: «Аллах наказал!... Допустил Усман бабу с урусом спутаться... Не усмотрел... Забыл закон... Позор!» Те, кто сердцем жестче, угрюмо грозились: «оттащить на аркане заразу на песок!.. Пусть там подыхает. Волкам его, да коршунам!.. Зачем такого близ кибиток терпеть! Скоро люди болеть станут».

Гафса приняла заразу первая. Гонимая ото всех и отовсюду, она, как раненая волчица вокруг гнезда, бродила около больного Лянита. Сладкий зной ее сердца к златоволосому урусу не охладили страшные признаки тяжкого недуга в нем, ничего не изменили, когда сапной яд отравил и кровь ей самой. Ослабла вся. Высохла в корочку за одну неделю. Лицо, руки, ноги, весь стан обсеялись прыщами. Дышалось тяжело, нутужно. Но не покидала своего Лянита. О, Гафса, Гафса—жена степная!.. Не измерить, не познать всей глубины немудрого женского сердца, когда оно захочет любить!..

Кибитки всем аулом перекочевывали на новое место. Гафса поймала в степи верблюда, перевезла уруса, и опять его тело было близ кибиток.

Урус прирос к земле. Изъеденное гнойниками тело было зловонно. Синие глаза в кровавом ободке глядели дико. Иступленные, хриплые стенания вырывались из беззубого рта и, словно проклятья, падали на степь. Пока просил и мог пить-есть, Гафса по ночам таскала тайком из кибиток то арьян*), то кумыс, снимала кай-

мак**) свежий с молока. Но скоро дознались киргизы. Собаками травить стали. Тогда Гафса, крадучись, сама доила в степи коров и кобылиц.

Первые дни, как свершился замысел Усмана лютой, он силой не пустил жену к урусу. Страшал замучить, убить. Ждал — околеет урус, Гафса опомнится... Велика была его любовь к жене, что готов был забыть все, в чем видел вину ее. Однако Гафса, точно былинка к свету, рвалась к урусу.

Не выдержал однажды Усман. Настиг жену на пути к больному, смял под собой, готовясь задавить, как суку блудливую. Но огонь его свирепой ревности вдруг погас от неожиданных слов задыхавшейся Гафсы. Он услышал такое, от чего морозом продрало спину, обвяли руки... Гафсу выпустил... И в могильном безмолвии пролежал в степи весь день, всю ночь. Лишь огненные стреляющие лучи восхода прогнали его в полутьму кибитки.

Целые дни потом он не казался никому на глаза; целые дни сидел в кибитке раздавленный, угнетенный и своим страшным деянием, и любовью жены к урусу, не знавшему в ней женщины, любовью неуяснимой, загадочной. Потому что никому не мог сказать, какое дело свершил, и потому, что никто не осветил бы мрак его тяжких дум.

К шестой неделе хворь забрала еще тридцать кобыл. Двое стариков, пяте-

**) Каймак—сливки.

Усман глубоко забивал в землю зараженный нож..

*) Арьян—кислое молоко.

ро баб, да одна кызымка*) тоже слегли. Черная туча кинула косматую тень на степь.

Совсем разъярились киргизы. Больше не захотели терпеть. По приказу бия**) аульного трое джигитов отогнали нагайками от уруса Гафсу. А его самого, захлестнув арканами, сволокли на песок и кинули уже без жизни, без страданий средь смрадных, истерзанных стервятниками куч падла лошадиного.

Припелась сюда к ночи Гафса. Долго не отрывала зияющих, как две пропасти, глаз от поруганного тела мертвого Лянита, с немым, безумным воплем в душе. Потом отнесла его на руках от паскудного места в сторонку. Травы накубала. Уложила в пахучую постель и потерялась маленькой зловещей фигуркой в той стороне, где далеко паслись резвые табуны.

VII.

Прошмыгнули над степью года. Времена переменились. Отощала, выродилась степь. Ласковую густоту сытого ковыля сменил хилый бурьян, да дикий татарник. В желтой суше обмерла некогда переливавшаяся волнами сочной травы, затуманенной воздушным мятликом, беспредельная луговина.

Поредело стада, табуны... Ой, как поредело!.. Не тысячами, не сотнями — десятками считают теперь в косяках коней.

С чего все это стало? Эй, старики!.. Подымите головы, помахайте

замшелыми бородами... Расскажите!.. Одно ли только время меняет жизнь?..

Время, время!.. Его безучастная метла многое смела с памяти кочевых людей. И, пожалуй, никто во всем ауле Уры-Сак не ведает так хорошо, как Усман, что пособляет времени иной раз сам человек.

Не забыть ему, как после смерти напрасно загубленного уруса, сапом выедало целые табуны лошадей, как умирали в тяжких мучениях от заразы люди. Ярче всех стариков памятно ему, как ловили обезумевшую Гафсу, четыре ночи разносившую страшный яд по табунам, как растоптали на его глазах маленькое тело копыта коней озверевших джигитов.

Урус! Его кости лежат под холмиком. Через три года после мора, их отобрал Усман среди кладбища сотен побелевших лошадиных костяков у песка и зарыл в том самом месте, где сам поднес ему муки и смерть.

Урус-батырь! Недруг белого царя! Он явился в степи, такой бездомный, такой неразгаданный, с затаенной сумрачной думой в голубой стали глаз. Что это был за русский батырь, такой одинокий?... Почему его дела пугали белого царя?... Не сулили ли те дела и киргизскому народу, чеге добивались некогда непокорные царю батыри Исет и Кенисара?.. За что так любила его Гафса?..

Никогда Усману этого не понять. До конца жизни не унять ему в душе и темной скорби своей, никому не высказанной. Ибо нет более живучих терзаний совести о злодеянии над тем безвинным, чей образ так просится в легенды.

*) Кызымка — девушка.

**) Бий — старшина.

«Красный генерал» АЛЕКО ДУНДИЧ

Рассказ А. А. СОБОЛЕВСКОГО

Иллюстрации И. А. ВЛАДИМИРОВА

1920 год. Начиная со 2 июня, идут непрерывные дожди, крайне утомляющие конницу. В связи с этим, Буденный приказал армии расположиться в занимаемом районе на двухдневный отдых.

В полевом штабе армии я неожиданно столкнулся с «красным генералом» Алеко Дундичем.

Разумеется, Алеко не из бывших генералов; для этого он слишком молод. По национальности он — чех; владеет языками русским и польским. В Дундиче сочетаются смелые порывы, остроумная находчивость, боеспособность, словом — все

те элементы, которые в отдельных крупных разбросаны в боях 1-й Конной армии. Бойцы обожают Дундича за необыкновенную лихость в боях: он рубится левой рукой, одновременно поражая противника из маузера — правой.

За Дундичем записан случай, когда он один пробрался на белогвардейский участок, побывал на вечеринке у какого-то генерала, обезоружил шесть офицеров и привез с собой отобранное у них именное оружие и несколько бутылок вина и, самое важное, он доставил нам только что утвержденный оперативный приказ белогвардейцев.

Буденный приказал армии расположиться на отдых.

А вот другой случай. Однажды Дундич напал на санитарный обоз противника, зарубил тридцать два человека охраны, сам получил шестнадцать скользких ран и при всем этом... украл у противника сестру милосердия, доставив ее на своем коне невредимой в штаб дивизии. Эта сестра весьма старательно ухаживала в лазарете за Алеко и впоследствии они поженились...

Итак, выходи вместе с ним из штаба, я взглянул на часы. Было около 11 час. вечера. Непрерывный дождь размесил дорожную грязь настолько, что мы едва пролезли к тому месту, откуда раздавалось фырканье наших коней. Вскочив на седла, мы медленным шагом двинулись по дороге, которая вывела нас в поля, замыкавшиеся впереди сплошной стеной леса.

Дундич принадлежал к числу тех людей, с которыми если не говорить, то они способны, пожалуй, промолчать всю жизнь. Только хмелевая брага развязывала его язык и тогда, помимо находчивости и острых словечек, я нередко слышал от него целые дитаты из романов Синклера и Пшибышевского.

Чтобы нарушить молчание, я заговорил на тему, приятную для моего спутника. Из осторожности беседу вели на польском языке.

— Когда я думаю о тебе, Дундич, и о твоих дьявольских похождениях, то всякий раз сравниваю тебя с Богуном.

Имя одного из героев романа «Огнем и мечем» заставило Дундича вздрогнуть. Он откинул голову и произнес в пространство:

— Богуи... Н-да, Богуи... — Помолчал и,

повернувшись в мою сторону, спросил: — А кто был, по твоему, Богуи?

— По-моему... анархист.

— Анархист?... Может быть, и анархист... А почему анархист?

Я задал ему встречный вопрос:

— А как ты думаешь, почему?

Он не ответил и, после нескольких минут задумчивости, опять спросил:

— А кто, по-твоему, Буденный?

— Такой же самородок, как ты или как Богуи.

— Не хитри, комиссар. Не люблю этого... Говори, почему ты называешь Буденного самородком, а Богуи анархистом?

Я улыбнулся:

— Потому что Богуи — принадлежит 17 веку, когда теории о правах трудящихся и в помине не было. Богуи не имел того понятия о диктатуре пролетариата, какое есть теперь у тебя или у Буденного...

Дундич задумался. Я снова нарушил молчание:

— А почему ты отказываешься занять должность командира?

Ответа не последовало. Дундич был слишком умен, чтобы так просто выдавать свои сокровенные тайны.

Мы ехали лесом. Размытый суглинок дороги отблал от копытных копыт звучным чмоканьем. Изморозь прекратилась, но предутренний туман наполнил воздух сыростью и корневой пеленью. Синеватая синевка в не-

бесах порвалась на клочья, а между ними уже выглядывало светлорусое утро. Мой буланый оживал с каждой секундой рассвета, заигрывая с натянутым поводом.

Вдруг впереди нас послышался конский топот. Дундич крепко свистнул нагайкой по мокрой шерсти своего коня, я дал повод буланому и мы вихрем помчались навстречу неизвестным всадникам. Извилистая дорога сворачивала вдоль лесной стены под прямым углом. Достигнув этого поворота, мы почти столкнулись с двумя всадниками. В одно мгновение поводья осадил коней и четыре шашки сверкнули в воздухе; но быстрый взгляд на кубанки — сразу примирил всех. Перед нами были ординарцы 4 дивизии. Смех... стук шашек о ножны, донской каламбур...

— Далеко-ль, хлопцы?

— В штаб армии, с донесением. Так что поляки отхватили у нас обоз с лазаретом.

— Та ж не стоит доносить Буденному о таких пустяках, — совершенно серьезно возразил Дундич. — Через пару часов обоз можно вернуть... А ну, хлопцы, куда держать путь, чтобы выехать на противника?

Старший ординарец отодвинул папаху на затылок, ушпишу себя за ус и, смерив Дундича прищуренным взглядом, ответил:

— Дуй по этой дорожке аж до самого

паса, по паса держи путь о правую руку... — Старший помолчал, поглядел на Дундича и добавил: — Али-ж чье твое сердце, що твоя жинця до своих ялах утикла?

Дундич поблелел и хрипло проговорил:

— Жена моя... к ялам?

Я обратился к старшему с вопросом:

— А где она была?

— Та-ж в этом же обозе — сестрой, — ответил он.

Дундич порывисто воскликнул:

— Так, стало быть, не бежала, а ее захватили в плен!

— Ясно, — подтвердил я. — Попадала вместе с врачебным персоналом.

— Ну, бувайте здоровеньки! — крикнул старшой.

— Счастливо, хлопцы!

Ординарцы прищипорили коней и скрылись за поворотом дороги. Я обратился к Дундичу:

— Ну, дорогой друг, мне в 4-ую, а ты?

Алеко не отвечал. Устремив взгляд в землю, он о чем-то усиленно думал. Затем, не поднимая взгляда, медленно произнес:

— Ядвига... Ядя... попала в плен... в плен к своим... — Он вдруг выпрямился в седле и твердо произнес: — Передай командарму, что я поехал к противнику за добычей. — И он стегнул коня, который вздыбился, рванул вперед и понес его вихрем.

— Будь осторожен, Дундич! — крикнул я вслед и повернул буланого в лесную просеку.

В штаб-квартире боевого участка войск противника — эмиссара Сикорского...

За дверью раздались шаги и в кабинет во

шел полковник пан Лазеба, а за ним, в сопровождении конвоя... Алеко Дундич.

Если верить бывшим в моих руках запискам Дундича, то в эту минуту он был совершенно спокоен. Отдав честь эмиссару, он представился на польском языке:

— Поручик чешской армии Алеко Дундич. С кем имею честь говорить?

Сикорский подозрительно взглянул на кавказскую бурку и папаху Дундича и ничего не ответил. Дундич поймал его взгляд и моментально сбросил с себя верхнее одеяние. На нем был старый мундир чешского офицера, из которого он никогда не выезжал.

Эмиссар сдержанно улыбнулся и протянул руку Дундичу:

— Уполномоченный правительства, лейтенант Сикорский... Прошу прощения за нескромность, но... ваш документ?

Алеко достал из доломана бумажник, вынул аккуратно сбереженную офицерскую книжку чешской армии и протянул ее эмиссару. По заведенной традиции спрашивать документ, Сикорский упустил из виду, что он не умеет читать по чешски. Но выдавать себя было бы непристойно представителю польского правительства. Вот почему он очень внимательно перелистал страницы и, с видимым удовлетворением, вернул документ Дундичу. Сомнений не было уж и потому, что Дундич, разговаривая по-польски, произносил слова с чешским акцентом. Но чем объяснить, что Дундич, при задержании его сторожевой заставой, назвался другой фамилией? Дундич видел, что эмиссар вертел в руках донесение и понял его молчаливые соображения. Поэтому, не ожидая вопроса, он счел нужным пояснить:

— Я допустил грубую хитрость, назвавшись другой фамилией. Но это было сделано мною с единственной целью — обмануть доверие начальника контр-

разведки, обязанность которого во всех сомнительных случаях — доставлять арестованных для допроса в штаб боевого участка... Если бы я заявил вашему офицеру о себе правду, подтвердив ее документом, то не был бы допущен сюда.

Сикорский указал Дундичу на кресло и предложил папиросу. Не сводя с него пристального взгляда, он спросил:

— Глубоко извиняюсь, пан поручик, но я обязан узнать, почему вы прибыли к нам со стороны боевого участка армии Буденного? Если пан поручик пробирается на свою родину, то почему бы ему было не воспользоваться более безопасным путем, например, через Одессу или Севастополь?

Дундич улыбнулся.

— Пан уполномоченный забывает, что я — достойный защитник интересов своего отечества. Бежать из России на свою родину и ничего не сказать о боеспособности советской армии — было бы для меня, офицера, непростительным. Буденный слишком опасный противник, вот почему я выбрал переход границы именно на его боевом участке.

Эмиссар медленно произнес:

— Я надеюсь, что пан поручик поделится с нами ценными сведениями, которые он добыл в армии Буденного?

Дундич не задумываясь ответил:

— Пан уполномоченный должен понять, что это будет зависеть от того приема, который мне окажут представители ясновельможного правительства.

Сикорский встал и восторженно пожал руку Дундичу.

— Будьте уверены! —

сказал он и, обратившись к начальнику штаба, приказал: — Полковник, верните пану поручику оружие; вызовите сей-

Дун-ди-чу, урра-а! — раскатывалось по аскадронам.

час же автомобиль и предупредите командующего, что мы едем к нему.

Пан Лазеба с поклоном вышел из кабинета.

Сегодня наши бойцы 14 кав. дивизии имели возможность наблюдать незабываемое явление.

По Горыныградскому тракту, со стороны расположенных боевых частей противника, с бешеной скоростью мчался открытый автомобиль. Два пассажира, занимавшие места у руля и один сзади них — на откинутом табурете, сидели совершенно спокойно, в то время как четвертый пассажир стоял несколько накренившись вперед; в левой руке он держал на взмахе обнаженную шашку, а в правой — маузер, изредка рассекая воздух выстрелами. Наши кавалеристы, бывшие возле тракта, неожиданно огласили воздух громовым «ура!»

— Дун-ди-чу урра-а! — раскатывалось по эскадронам, пока автомобиль не остановился возле полевого штаба.

Лейтенант Сикорский, полковник Лазеба и шофер были обезоружены. Между Дундичем и лейтенантом был повторен характерный обмен репликами. Дундич с совершенно серьезным видом обратился к эмиссару по русски:

— Я надеюсь, что пан лейтенант поделится с нами ценными сведениями относительно дислокации войск вверенного пану боевого участка?

Сикорский хрипло произнес:

— Это будет зависеть от того приема, который мне окажет пан Буденный.

А с заходом солнца Дундич, посвятив начальство в план своих дальнейших действий, сел за руль польского автомобиля и помчался снова в сторону противника.

* * *

Я читаю записки Дундича и передо мной мелькают одна за другой яркие, почти фантастические картины. Я пытаюсь объединить их в одно целое и хочу убедить себя, что это только роман... Но это факты и факты...

* * *

Допрос производит сам командующий боевым участком, светлейший князь Радзивилл. Он слишком молод для занимаемого положения; на вид ему можно дать не более 25 лет. Но, очевидно, заслуги предков не позволяют ему занимать меньший пост.

Кроме князя Радзивилла и Дундича в кабинете — начальник штаба — полковник Артишевский и начальник контр-разведки. Пристально, с нескрываемым высокомерием, смотрит князь на бледное, едва вздрагивающее лицо Дундича, которому есть над чем подумать.

На предварительном допросе начальника контр-разведки Алеко заявил, что он стал «жертвой предательства лейтенанта Сикор-

ского и полковника Лазеба», которые, будто бы, давно помышляли о переходе на сторону советских войск и только ждали удобного случая. Явка его, Дундича, в польский штаб с намерением рассказать все, что он знает об армии Буденного, оказалась как нельзя более кстати для целей Сикорского, и он самолично повез Дундича в штаб армии Буденного. Конечно, Дундичу угрожала смерть, но ему удалось бежать...

Протокол с этим показанием лежит перед князем. А Дундич думает и начинает с очевидностью понимать, какую глупость он допустил, дав на предварительном допросе такое нелепое показание. Он сидит возле стола князя и считает секунды, отделяющие его от расстрела... Тем не менее он решает защищаться до последней возможности. Порывисто подняв голову, он глядит прямо в глаза князю:

— Зачем вы пытаете меня, ясновельможный пан Радзивилл? — спрашивает он с горечью в голосе.

Князь, не опуская взгляда, цедит сквозь зубы:

— Я не допускаю мысли, чтобы эмиссар Сикорский и полковник Лазеба могли изменить своему отечеству...

— Но я же подлинный офицер чешской армии! — возмущается Дундич. — Мог ли я оставаться в армии Буденного?

— Как вам удалось бежать?

— Бежать?... — повторяет Дундич. По губам его пробегает едва заметная улыбка. — Разве я до сих пор не сказал, как мне удалось бежать? .. В самом деле... Нервное потрясение было настолько сильным, что я упустил самое важное обстоятельство...

— Я вас слушаю... — говорит князь.

— Видите ли... Лейтенант Сикорский и полковник Лазеба, ну, и, конечно, я, помчались на автомобиле к вам, в штаб. Мне сразу показалось странным, что мы едем по дороге, ведущей в сторону противника. Но... на мой вопрос лейтенант Сикорский ответил, что это — ближайший путь. Больше я вопросов не задавал. Внезапно выехавшая из леса разведка преградила нам путь. Машина остановилась. Казаки, окружившие ее, приказали нам сойти. Лейтенант Сикорский, полковник и шофер сразу подчинились приказу и пошли в сторону казаков, а же вскочил на место шофера и, быстро повернув автомобиль, дал полный ход...

— И вас не преследовали? — спросил князь.

— До первого поворота дороги я слышал за собой лишь несколько выстрелов... Вот вся правда.

— Позвольте, поручик. Из протокола допроса видно, что вы уже раньше были в штабе армии Буденного.

Дундич выпрямился:

— Я был в штабе Буденного до того, когда я впервые пришел в штаб эмиссара пана Сикорского. Сейчас же мне, чешскому офицеру, у Буденного угрожает смерть.

Но я вижу, что, прибыв сюда, под ваше покровительство, я тоже подпал под подозрение. Я попросил бы ясновельможного пана отправить меня хотя бы под усиленным конвоем в распоряжение нашего чешского консула.

— Это будет сделано после того, как вы нам дадите исчерпывающие сведения об армии Буденного, — говорит князь и, повернувшись к полковнику Артишевскому, добавляет: — Улучшите содержание арестованного. Завтра вечером вы доставите его на чрезвычайное совещание.

— — —

Картина сменяется другой, еще более отчетливой.

Дежурный офицер провожает Дундича в зал заседаний, где уже идет совещание представителей польского и французского генералитета. Дундич входит как раз в тот момент, когда начальник штаба, полковник Артишевский, резюмирует свой доклад:

— В период времени с 14 по 26 июля, — говорит Артишевский, — Буденный всячески стремился продвинуться ко Львову. Через образовавшийся между 2 и 6 нашими армиями прорыв он пропускал одну свою дивизию за другой, всячески препятствуя соединению наших армий. Однако, успех всех этих попыток выразился лишь в захвате некоторого пространства земли, — живой силе наших армий он не причинил сколько-нибудь значительного урона. Таким образом, время, потерянное Буденным, не соответствовало достигнутым результатам. 26 июня мы выбросили первые части наших новых сформированных для пополнения конных бригад. В это же время наш командующий южным фронтом приказал передвинуть шестую пехотную дивизию из Лудка в Берестечко и перебросить на автомабилах части первой пехотной дивизии из района города Лудка в Радзивиллов, после чего перейти в решительное наступление. — Артишевский делает паузу, испытующе взглядывает на Дундича и, после минутного колебания, продолжает:

— В тот же период времени наше верховное командование создало в тылу целый ряд кавалерийских соединений, часть которых успела принять бой с армией Буденного под Бродами. Выигрыш времени являлся главной задачей нашего командования и оно вело бой лишь для задержки продвижения противника. Эта цель генералом Краевским была достигнута и понесенные нами потери не были напрасными¹.

Полковник Артишевский аккуратно укладывает бумаги в папку и садится. Среди присутствующих молчание. Наконец, представитель французского генштаба, просив внимания, поднимает палец.

¹ Из приведенной стенографически записанной речи полк. Артишевского усматривается, что польское командование в указанный им период не знало настоящей задачи Буденного: см. директивы н. фронта от 23/VII.

— Полковник Артишевский сказал — и это все слышали, что потери, понесенные польской армией при условном разгроме кавалерии генерала Буденного, не были напрасными... Я хотел бы знать, что подразумевает полковник Артишевский под формулой «не напрасных потерь»: пейзажное пушечное мясо, или города: Бердичев, Житомир, Киев, Новоград-Волынский, Ровно и так далее, со сдачей которых отдано генералу Буденному и наше снабжение? ... Если принцип сдачи противнику городов и материальной части — есть принцип и светлейшего князя, то французское военное министерство вправе беспокоиться за судьбу своих кредитов. — Он слегка приподнимается и, обратившись к князю Радзивиллу, заканчивает:

— Я надеюсь, ваше сиятельство даст на мой вопрос исчерпывающий ответ?

Юный князь бледнеет и ломает карандаш, который он только что вертел между пальцев. Его ответ звучит как всегда властно и надменно:

— Когда человек идет по дороге и на пути его встречается камень, он может отбрасывать его как угодно, ибо это — право всякого человека. — Радзивилл делает паузу, как бы наблюдая за достигнутым впечатлением и продолжает: — На нашем пути — Буденный. Это крупное препятствие; это тот аллегорический камень, который я должен отбросить во что бы то ни стало, не задумываясь о средствах. Да и кто осмелится считаться со средствами, когда вопрос идет о победе великой нации? Кто осмелится упрекать нас в позорном отступлении, если именно в нем кроется самый план победы? Не забывайте, — обращается он к французскому представителю, — что чем ближе наши войска к тыловому снабжению, тем больше у нас шансов. Вопрос об уничтожении армии Буденного — это вопрос нашей чести и под стенами этого города он будет разбит! — С этими словами князь решительно встает и, пресекая дальнейшие разговоры, приглашает членов совещания перейти в общий зал, где, после парадного банкета, должен был состояться бал.

Дундич идет за всеми. Он поражен, что на заседании ему не было задано ни одного вопроса. Сквозь рой различных предложений неотступно гонит один вопрос: «Неужели... свобода?» Между тем, оркестр, встретивший членов совета французским гимном, смолкает... Кто-то осторожно берет Дундича под руку. Алеко оборачивается. Рядом с ним стоит улыбающийся начальник контр-разведки.

— Скучаете или грустите?

Дундич пожимает плечами:

— Скучают глупцы, а грустят бессильные люди. И то, и другое — не в моей натуре... Здесь просто душно...

— Пройдемте в сад, — предлагает его страж и, поддерживая Дундича под руку, направляется с ним к выходу.

Они выходят на веранду, где толпятся служилые люди, с любопытством разглядывая через освещенные окна нарядных гостей.

Внезапно с противоположной стороны отделяется знакомая фигура женщины. Дундич вздрагивает... глядит за ней. Женщина медленно проходит по аллее и скрывается во мраке у ближайшего деревянного флигеля.

Начальник контр-разведки шутливо спрашивает:

— Интересная женщина, не правда ли?

— Кто она? — спрашивает Дундич.

— Экономка местного ксендза, — отвечает офицер и, бросив плутоватый взгляд на Дундича, весело добавляет: — Готов держать пари, что в отношении этой паненки ксендз Симонайтис нарушил свой священный обет...

— Почему вы думаете?

— О! Это любопытная история... Эта паненка служила в одной из наших частей сестрой милосердия, затем бежала к красным и снова попала к нам в плен вместе с другими. Как полька, она выразила перед смертью желание исповедываться... Это было у нас, в штабе... Исповедывал ксендз Симонайтис. А после исповеди он подал заявление, что берет ее на поруки.

Волнение Дундича переходит всякие границы. Он вырывает из своего френча пуговиду с материей и, всеми силами стараясь держать себя в руках, спрашивает:

— Почему ей угрожала смерть?

— Да потому, что, когда она бежала к красным, она наверное передала им сведения о расположении наших частей, так как вслед за побегом наши армии должны были отступать от сокрушительных ударов конницы Буденного.

Дундич не унимается:

— Разве ваше командование информирует сестер милосердия о расположении воинских частей?

— Нет, конечно, но кража этой сестрой документов не исключена...

— Какой пьянящий аромат у этих цветов, — произносит Алеко безразлично. — У вас есть папиросы?

Ротмистр открывает портсигар и, предложив Дундичу папиросу, идет за ним в сад. Дундич внимательно рассматривает расположение часовых, рассеянных по всем перекресткам аллей, и ни одной минуты не упускает дома, в котором скрылась знакомая ему женщина.

* * *

Записки Дундича не содержат всего описания, как он бежал от Радзивилла со своей Ядвигой. Воспроизвожу первую часть по рассказу Дундича, а конец — по подлинным запискам.

* * *

Ядвига сидит за столом. Лицо ее мертвенно-бледно, голова опускается на руки,

на глазах выступают слезы... Вдруг в прихожей раздается скрип двери... Кто-то осторожно крадется по корридору. Ядвига не может усидеть на месте. Она бежит к дверям, распахиывает их настежь. Перед ней. Дундич.

— Алеко!...

Какая она маленькая в его объятиях.

Он быстро говорит:

— Яда, я удрал и не знаю, куда бежать; кругом часовые!... Слышишь? Они уже идут! Спрячь меня скорей!

— Пан Езус! — с отчаянием вырывается у нее. — Я не могу тебя спрятать, сейчас должен прийти мой муж.

— Яда?...

— Погоди!...

Где-то, совсем близко, раздается лай собаки и голос, останавливающий лошадь.

— Идем!

Дундич бросается за ней. Войдя в комнату, ксендз Симонайтис достает из сутаны платок и вытирает им мокрое лицо. Ядвига садится и старается придать голосу как можно больше спокойствия:

— Ну, как поездка? — спрашивает она.

Ксендз закуривает и, заложив правую руку в задний карман сутаны, начинает быстро ходить по комнате.

— Сейчас меня занимает другой вопрос... Мы переживаем такие времена, когда хитрость изуита должна уступить место хитрости женщины; такой женщины, как ты... да, да... именно ты!

Он делает паузу и испытующе глядит на нее.

— Я слушаю, — произносит Ядвига.

— Прежде всего тебе нужно доказать преданность...

— Каким образом?

— Ты должна выразить сочувствие по поводу утраты на фронте... изъяснить свою радость лично князю Радзивиллу по поводу его славных побед! Ты не будешь ни первой, ни единственной, высказавшей почтительность его светлости, и тем самым — напомнишь ему обо мне.

— Ничего не понимаю, — отвечает Ядвига, отбросив со лба набежавшую прядь волос. — Смешно напоминать князю о человеке, с которым он каждое утро пьет чай; и тем более мне, которая даже не смеет думать о входе в его апартаменты...

Ксендз смущенно потирает руки.

— Видишь-ли... — начинает он. — Князь Радзивилл — очень молодой и одинокий. Его легко увлечь... Ты меня понимаешь?

Ядвига вскакивает с места.

— Ты... ты толкаешь меня на связь с князем?

Ксендз долго откашливается. Он не смотрит на Ядвигу:

— Цель мою ты знаешь: благодаря твоему содействию я могу получить пост епископа. А какие ты примешь средства для этого — это не мое дело. Я не мастер давать советы женщинам!

Ядвига вспыхивает, но подавляет внутренний протест и голос ее звучит почти спокойно:

— Ну, а я?... Я что буду иметь от этого?

— Все! — бросается к ней Ксендз. — Я готов на все!

Наступает молчание. Ксендз с тревогой впивается ей в глаза. Наконец, она кивает головой и цедит сквозь зубы:

— Хорошо...

Ксендз радостно вскрикивает и хочет обнять ее, но в коридоре раздается звон шпор и на пороге в столовой появляется полковник Артишевский в сопровождении офицеров. Лицо Артишевского пылает гневом. Он вызывающим тоном обращается к Ксендзу:

— Я это подтверждаю!

— Так вот... случай представился.

— Случай?... О, Ядвига! Говори, я исполню любое твое желание!

— Человек, которого ищут, спрятан у меня. Его необходимо спасти!

Ксендз растерянно отступает на шаг.

— Что... что это за человек?

— Чешский офицер!

— Шпион? — подзывает он. — Ты хочешь, чтобы я помог тебе спасти шпиона?

— Я хочу, чтобы ты исполнил свое обещание.

Зачем вы пытаете меня? — спросил
Дундич у кн. Радзивилла.

— Ксенже пробоще, я считаю не лишним просить у вас разрешения на производство обыска в вашем доме.

— Обыск? — пораженно переспрашивает Симонайтис. — А позвольте узнать, для какой надобности?

— Мы торопимся, — раздраженно бросает Артишевский, — и я просил бы вас не задавать мне праздных вопросов.

— Полковник! — восклицает Ксендз. — Мой дом — вне подозрений!

— Если бы это было так, Ксенже, то меня не было бы здесь.

Ксендз вспыхивает:

— Прошу вас, полковник, немедленно удалиться из моего дома. Я буду говорить с вами только в кабинете его сиятельства!

— Хорошо. Но прошу вас тогда пройти в кабинет его сиятельства немедленно!

И Артишевский выходит из дома Ксендза, оставив двух младших офицеров дежурить у крыльца. Ксендз хочет последовать за Артишевским, но Ядвига останавливает его жестом.

— Погоди!... Только что, когда я дала тебе обещание устроить твою карьеру, ты сказал, что готов для меня на все.

Но Ксендз не слушает ее. Его лицо багровеет от гнева:

— Я предлагаю тебе немедленно выдать неизвестного! — шипит он, схватив ее за руку. — Или я переверну весь дом и ты горько за это заплатишься!

— Обещай мне спасти его и я скажу, где он находится, — упрямо говорит Ядвига.

— В таком случае, я не нуждаюсь в твоих указаниях! — вскрикивает Ксендз, поворачиваясь к выходу.

— Подожди! — истерично вырвалось у Ядвиги. — Когда я была на фронте сестрой, этот человек один бросился на наш санитарный отряд, зарубил солдат, а меня силой перекинул на свое седло и увез к красным... Я стала его женой... Сейчас я не знаю, как попал он сюда, но я знаю только одно, что это мой муж и я должна спасти его во что бы то ни стало... Ты обещал исполнить любое мое желание, если я пожертвую собой... Я... я пойду к князю. Но, если...

Ксендз металлически произносит:

— Покаянись!

— Что тебе в моей клятве. Я зываю к твоему разуму. Неужели ты не понимаешь голоса сердца...

Минутное колебание и ксендз принимает решение:

— Хорошо... Приведи его сюда.

Поматываясь, Ядвига проходит в свою комнату. Дундич сидит за ночным столиком и что-то заносит карандашом в записную книжку.

При появлении Ядвиги он окидывает ее взглядом и спрашивает с улыбкой:

— Уговорила?

— Ты слышала? — шепчет она подавленно.

— Дословно.

Ядвига старается держать себя в руках, но слезы выдают ее волнение.

— В чем тебя обвиняют? — спрашивает она.

— В том, за что ставят к стенке! На глазах гостей я вынул из портфеля Артишевского утвержденный план будущих боевых операций¹.

— Он у тебя?

— Разумеется!

Разговор обрывается; они оба напрягают слух.

Из столовой доносится голос офицера:

— Ксенже пробоше, вас просит его сиятельство.

— Передайте князю, — говорит ксендз, — чтобы он немедленно выслал офицеров для ареста преступника, который скрывается в моем доме!

При последних словах Дундич с шумом распахивает дверь в столовую. Решительным движением он подходит вплотную к ксендзу:

— Иуда!

Он не успевает говорить дальше. В комнату быстро входят офицеры с полковником Артишевским во главе. Ксендз, белый, как полотно, указывает пальцем на Дундича:

— Вот он, шпион, берите!

— Негодяй!... — истерично вскрикивает Ядвига.

Дундич обводит глазами десяток направленных на него револьверов и... по его лицу скользит улыбка.

— Сдавайтесь! — приказывает Артишевский.

— Я уже сдался, — флегматично отвечает Дундич и опускается на стул. — Но предупреждаю вас, что ваш план боевых операций — не при мне: я его бросил в кусты, когда бежал через сад...

Артишевского охватывает ярость:

— Поручик, мы вас расстреляем, если вы сейчас же не скажите, где спрятан вами план?

Дундич спокойно смотрит в глаза полковника:

¹ Полагаю, что Дундич не совсем точно выразился. Вероятнее всего, речь идет не о «плане», а об оперативном приказе, который является чрезвычайно секретным документом.

— Я уже вам сказал: план я бросил в кусты... С рассветом — его легко можно будет найти.

— К дьяволу! — кричит Артишевский. — Начальник контр-разведки останьтесь здесь, остальные за мной: разыскать или всех перевешать!

Полковник выбегает в сад, куда за ним бросаются и офицеры. Начальник контр-разведки остается у двери. Дундич порывисто подымается со стула и подходит вплотную к ксендзу.

— Благодарю вас, ксенже! — говорит он сжимая его руку. — Благодарю вас за благородный порыв, которым вы хотели оказать помощь советской армии, спрятав драгоценный документ и обещав мне завтра же отправить его к Буденному...

— Что, что? — порывается ротмистр.

— Это ложь! — рычит ксендз и бросается к ротмистру, который с силой его отталкивает.

— А вы, пани, — поварачивается он к Ядвиге, — будьте тверды до конца. Подтвердите офицеру, что вы бежали за ворота этого замка и привели сюда какого-то человека, которому ксендз передал важный документ. Бегите сейчас же с паном офицером за ворота и задержите этого человека! — сильно закончил Дундич.

— Я не знаю... — растерянно произносит Ядвига.

— Что вы не знаете? — кричит Алеко и в ту же секунду отчаянным ударом стула по голове ротмистра опрокидывает его.

Алеко бросает взволнованный взгляд на Симонайтиса. Но тот спокойно лежит ничком на кушетке, видимо лишившись чувств.

Обезоружив ротмистра, Алеко быстро одевает ремни с пашкой и револьвером и, схватив за руку Ядвигу, выходит с нею в сад, где их окутывает ночная тьма.

* * *

Дальше я приведу несколько строк непосредственно из дневника Дундича, этого исторического героя армии Буденного.

... У ворот — команда ординарцев. По моему приказанию отвязали двух коней и мы с Ядвигой взяли курс на Западный Буг.

Возможная встреча с цепью противника впереди волнует меня за свое счастье, за свою мечту — Ядвигу... От натянутых поводьев конь ее отстает. Прошу отпустить мундштуки.

— Алеко, но ведь мне не за что держаться, я упаду... Умоляю тебя, останови мою лошадь, мне страшно! — кричит она.

Я поравнялся с нею. Конь ее был лучше моего: жистокровный вороной скакун, и потому я, бросив своего гнедого, перескочил на ее седло. Обхватив Ядвигу левой рукой, правой я дал повод, и мы помчались навстречу неизвестному.

Ядвига создает опасность и, прижавшись ко мне, шепчет молитвы, перебирая пальцами четки.

Светаает.

— Алеко, нам далеко еще ехать?

— Не знаю, милая, — отвечаю я ей со всей неизлечимой любовью моего сердца. — Если не произошло перемещения наших частей, то...

Я оборвался... Позади нас раздались выстрелы.

— Погоня, милый!...

Вместо ответа, я шпорю коня, который перешел на полевую карьер, соперничая с вихрем... Первый раз в жизни я проклинал наступающий день... С одной стороны дороги — заболоченные поля, с другой — пересеченный тропинками обрыв... Остались минуты до того момента, когда мы превратимся в мишень для наступающего противника.

Вдруг Ядвига схватила меня за грудь и вскрикнула:

— Алеко! Позади нас — всадники!

— Считай, сколько их?

Ядвигу начало лихорадить. Я чувствовал, что она переживает смертельный ужас...

Бедные объятия затрудняют мои движения... Крутой поворот дороги и скалистый выступ помогают нам скрыться от преследователей. Остановив коня, я перекинул повод на ветку кустарника; снял Ядвигу с седла и, быстро поднявшись с нею на выступ откоса, поставил ее, резко приказав ей спуститься на другую сторону обрыва, где шумели бурные потоки Западного Буга...

Не знаю, были ли услышаны мои громкие выкрики противником, но, клянусь именем своей матери, я не хотел бы, чтобы когда-нибудь мой злейший враг пережил такое горе...

Я уже был в седле, как вдруг раздался ружейный залп и Ядя моя, обливаясь кровью, полетела в бурные потоки зловещей реки.

Клянусь именем моей матери, что я слышал, как Ядя крикнула мне:

— Алеко, милый, за что?...

О! если бы не доставка документов; если бы не долг мой перед революцией, я бросился бы в пучину...

Конский топот отвлек мое внимание и я попятил коня, укрывшись за выступом. Я обнажил шашку и револьвер и приготовился к пропуску мимо себя всадников...

Все ближе и ближе долетают храпы коней... И вот мелькнули фигуры двух гусар... две верные пули из моего кольта — и всадники свалились с коней... третий... тоже... За выступом — крик останавливающей команды... Но вот и четвертый всадник. Его

Я обхватил Ядвигу и мы помчались...

постигла та же участь. Вслед за тем шпоры мои вонзились в бедро коня. Он рванул вперед... Я круто повернул навстречу противнику... их оставалось еще двое.

Неожиданность встречи, или какое-либо другое чувство, заставила их по-

вернуть коней. Я воспользовался этой маленькой неосторожностью врагов и дал два последние удачные выстрела..."

В предрассветном тумане кое-где вспыхивали догорающие костры, вокруг которых, на мягких бурках, спали тревожным сном казаки.

Дундич всю ночь просидел над своим дневником, и, не смыкая глаз, я наблюдал за ним. Порою он смотрел в пространство, над чем-то усиленно думая, порою переводил свой вопросительный взгляд на меня, как бы ожидая ответа на неразрешенный вопрос: „быть или не быть?“

Но вот тишину наступающего утра пререзали звуки медной трубы горниста...

ДВЕ СИЛЫ

Рассказ ОЛЕГА КРАМОРЕНКО

Иллюстрации Н. М. КОЧЕРГИНА

Автор награжден 4-й премией на Литературном Конкурсе „Мира Приключений“ 1929 г. „За работой“.

Вид, приблизительно, такой: котловина диаметром верст в пятьдесят, наподобие блюда. На дне — завод и домики рабочего поселка. К северу — белесо поблескивают озера карьеров. Возле них — остатки электрической железной дороги и поломанный экскаватор. Здесь добывают серую глину, а немного дальше — песок, который продают стекольным заводам.

К западу — потянулись леса. Правда, много старых деревьев повыврубили, но молодняк тоже красив. Он как-то особенно, жизнерадостно, ярко и кучеряво. А немного вглубь, у запущенного пруда бывшего заводчика, красиво по-своему: мистически-нереально. Возле берегов еще сохранились громадные вербы. Они наклонились и, купая волосы, рассматривают в неподвижной воде свое изображение. Все как будто окаменело, а на поверхности спят: синие, коричневые, зеленые и черные тени.

Дальше к югу часть пруда переходит в болото. Оно заросло высоким камышом, а вода зацвела зеленью. Влажный и теплый воздух стоит над этим местом, а между стеблей болотных растений (там все время игра прозрачных, зеленых теней) спят длинноногие малярийные комары. Молодежь не любит этого места, предпочитая ему уютно приветливые полянки, где весной там много земляники...

Надвигались теплые сумерки одного из июльских вечеров 1922 года.

Высокому широкоплечему человеку, шагавшему по узкой лесной тропинке, казалось, что он одновременно погружается и в вечер, и в лес. Подойдя

к пруду, он присел на пенек и прислушался. Затем вынул кисет с махоркой, набил коротенькую трубку и посмотрел вверх. Тени сгущались. Казалось, будто в вечерний воздух впустили сине-черную каплю, которая растворилась — расплылась, обволакивая предметы. Было тихо.

— Влодь!

Широкоплечий вздрогнул и обернулся. Из-за густых зарослей лозняка вынырнуло двое.

— Ну?

— Мое последнее слово — нет, — сказал Марков, выпуская клубы махорочного дыма.

— Тэ-эк, — протянул шуплый, маленький человечек, улыбаясь нехорошей улыбкой, — не подходит тебе, значит, наша компания? Ну, дело твое, одно только помни: лишнее слово кому скажешь, то... Понял?

— Не посмотрим, что коммунист, — поддержал второй — худощавый и с маленькими, злыми глазами.

— Время-то смутное, — процедил сквозь зубы иронически шуплый. Марков с невозмутимым лицом наблюдал, как в замершей черной воде зажигались все новые и новые звезды. И вдруг внезапно выпрямился и положил руку на плечо шуплого.

— Сень, — сказал он глухо, — слышишь, Сень, может ты сам передумаешь, ведь мы когда-то были товарищами. Заживем попржежнему, а Сень?

— Пусти! — злобно выкрикнул тот и сбросил руку с плеча, — тоже, наставник. Если ты дурак, так и оставайся дураком, а с меня довольно.

Сам знаешь: в партизанах был? Был! Три пальца Колчак оторвал? Оторвал! Врангель эполеты на плечах вырезал? Вырезал! И теперь после всего снова стать рабочим, хауем, быдлом? Нет, брат, шалишь! Все равно подыхать скоро: чахотка через год, много два, сожрет. Так проживу хоть это время по-настоящему!

В свистящем полушопоте слышались почти истерические нотки.

— Мне тебя жалко, Сень, — просто сказал Марков.

Тот резко к нему повернулся, хотел что-то сказать, поперхнулся, затем махнул рукой и исчез в лозняке. Марков пошел назад. Когда лес окончился, оставил дорожку в стороне и зашагал напрямик через поле. Мокрая трава шуршала и путалась под ногами. И вот остановился. Было темно, словно на дне моря, и крупные, редкие звезды казались огоньками плавающих на поверхности пароходов. Луна притаилась где-то за лесом. Далеко внизу лежит завод. В горновом деху огни — сегодня обжиг. Вечерний ветерок погладил трепещущими пальцами травы и снова тихо. Мысли бегут как-то в разброд, все время меняя темы и направление. Знает хорошо: предупредит замысел — и он конченный человек. Выбора нет. Крепко прижал шершавую ладонь ко лбу, словно желая выдавить решающую мысль. Затем резко оторвал и зашагал крупными, уверенными шагами к заводу...

Пронзительный гудок возвестил окончание работ, и из громадных корпусов потянулись вереницы рабочих. Возле горнового деха группка рабочих обступила Маркова.

— Ну, что, Володь, — спрашивает растрепанный верзилка, на обязанности которого лежит вывоз шлаков, — когда монету будут давать? Пора бы!

— Завтра будут уже платить, — говорит тот, — сегодня привезли. Теперь кооператив сорганизуем.

— Слышь, ребята. Марков киператив будет организовывать!

— И монету завтра будут платить!

— Молодец наш Володька; сам хлопотать ездил.

Выйдя из ворот, Марков пошел, однако, не к поселку, а по направлению общежития, в котором жили некоторые конторские служащие и приезжающие. Войдя в корридор, он постучал во вторую дверь направо. Через минуту она отворилась и худощавая черноволосая девушка крепко встряхнула ему руку. Затем, заперев дверь и сунув ключ в карман, она направилась в сопровождении Маркова к выходу.

Катя Улис недавно приехала из центра, но в короткое время подняла работу в женотделе, организовала ясли, общественную столовую и пользовалась среди работниц большим авторитетом. С тех пор, как молодые люди ближе познакомились, в их отношениях появилась какая-то расплывчатая неясность, что одинаково раздражало обоих. Находясь в обществе друг друга, они чувствовали взаимное притяжение и в то же время в разговор вкрадывались неприятные паузы. И догадываясь, что это происходит от неувязки отношений, ни один не хотел сделать первого шага. Теперь они шли полем по направлению к карьерам¹. Было очень жарко и аромат сухих трав плавал в воздухе дрожащими струйками.

— Ты, небось, еще не обедал? — спросила она, глядя перед собой.

— Когда бы я успел, ведь гудок был не больше пяти минут назад. Впрочем, мне не хочется есть. — Он хотел сделать вслух предположение, что она была готова еще до гудка, но сдержался.

Шли молча. По обеим сторонам дороги, словно нарочно здесь посаженные, росли сине-лиловые крупные цветы на длинных стебельках, вперемежку с «львиной пастью» и бело-розовыми «кручеными панычами», которые так забавно хлопают, если ударить раструбом о ладонь. Ноги ступали по толстому слою пыли, точно по ковру. Тогда они свернули и поехали к экскаватору². Она уселась

¹ Карьеры — это ямы, получившиеся вследствие добычи глины, часто они бывают наполнены водой.

² Экскаватор — емлечерпательная машина.

на железную ступеньку, а он напротив, на сломанную ржавую чашку. Нигде вокруг не было видно ни души, только далеко виднелись заводские трубы. Из одной из них дым поднимался прозрачной голубой струйкой.

— Хорошо топит, — кивнул он в сторону завода.

— Что? — не поняла Катя.

— Хорошо топит печку, видишь, какой прозрачный дымок, если б он был черным и валил густыми клубами, то это означало бы, что кочегар выпускает в воздух много углерода, который можно было бы сжечь в топке. В Америке даже вышки такие устроены, откуда наблюдают за дымом из труб большой группы заводов. Вот бы нам такое...

— У них не было в производстве перебоев, а мы затрачиваем колоссальные усилия на одно восстановление разрушенного хозяйства.

— Да, борьба продолжается.

Он прислонился головой к перилам и закрыл глаза, защищаясь от солнца. Она украдкой поглядела на его загорелое лицо с крупными чертами. На высоком гладком лбу выступили мелкие капельки пота. Рыжеватая шеволюра была слегка растрепана, и на ней играли золотистые солнечные блики. Легкий, тянувший с поля ветерок, приносил пряный запах изнемогающей от солнца травы. Марков с наслаждением глубоко вздохнул в себя воздух.

— Знаешь, — сказал он, — мне кажется, что где-нибудь в саваннах или, там, пампасах, пахнет точно так же.

— Партиец не должен быть таким фантазером, — возразила она полунасмешливо, полусерьезно, перекусывая травинку.

— Человек должен быть прежде всего самим собой, кем бы он ни был, а чувствовать природу так, как это он хочет, никому не возбраняется. — Он поднялся с оттенком раздражения и облокотился на перила. — Как бы ты посмотрела, — вдруг сказал он, пристально глядя ей в глаза, — на такую штуку, если б меня убили?

Ей показалось, что он выжидает, и вся вспыхнула: — К чему эти все околичности, — сказала она резко, — по-

чему ты не скажешь прямо, что хочешь сделаться моим любовником?

Он растерянно смотрел на нее несколько мгновений, затем резко повернулся и пошел прочь. Тогда она поняла:

— Володя! Слышишь, Володя! Так ты не хитрил?

Он пожал плечами, но остановился. Приблизившись, она взяла его за рукав:

— Ну, прости. Но всеж-таки между нами теперь не будет этой неясности. Расскажи мне все.

Ночь. Тревожно и чутко спит все. Словно землю укутал чей-то неуверенный, беспокойно-выжидающий взгляд. Со стороны сине-расплывчатых пятен деревьев белой акации раздаются тихие всхлипывающие крики какой-то птицы. Звук этот неприятный, с тревожными модуляциями, еще сильнее подчеркивает неопределенную, колеблющуюся тишину. Из большой трубы выходит дым с багровыми отсветами и кажется, что это какой-то диковинный цветок, расцветший среди синего мрака.

Заведующий заводом — коренастый, пожилой человек взглянул в окно, затем закрыл его и вернулся к своему собеседнику.

— Удивительно башковитый парень этот Марков, — сказал он, поправляя пенсне, — я никогда не думал, что ему удастся получить эти деньги. Ведь мы уже задолжали рабочим за три месяца.

— Угу, — промычал кассир, — курчавый толстяк — закуривая папиросу, — завтра будем платить.

Наступила пауза, во время которой заведующий нервно барабанил пальцами по столу.

— Чорт его знает, эта атмосфера как-то гнетет, у меня никогда не было такого глупого настроения.

— Пустяки, это от переутомления. Разрешите воспользоваться вашим холодным мясом; сегодня я опоздал в столовую и с утра еще ничего не ел. Плохо холостому. И, не дожидаясь приглашения, положил на хлеб ломоть мяса. Заведующий, взяв со стола газету, принялся ее просматривать, из-

редка бросая взгляд поверх листа на жующего медленно и сосредоточенно кассира. При вздохе, круглый живот его приподымался, касаясь края стола, и на висках в такт челюстям двигались небольшие выпуклости. — «Шел бы себе спать» — тоскливо думал заведующий.

— Где же вы спрятали чемодан с деньгами? — спросил толстяк, проглотив, наконец, последний кусок.

— Тут же, под кроватью и лежит, — указал тот и заметил, как нелепо, подражая сделанному жесту, по стене прыгнула тень его руки.

— Ну, я пойду спать.

— Итак, до завтра, не кажется ли вам, что кто-то стучит?

Оба прислушались и, действительно, через некоторое время стук повторился, — настойчивый и ровный. Заведующий подошел к двери:

— Кто там?

— Товарищ Фенин?

— Я.

— Телеграмма!

Но едва крючек был снят, как комната наполнилась вооруженными людьми в масках. В несколько минут оба человека были связаны. Один из них лежал совершенно неподвижно, а другой, с большим животом, мычал, пытаясь вытолкнуть языком клип и стать на колени. Перестал он извиваться только тогда, когда один из бандитов ударил его прикладом. Маленький щуплый человечек в кожаной маске отдавал приказания резким, пронзительным голосом.

— Ищите везде, — кричал он, — деньги должны быть в этой квартире.

Искали везде очень тщательно, несколько человек полезли на чердак, но никому не пришлось в голову заглянуть под кровать.

— Освободите ему рот, — кивнул щуплый на заведующего и, когда приказание было исполнено, подошел вплотную.

— Смотри мне в глаза! Где деньги?

Все выжидательно молчали, и было слышно

лишь прерывистое дыхание десятка людей.

— Молчишь? Так наж тебе! — И ударил ручкой нагана по переносице. Одно из стекол пенсне хрустнуло и врезалось осколками в кожу.

— Развяжите этого кабана, пусть говорит.

— Ну? — угрожающе обратился он к кассиру, когда клип вытащили. Несчастный не мог говорить от страха.

— Ну? — снова повторил щуплый и ткнул ему под нос револьвер.

— Деньги там, под кроватью, — пролепетал толстяк. Все бросились и тотчас же чемодан вытащили на свет.

— Он самый, — удовлетворенно констатировал предводитель, убедившись, что деньги там.

Один из бандитов понес чемодан к выходу. Все двинулись вслед за ним, исключая щуплого и хромого мужчины с большим туловищем, у которого из-под маски выглядывала рыжая борода. Щуплый стоял возле стола и задумчиво вертел в руках оставленную газету.

— Что ж делать с этими? — спросил рыжебородый, глядя неопределенно

Оба прислушались...
Стук повторился..

но куда-то вбок. В голосе его была слышна напряженность.

— Ну-с, так что ж с вами делать прикажете, товарищ заведующий? Советуйте, не стесняйтесь, ведь вы из породы сознательных, той самой породы, которая в революцию за нашими спинами сидеть изволила, а теперь как же, в «управление аппаратом» лезете. Так, что-ли? — И, раздраженный молчаньем, внезапно вспыхнул.

— Под откос и чтоб без звука!

Хромой нервным движением вынул нож и направился к связанному.

Несчастный кассир безумными от ужаса глазами смотрел на блестящую сталь. Он хватал воздух раскрытым ртом. На лбу и шее вздулись голубые жилы. Тело у него вздрагивало и через губу на пиджак капала жидкая слюна.

Но вдруг на дворе послышались выстрелы и в ту же минуту в двери ввалилась широкоплечая фигура. Бандиты, заметив за ее спиной милиционеров, бросились к окну. Марков выстрелил, но поздно — те уже успели выскочить в сад.

— Я, кажется, чуть было не опоздал. — обратился он к освобожденному от пут заведующему, — нужно было спасать деньги. А это кто?

Несчастный толстяк не смог болезненно перенести потрясения и лежал без сознания, распростершись неподвижной, рыхлой массой...

Рабочий верзила высыпал возле горна последнюю тачку угля и, утерев тыльной стороной руки пот со лба, украдкой посмотрел на Маркова. Он сидел на куче плиток и, пристально смотря в огонь топки, тянул незажженную трубку. Рабочий подошел почти вплотную и тронул его за плечо:

— Володь, а, Володь, трубку-то зажги.

Тот вздрогнул и обернувшись встретился с товарищем взглядом. Затем вздохнул и снова опустил глаза.

— Так все-ж-таки, как же, Володь? — повторил верзила.

— Знаешь что, Палий, ведь ты у нас активист, обещаю, если со мной

что-нибудь случится, поставь кооператив на ноги и помогай в работе товарищу Уллис.

— Что ты мелешь, дружище, Семена-щуплого с его шайкой давно уже нет. Наверно забился куда-нибудь к польской границе. А ежели боишься, так поезжай работать в район. И то дело.

— Никуда я не пойду с завода, сам ты знаешь. И не боюсь никого. Работы жалко. Ну, да будем смотреть.

И, чтобы освободиться от неприятного состояния, побежал из цеха в цех. На прессах, в проходе из машинного отделения, с кем-то столкнулся. Радостно встряхнул руку.

— А, герой! после вчерашнего ночного происшествия только о тебе и говорят.

Он шутливо дернул за косынку.

— А ты не слушай, — и затем серьезно: — знаешь, Катя, я хотел бы с тобой вечером поговорить об одном деле.

— Ладно, освобожусь часам к девяти, у меня сегодня много дел.

Странно, но этот коротенький, незначительный разговор как-то освежил Маркова. Мысли не путались, как прежде. Уверенность в неизбежности мести потускнела и забилась в уголок подсознания.

После гудка Марков задержался в конторе и поэтому возвращался домой по пустым почти улицам, так как в этот час рабочие семьи обедали. На перекрестке, как и всегда, сидел, ожидая его, большой черный пес, прозванный почему-то «Уткой». Завидев хозяина, «Утка» бросился навстречу. Маленькая желтая собаченка, лежащая на солнцееке, лениво повернула голову, посмотрела, таякнула из солидарности и снова вывернулась, подставляя живот горячим лучам солнца. Проходя мимо школы, «Утка» вдруг остановился и зарычал. Марков быстро обернулся и заметил мелькнувшую среди деревьев фигуру. «Школьник» — заставил себя подумать и пошел дальше. Но спокойствие было уже утрачено. Внезапно почувствовал, как душно. Действительно, воздух сделался тяжелым и каким-то липким. Небо приняло сероватый от-

тенок, и на западной части горизонта появились лиловые тучи. «Быть грозе» — подумал и прибавил шагу. Когда он переступил порог дома, все небо было покрыто сизочерными тучами. На дворе потемнело. Было очень тихо. «Сейчас начнется» — подумал Марков, когда внезапно налетевший порыв ветра низко наклонил деревья и загремел на крыше желе-

Железная машина опрокинулась над засыпавшим человеком.

зом. Но сейчас же воцарилась такая же тишина, как раньше. Все, будто сведенное судорогой неподвижности, замерло в ожидании, мучительном ожидании неизбежного. Марков заметил, что все его тело напряжено, следуя общему порыву, и он от ожидания придерживает вздох.

— Фу, чорт, — пробормотал тихонько, — ишь, нервы проклятые разболтались. Нужно подтянуться вам, товарищ Марков. Нечего слюни распускать.

Но звук собственного голоса тоже не действовал. Насыщенная, гнетущая атмосфера обволакивала мысли, делая их мягкими и податливыми. И

вот о крышу отчетливо простучали удары первых капель. Торопливые и нервные, они будто наспех отдали какое-то приказание. Напряженное ожидание достигло кульминационной точки. Но за этим ничего не последовало. Наоборот, через несколько минут стало светать. Затем воробьято скользнул узкий сноп желтых лучей. Небо очищалось все больше и больше: гроза прошла стороной. Марков опустился возле стола на табуретку. Он чувствовал себя каким-то обессиленным, будто перенес продолжительную борьбу. «Почему же дождь прошел стороной» — думал он тоскливо и сейчас же поймал себя на мысли, что считает это дурным предзнаменованием. Подперев голову руками, он видел перед глазами только обеденный некрашенный стол. В центре желтого солнечного блика лежал недоеденный кусок хлеба. По шерохо-

ватой поверхности ползали сонные мухи. За спиной слышался мерный голос матери, укачивающей ребенка.

— Где отец? — спросил он, не поднимая головы.

— Пошел в деревню за мукой.

— Та-ак.

— А что?

— Ничего. Помочь пойду. Встречу.

Встал, одел кенку, пояс и вышел. Смеркалось. Громадное оранжевое солнце клонилось к лесу. Невдалеке виднелись ушедшие тучи. Смутные, серые космы, соединившие их с землей, показывали, что там идет дождь. Вдруг откуда-то вынырнул «Утка».

— Пошел вон отсюда! — крикнул Марков в внезапном припадке злости. И сейчас же выругал себя мысленно, когда удивленное и обиженное животное медленно поплелось назад. Чтобы сократить дорогу, пошел огородами. Многие овощи уже отошли, но из зелени еще выглядывали мясистые алые помидоры и на сухой земле лежали громадные серо-желтые тыквы, напоминая неповоротливых, отдыхающих животных.

Наконец поселок кончился и потянулся огромный сарай для сушки глины. Только теперь, глядя на эти деревянные столбы, поддерживающие навес, и на сырые глиняные глыбы, Марков понял и признался себе, что испытываемое им странное чувство есть чувство страха. И удивился. Вспомнились многие случаи, когда, вися на волоске от смерти, хладнокровно смотрел в ее пустые глазницы. Усмехнулся невесело. Покачал головой. И вдруг из-за угла кинулось шестеро. Стал яростно, судорожно отбиваться. Раздавая в борьбе бешеные, слепые удары, чувствовал всю их тщетность. Впился зубами мертвой хваткой в чье-то плечо, но от страшного удара в солнечное сплетение разжал челюсти и повалился на землю.

— Вяжи, сволочь, — прошипел кто-то, — да рот заткните.

Связанного прислонили к забору. Щуплый человечек схватил за ворот и изо всех сил, со стоном, ударил Маркова по лицу. Еще раз. И еще раз. Затем отпустил, тяжело дыша. Закашлялся и выплюнул сгусток. Вытер со лба пот.

— Засыпался, «наставник», — сказал он и скверно выругался. — Ну, чего стали? — обернулся затем к остальным и, снова взглянув на связанного, бросил через плечо: — тащи!

Маркова подхватили и понесли. Держали под мышками и за ноги. По кистям рук, скрученных за спиной, ударили сухие стебли полевых трав. Пройдя сотню шагов, они остановились возле большого заржавленного котла, выброшенного давным давно за негодностью. Связанного посадили, оперев спиной об его спинку.

— Рой! — приказал остальным щуплый. И когда лопаты застучали о сухой грунт, уселся на землю против Маркова и, охватив колени, покачиваясь, принялся наблюдать, как у того текла по лицу медленным ручейком густая, теплая кровь.

Механически отмечая боль, причиняемую веревками, он сидел в глубокой прострации, ощущая внутри холодную пустоту. В голове настойчиво-раздражающе бились три мысли, три бессмысленно глухие мысли, которых совершенно нельзя было сформулировать.

— Интересно, — подумал он, когда яма была готова, — интересно, зарежут меня или расстреляют?

Но щуплый сделал знак, и его опустили туда невредимым. Над поверхностью земли возвышались только голова и плечи. Но вот он услышал позади себя звук и в голову пришла ужасная мысль: люди пытались сдвинуть котел. Через несколько мгновений истина сделалась очевидной. Раздался характерный звук прикосновения металла к металлу. Очевидно, бандиты пустили в ход лом.

Действительно, вскоре железная машина поддалась усилиям и с глухим шумом опрокинулась, накрыв закопанного человека.

Когда шаги удалились, Марков поднял руки немного выше пояса и рванул их. К его удивлению, веревка поддалась усилию очень легко, сейчас же лопнув. Вынув из-под копыт, он набрал полные легкие воздухом и изо всей силы крикнул. Звук метнулся испуганной птицей, уда-

рился в стенки котла и слился с тревожным и тихим гудением железа. Прислушался к нему и понял, что никто не услышит. В руку случайно попала грудка земли, и он ее бешено раздавил, пропустив образовавшуюся пыль тоненькими струйками между пальцев. Было тихо, так тихо, что, казалось, было слышно как в голове суетится и гудит целый рой забытых и ненужных мыслей.

На черном фоне памяти просакивали, словно короткие искры, отрывочные, ничего не говорящие воспоминания. И Марков снова возвращался усилием воли к действительности. Провел рукой по шероховатой стенке котла и оттуда посыпалась ржавчина. Мысль лихорадочно искала выхода, ударялась о твердую стену непреложного — и падала побежденная. И вот, уперся руками в днище в последнем, смертельном усилии. Но тщетно: железо словно срослось с землей. Тело погрузилось в глубокую прострацию. Мысли теперь тянулись медленно, словно ползущий по дороге длинный обоз. Затем далеко, где-то в глубинах подсознания, стала расти тревога, сначала неявно, как отдаленный плеск, но затем вырастая с страшной быстротой в неудержимое, все сметающее чувство. Мышцы снова напряглись, и Марков провел языком по сухим, горячим губам. Оторвав пуговицу, он ковырнул землю; она была сухая, твердая, редко покрытая жесткой сероватой травкой. Края котла плотно прижимались к земле, не оставляя ни малейшей щелочки. И человек почувствовал, что к нему подкрадывается холодный, отвратительный ужас. Слепой и животный, он присасывался скользкими щупальцами, обволакивая чувство и мысли.

Вдруг послышался глухой и настойчивый шум. Прислушавшись, он понял: шел дождь. Земля у краев котла сначала отсырела, а затем стали просачиваться мутные ручейки воды, которые ползли, извиваясь по твердой сухой земле, и скатывались в яму. Дышать делалось трудно.

Человеку стало казаться, что котел обратился в раскаленный обруч, который впивается в мозги с тупой, невыносимой болью. В окружающем его черном мраке запрыгали белые точки, и чудилось, что это дождевые капли пронизывают железо и вонзаются в тело огненными иглами.

Марков впился в землю пальцами, не обращая внимания, что из-под ногтей сочится кровь. Воздуху не хватало. Перед глазами поплыли желтые и красные круги.

Рассудок покинул человека и, воля дико, по-звериному, он грыз землю и в неистовом припадке колотился головой о жалобно гудящее железо...

Нашли его два пастушка, которые обратили внимание на исходившее от котла зловоние, и позвали людей.

Похороны прошли очень торжественно: за гробом двигалась громадная процессия, военный оркестр играл марш и свежую могилу осыпали полевыми цветами. Рабочие отдали своему герою честь.

А на следующий день, когда гудок возвестил окончание работ, в открытом поле по дорожке шла черноволосая девушка. Стоял жаркий июльский день. В неподвижном, нагретом воздухе плавали дрожащими струйками аромат сухих трав. По обеим сторонам, словно приветствуя прохожего, росли сине-лиловые крупные цветы. Еще желтая «львиная пасть», напоминающая маленькие факелы, и наивные «крученые панычи». Возле экскаватора она остановилась и присела на железную ступеньку. У перил лежала поломанная ржавая чашка. В котловине, на белесой поверхности озерков, шевелились ленивые и колючие солнечные блики. Легкий, тянувшийся с поля ветерок доносил запахи изнемогающей от зноя растительности.

Закрыв глаза, девушка глубоко вдохнула в себя воздух.

— Может быть, — прошептала она, — где-нибудь в саваннах или пампасах пахнет точно так же....

ЭФИР-АЛЬФА

Роман АЛЬБЕРТА БАЙИ,

награжденный премией Жюль-Верна в 1929 году.

Уже несколько лет, как Франция задалась мыслью путем особых конкурсов возродить жанр научно-приключенческого романа, созданного когда-то Жюль-Верном. Ежегодно лучшему из романов этого типа присуждается премия имени знаменитого писателя. В Париже только что закончился печатанием удостоенный в 1929 году такой премии роман «Эфир-Альфа». Ниже мы знакомим с ним читателей. Жюри признало, что это произведение написано в духе Жюль-Верна, что оно основано на удивительном грядущем, которое нам открывает наука. Автор, как замечает французское предисловие, впервые взял за отправную точку современные гипотезы об эфире, о распаде материи, о «пляске атомов».

Странное приключение. — Невидимый аэроплан.

Вильки не обладал ни счетом в банке, ни даже неразменным долларом, что и мешало ему играть хотя бы малейшую роль в американском обществе. Коротко говоря, Вильки был бродяга...

Погода стояла прекрасная, и Вильки лежал на траве полянки, покато сбегавшей к реке. С этого места открывался чудесный вид на дымящиеся фабрики Эльвина Д. Вернон, короля жевательной резины. Вильки, конечно, ничего не видел, потому что, благодаря доброте мисс Минни Вернон, хорошо поел и теперь громко храпел.

Бродяге показалось, что его схватили за шиворот и колотят по ребрам.

Вдруг бродягу разбудил какой-то сильный толчок. Ему показалось, что его схватили за шиворот и колотят по ребрам. Вильки вскочил и заревел от боли. Он искал глазами представителей власти, и ему уже чудились серые стены тюрьмы Синг-Синг.

Но ошеломленный бродяга не увидел никого и бросился со всех ног бежать, чтобы скорее покинуть негостеприимную лужайку. Тут его остановил сильный удар прямо в живот. На этот раз Вильки даже голос потерял от ужаса. В пяти или шести метрах от него, над травой, висел какой-то черный предмет, похожий на кресло.

Не в кошмарном ли сне происходит все это? Вильки инстинктивно протянул руку и сейчас же что-то сильно ударило по этой руке. Вильки судорожно ухватился за какой-то твердый, холодный и невидимый предмет... Испуг бедняги помешал ему заметить легкие синие отблески вокруг странного кресла. Вильки сделал движение вперед и стукнулся головой о что-то твердое и острое, точно воздух был переполнен глыбами невидимых камней... Бродяга выбрался, наконец, из зоны этих непонятных явлений. Он пополз, закрыв глаза, не смея встать на ноги. Лицо его было в крови, одежда разорвана. Бедняга едва добрался до виллы Эльвина Д. Вернон и потерял сознание.

Неудачливый Вильки пришел в себя только после того, как конюх короля жевательной резины, Арчи, вылил ему на голову целое ведро воды. Лицо Арчи было сурово.

— Надеюсь, что вам теперь стыдно, что вы довели себя до такого состояния, — сказал он с отвращением. — Что это вы пили, Вильки? Вы способны наглотаться и керосину.

— Уверяю вас, что я не пил. Что-то свалилось на меня и едва не убило.

— Свалилось? Откуда это?

— С неба... вероятно. Пойдите на лужайку Олдвуда. Там кресло, но пусть никто к нему не подходит, не то еще проломит себе голову.

— Припадок белой горячки, — пробормотал Арчи. — Его бы нужно отвести в больницу...

Разговор этот слышала с террасы мисс Минни Вернон. Она захватила у себя в комнате карманную аптечку и торопливо спустилась вниз.

— Бедный Вильки, что с вами случилось?

Вильки попытался и ей рассказать свою невероятную историю.

— Так идите на лужайку Олдвуда, — решительно сказала Минни. — Я хочу все это выяснить.

Арчи пожал плечами, повернулся и ушел. Если мисс Вернон слушает этого бродягу, так ему, Арчи, остается только уйти в свои конюшни. Бродяга послушно пошел по дороге, но, дойдя до странной лужайки, остановился.

— Думаете ли вы, мисс, что стоит идти дальше?

— Конечно.

Вильки понял, что ему не избежать испытания. Он весь съежился и стал подвигаться медленно шаг за шагом. Вдруг он закричал:

— Смотрите, мисс.

Над травой неподвижно висело кресло, окруженное голубоватым сиянием.

— Не подходите! — шепнул Вильки.

Но Минни испытывала неудержимое желание поближе разглядеть странное сооружение. Она решительно пошла по лужайке.

— Мисс! — вне себя кричал Вильки, — умоляю вас, вернитесь!

Но слова его не произвели никакого впечатления. Тогда, перебарывая ужас, Вильки последовал за неосторожной. Минни вытянула руки и принялась нащупывать в воздухе невидимую преграду. Она наткнулась на какую-то необычайно гладкую поверхность, твердую, как сталь. Девушка заметила, что эта прозрачная масса, окружавшая кресло, была не совсем невидима. Глаз улавливал легкий голубой оттенок, но очертания странного тела определить было невозможно. Чтобы лучше себе дать отчет, Минни стала обходить загадочный предмет.

— Это аэроплан, — раздался вдруг ее торжествующий голос. — Аэроплан из стекла. Только из особого, небьющегося стекла. А кресло, вероятно, сиденье пилота.

— Вероятно... широко улыбался довольный Вильки.

Девушка подошла к креслу, поднялась по невидимым ступенькам и опустилась на сиденье. И тут произошло нечто ужасное. Раздался рокошущий шум, и кресло сорвалось с места. Крик. И больше ничего... Пустое небо... Минни исчезла... Перепуганный, оглушенный бродяга лежал на земле...

Мистрис Вернон, бедная от страданий, бессильно опустилась в кресло. Король жевательной резины Эльвин Д. Вернон, аплексически кричал на Вильки:

Кресло сорвалось с места... Минни исчезла.

— Несчастный! Вы убили мою дочь! Сознавайтесь!

— Клянусь!...

Полидейский, длинный, в очках, предвкушая наказание, спросил бродягу после допроса:

— И вы утверждаете, что ваши смешные рассказы — правда?

— Да, мистер.

Полидейский обратился к сопровождавшему его:

— Свяжите крепче обвиняемого. Увидим, что он заговорит на месте преступления.

Они уже собирались уходить, когда в комнату вбежал запыхавшийся почтальон.

— Телеграмма! — задыхался он. — Радио от вашей дочери. Я сам хотел вам передать, мистер Вернон...

Эльвин Д. Вернон взволнованно прочитал:

— Дорогие родители... точка... не беспокойтесь... точка... я в безопасности... точка... здорова и невредима... точка... все скоро объяснится... точка... нежно целую вас... точка... ваша Минни.

Король жевательной резины кричал от радости.

— Какое счастье! Но я все еще неспокоен. Я ничего не понимаю.

Полицейский хитро улыбнулся.

— Мы имеем тут дело с романтическим приключением,— заявил он.

— Что вы хотите сказать?

— Подождите... и мы увидим.

— Да, да,— радостно воскликнул Вильки,— вы увидите, что я говорил правду...

— Молчите,— строго оборвал его полицейский,— вы отправитесь в тюрьму до выяснения всего дела.

И прибавил, широко улыбаясь:

— Романтическая история... весьма романтическая...

Воздушное путешествие.

Когда Минни сильным толчком оторвало от земли, она потеряла сознание. Но обморок длился мгновение. Когда девушка открыла глаза, она удобно сидела в глубоком кресле и над головой ее мчались облака. Минни подняла вверх руку и ударились обо что-то. Значит ее прикрывает невидимая крыша. Нет сомнения, что какая-то неведомая воля управляет ее странным путешествием. Внизу было белое море облаков с ярко светящимися краями. Вдруг облака разорвались, и Минни увидела широкое зеленое пространство. Она могла уже различать некоторые подробности. Пена разбивающихся о скалы волн... Океан! Надежда и опасность! Минни в ужасе закричала. Быть может, разум изменил бы ей, если бы перед ней не вспыхнул красный экран, на котором стояло черными буквами:

— Откройте и телефонуйте!

Минни схватилась за экран, как утопающая. Щелкнула пружинка и открылся ящик, в котором находился обыкновенный телефон. Минни взяла трубку и тотчас же услышала голос:

— Прежде всего, успокойтесь! Я—Сесиль Монкальм и я управляю аппаратом.

— Сесиль! Вы!

— Ваше неожиданное путешествие сейчас кончится, и я вам тогда все объясню. Не бойтесь ничего.

Свет потух и голос умолк. Но Минни уже без страха смотрела вниз.

Сесиль Монкальм! Девушка снова переживала годы детства. Рядом с ними жил инженер Монкальм, сын которого, Сесиль, часто играл с маленькой Минни. Потом молодой человек уехал учиться. Они редко виделись. А вот уже два года, как про Сесиль вообще ничего не слышно. Отец Монкальм ограничивался тем, что говорил, что сын его усердно работает в лаборатории в штате Виргиния. Но у Сесили была уже репутация ученого. Он уже сделал несколько интересных открытий в области беспроволочного телеграфа и телевидения.

Научные открытия Монкальма.

Кресло Минни стало перпендикулярно опускаться с мягкостью подземной машины. Минни и не заметила, как очутилась на земле. К ней подбегал Сесиль Монкальм.

— Простите ли вы меня, мисс Минни?— Энергичное лицо его было бледно. Он поднял девушку и снес ее по невидимым ступеням на землю.

— Мы сейчас же отправим радио-телеграмму вашим родным.

Смеясь, как школьники, они пришли к большому старинному зданию с башней обсерватории. В темном коридоре Сесиль сказал девушке:

— Осторожно, Минни. Тут много прозрачных перегородок, которые расставлены у меня повсюду, как декорации в театре...

— Они стеклянные?

— Нет, я вам объясню потом.

Они вошли в большую белую залу.

— Это ваша лаборатория, Сесиль?

— Да... А вот и мой радио-телеграфный аппарат.

Он подошел к большой мраморной доске, на которой топорщились лампочки, сияли диферблаты и рукоятки.

— Я посылаю телеграмму, милая Минни. Вы можете сегодня же к вечеру вернуться домой на моем аэроплане. Хотите, чтобы я сообщил о вашем возвращении?

— Ах, нет, Сесиль. Я никогда больше не решусь на такое воздушное путешествие. Нет, нет, я вернусь в Ветербюри обыкновенным способом.

— Так я успокою ваших родителей, что вы в безопасности и что все скоро объяснится. Я не могу им сказать, где вы находитесь. Мне необходимо продолжать свои работы в полном одиночестве и никто не должен знать, где находится моя лаборатория.

— Поступайте так, как вам нужно, Сесиль.

— Благодарю вас. Право, я не могу себе простить, что вовлек вас в такую неприятную историю.

— Я ни о чем не жалею. Здесь все так необычно...

Монкальм стал выстукивать по азбуке Морзе.

— Теперь ваши родные скоро успокоятся, а мы с вами выпьем чаю...

Монкальм дотронулся до клавиатуры. Вошел слуга и неподвижно встал у дверей.

— Это мой верный Дирго—сказал Сесиль.—Он видит моими глазами и слышит моими ушами. У него, у счастливицы, нет мозга. Это такая надоедливая вещь—мозг!

— Сесиль, я боюсь. Вы меня заставляете жить в каком-то кошмаре.

— Дирго—безобидный автомат, не бойтесь, дорогая.

Сесиль задвигал рычажком на сверкающей поверхности реостата.

— Дирго, чаю. Мы торопимся.

Автомат повернулся, исчез с быстротой молнии и вернулся со столиком на колесах, на котором был сервирован чай.

— Вы теперь успокоились, Минни?—спросил девушку Сесиль.—Конечно, вам здесь все должно казаться странным. Но я всего только сделал прыжок во времени, ускорил некоторые изобретения, о которых быть может уже думали люди. Все—звенья, одной

депи. Только ускорен ритм — вот и все. Но иной раз и мне страшно...

— Страшно? — снова обеспокоилась Миния.

— Я боюсь, что люди еще недостаточно культурны, чтобы пользоваться моими открытиями. Бедное человечество все еще раздражается бесплодными страстями... В одном грамме металла скрыта атомная энергия, равная шести миллиардам лошадиных сил. Чтобы ее освободить, нужно было диссоциировать атомы. Вот мое открытие.

— Но это совершенно сбивает с толку, Сесиль.

— Если такими силами пользоваться для разрушения, меньше чем через два часа исчезнет весь человеческий род, всякие признаки животной жизни. Вот почему я скрылся для своих работ в эту берлогу, точно старый алхимик из сказки. Я хотел до конца оставаться единственным хозяином своих опытов. Я сознавал, что берусь за страшное дело. Малейшая небрежность могла стоить жизни не мне одному. Вот почему я окружил старый форт Везувий, мое неуютное жилище, завесой из молекул, преломляющей излучения в горизонтальном направлении, но направляющей их вертикально, к высоким слоям атмосферы, туда, где они не могут вредить обитателям нашей планеты. Эта завеса «Омега» поднимается на большую высоту...

— Ах, понимаю: мой спуск сюда, как на подъемной машине?

— Да, отчасти это так. Выбираться отсюда вам придется по этой же невидимой трубе.

— Никогда, Сесиль!

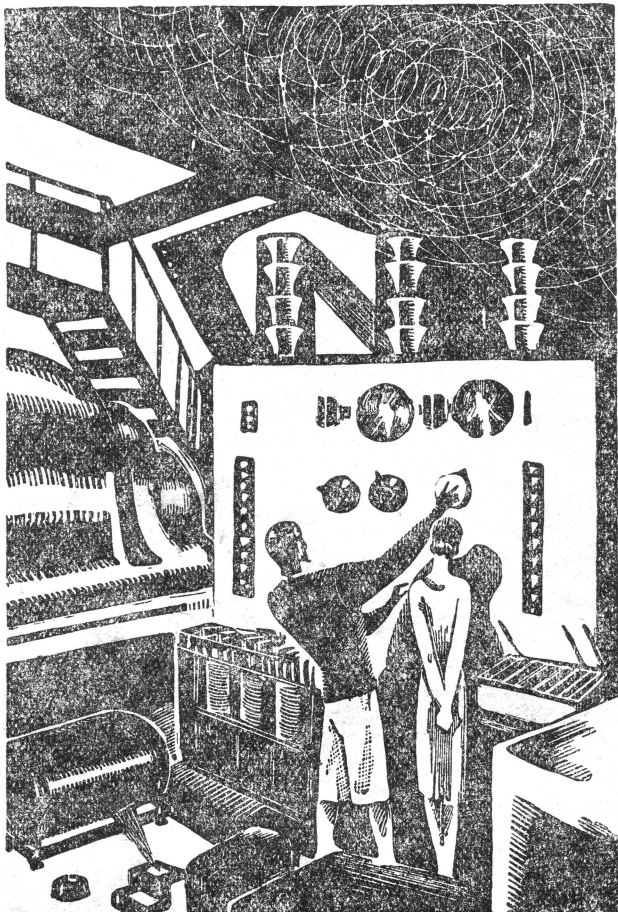
— Тогда запаситесь терпением. Завеса «Омега» прочна, и мне придется проделать в ней брешь действием лучей. Это атомное разрушение потребует, по крайней мере, восьми дней.

— Тем хуже! Я хочу выйти через дверь, а не через трубу. Но объясните же мне, как вы меня залучили сюда.

— Тут придется начать издалека. Возьмем пример: очень твердый камень. Между тем, эфир преспокойно путешествует в этом камне.

— То есть как это?

— Эфир проникает камень, как проникает и все тела. И мы сами не можем избежать этого. Наш организм не только широко раскрывает двери для проникающих в него микробов, но омывается эфиром и электромагнитными волнами. Наши чувства, без помощи науки, никогда не дали бы нам

Монкальм подошел к мраморной доске с лампочками и распределителями.

возможности даже догадываться о присутствии электрических течений. — Но отсюда исходят все дальнейшие открытия, и существование эфира подтвердилось электромагнитическими явлениями. Осталось овладеть этими таинственными волнами. И я это сделал.

Сесиль сказал это совершенно просто. Он окинул взглядом аппараты лаборатории.

— Чтобы прийти к этому результату, я должен был заставить эфир перейти из одного состояния в другое, сделать его сначала жидким, потом твердым. Чтобы вызвать ужасную, необходимую мне энергию, я не имел выбора. Нужно было решить задачу разложения материи, освободить внутри атомную энергию и это тоже я сделал.

— Ах, Сесиль, как вы работали... И вы добились всего в этом одиночестве?

— Одиночество? А все силы, окружающие меня? Увлекательное одиночество, Миния! Основанием мне были опыты сэра Рутерфорда, который бомбардировкой азота с помощью альфа-лучей радия добился настоящего превращения. Чтобы дезинтегрировать тяжелые атомы, нужно было увеличить скорость ядер, атомов гелия лучей

«альфа». Когда я это нашел, я располагал неограниченными силами. Ничто не может устоять против атомной бомбардировки со скоростью в сто тысяч километров в секунду. Внутриатомная энергия освобождена взрывом атома. Мне совершенно достаточно нескольких дециграммов металла, чтобы получить энергию, равную доставляемой тысячами тонн угля. Прозрачное вещество моего аэроплана состоит из эфира, плотность которого больше плотности воды и который, как и вода, может быть в твердом состоянии. Разложение атома дало мне возможность проделать обратное действие. Если я разлагаю атомы, я могу и соединять их, увеличивать их родство.

— А мое похищение?—перебила Минни.

— Сначала вам нужно было объяснить, из чего сделан мой аэроплан. Я должен был испытать аппарат, как только он был готов. Известным уже способом телемеханики я управлял им в воздухе. Благодаря телевидению, я некоторым образом присутствовал на аэроплане. Не знаю, почему мне пришлось в голову Ветербюри. Целью моей было только снизить там аппарат, а затем вернуть его сюда обратно. Но я едва не раздавил скрытого кустами Вильки. Когда же вы сели в кресло, я и сам не знаю, что заставило меня выкинуть эту шутку...

— Вы вспомнили, должно быть, наше милое детство? Не будем больше об этом говорить. Чтобы жить полной жизнью, надо переживать и волнения.

Сигналы селенитов. — Проект путешествия на Луну.

— Дорогая Минни, вы рассуждаете мудро, не по летам. Ах, все мы еще такие дети, по сравнению с обитателями более древних планет, чем наша.

— Но почему же вы думаете, что эти планеты обитаемы?

— Я это знаю. Я переговаривался с обитателями луны. Но сигналы их бессвязны. Следовало бы отправиться на луну.

— Но, ведь, это же невозможно!

— Нет ничего невозможного. Я уже думал об этом.

Монкальм встал и прошел в глубь лаборатории. На экране, где сверкал Меркурий, он задвигал рычажками. Загорелись красные лампочки, вырвались яркие вспышки, раздулись голубыми шарами, затем превратились в лазерные завесы с темно-фиолетовыми краями. Их колебало легкое дуновение. Едва прошла минута и вдруг из громкоговорителя раздался странный звук, похожие на лай.

— Обитатели Луны говорят,—сказал Сесиль,—они что-то охрипли сегодня.

Минни широко раскрытыми глазами смотрела на громкоговоритель.

— Это, действительно, их голоса?—с трепетом спросила она.

— Не знаю. Не думаю. Я предполагаю, что это сигналы. Я пробовал передавать

азбуку Морзе... Но на каком языке с ними общаться? Я иду...

— У Луны—мечтательно продолжал Монкальм,—всегда было для людей сентиментальное обаяние. Часто ее отождествляли с жизнерадостной молодой женщиной, с Дианой в Риме, с Танит в Карфагене, с Изидой в Фивах, с Астартой в Тире, с Артемидой в Греции. Луна была богиней девственности, покровительницей охотников, светлой охранительницей кораблей на морях.

Наша наука, разрушая красивые легенды, сделала из Луны мертвый мир, где нет и следов того, что необходимо для жизни.

— А между тем вы имеете доказательства, что Луна обитаема. Похожи ли эти существа на подземных гномов Уэллса?

— Нет. Как жили бы они без воздуха и без воды? На Луне нет атмосферы. Но наука требует достоверности. Нужно отправиться на Луну и увидеть самим.

— Ах, Сесиль!—воскликнула побледневшая Минни,— вы сошли с ума!

Сесиль рассмеялся.

— Да нет же, я совсем не сумасшедший. Я просто погуглю по Луне, вдыхая искусственный воздух, приготовленный мною самим. Я урегулирую давление так, чтобы мои органы действовали нормально. Простая биологическая задача. Мне нужно не больше трех месяцев для окончательных сборов в это путешествие.

Минни растерянно смотрела на друга детства.

— Я останусь с вами, Сесиль, чтобы удержать вас от этого безумного самоубийства. Вы не сделаете этого.

— Я отправлюсь, Минни. Ради счастья людей. Я буду искать там знаний, которые изменят наши условия существования. Селениты откроют мне тайну нашего будущего. Перед лицом такой прекрасной надежды могу ли я думать о своей эфемерной жизни?

— Если вы отправитесь, и я с вами!—вся дрожь крикнула Минни.

Взволнованный Монкальм молча смотрел на девушку. Потом улыбнулся и взял ее за руку.

— Мы слишком долго беседовали сегодня—сказал он.—Идемте, мисс. Я провожу вас в вашу комнату. Вы забудете все это и увидите прекрасные сны...

Непрощенный гость.

Когда Минни проснулась, солнце весело освещало маленькую белую келью. Расширенная бойница была превращена в окно, и через него видны были крепостные стены форта, поросшие травой и горными цветами. Ветер высот глухо шумел под старыми арками.

Раздалось тихое мяуканье. В дверь скреблась кошка.

— Киса! Киса!

Минни приоткрыла дверь, и в комнатку торжественно вступил серый ангорский кот.

— Киса! Киса!

Минни хотела поймать кота, но он одним прыжком выскочил в корридор. Началась шумная погоня. Но вдруг мисс Вернон, удивленная и испуганная, остановилась посреди низкой залы. Вдоль выбеленных стен стояли странные фигуры в алюминиевых шлемах, напоминавшие водолазов. Минни казалось, что она видит блеск глаз за толстыми стеклами касок. Шум за спиной заставил девушку вскрикнуть.

Успокойтесь, мисс Минни, это я.

Девушка инстинктивно ухватила за руку изобретателя.

— Ах, Сесиль, мне страшно.

— Не бойтесь ничего. В новых замках богатые финансисты устраивают себе галереи с вооруженными рыцарями. Я менее тщеславен. Эта коллекция скафандров даст мне возможность жить на Луне...

— Так это не автоматы? — спросила Минни.

— Эти снаряжения пусты внутри. Они весят всего только сто кило...

— Как вы сможете носить их?

— Не забывайте, что вес на Луне в шесть раз меньше того, что он означает здесь, на Земле. Эти одеяния будут там весить меньше 20 кило.

Ужасный грохот заглушил слова Сесили. Девушка испуганно вскрикнула. Сесиль подбежал к окну.

Минни последовала за ним. Странная и страшная картина представилась им. Посреди лужайки высокое пламя уничтожало обломки аэронавта.

— Бежим, Минни. Надеюсь, убитых нет. Сюда... вот лежит человек...

Минни, едва живая от страха, побежала в сад вслед за Монкальмом. Сесиль склонился над летчиком, лежавшим на земле. Глаза летчика были открыты. Он, повидимому, отделался легким ушибом.

— Был с вами еще кто-нибудь? — спросил Сесиль.

— Нет.

— Кто вы?

— Гарри Сенклер. Я держал пари и выиграл, потому что ведь я проник через вашу стену.

— Удивительная победа! — Монкальм пожал плечами. — Вы каким-то чудом остались живы. Но если вы явились сюда врагом, советую вам быть осторожнее.

— Я прилетел сюда, чтобы понять — летчик заставил себя улыбнуться. — И думаю, что уже понял все.

Он по очереди смотрел то на Сесиль, то на мисс Вернон.

— Не говорите глупостей, — с сердцем оборвал его Сесиль. — Не могли вы нас оставить в покое?

— Когда человек встает лицом к лицу с тайной, он пытается ее разгадать. Он даже рискует ради этого жизнью. Только такой ценой может существовать прогресс цивилизации.

Побежденный Сесиль теперь тоже улыбнулся.

— Попробуйте-ка встать, — сказал он летчику. — Осторожно. Вот вы уже и шагаете, как настоящий чемпион. Гарантирую вам, что после массажа вы совсем забудете про ваши ушибы.

Новый сотрудник.

Несколько часов спустя Монкальм привел Сенклера в свою лабораторию. За это время молодые люди уже сблизились.

— Не правда ли все это не похоже на вашу романтическую историю? — сказал Сесиль.

Лидо Сенклера было серьезно.

— Сесиль Монкальм, — сказал он. — Я в вашем распоряжении. Я готов идти за вами всюду.

— Я принимаю ваше сотрудничество. Вы останетесь здесь,

в тишине, среди сил. По моему сигналу вы отправите нас. По моему же указанию пошлете волны для нашего возвращения. Если же я буду молчать, вы разобьете здесь все аппараты.

— Сесиль!

— Я вам это приказываю. От часа отлета вы прождете три месяца, не больше. И если я буду молчать, вы разрушите здесь все, Гарри.

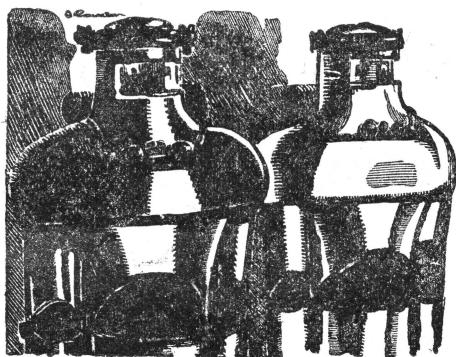
— Я все исполню, Сесиль. Клянусь вам...

Хриплый выкрик перебил Сенклера.

— Слушайте... Селениты сигнализируют...

Громкоговоритель ревел. Гарри прислушивался с бьющимся сердцем. Крики наполнили лабораторию шумом, перешедшим в замирающую постепенно жалобу... Вернулась тишина, великая тишина.

Монкальм и Сенклер молча смотрели друг на друга. После призыва селенитов слова были бы слишком слабы и незначительны

Стояли странные фигуры в алюминиевых шлемах...

Перед отлетом на Луну.

В огромном помещении, служившем продолжением обсерватории, вытягивал свой длинный силуэт воздушный корабль «Эфир-Альфа» — создание Сесили Монкальма.

— Много неудобств представляло то, что эфир в твердом виде прозрачен, — объяснял Монкальм Сенклеру и Минни. — Я просто впустил в него немного фуксину и этим объясняется его красный цвет. Вот лестница, Минни. Мы увидим там наверху коридор, который ведет в центральную кабину, в помещение для машин, в наблюдательную башню. Следуйте за мной и берегитесь препятствий. Пространство вымерено, как в подводной лодке. И мне нужно было позаботиться о стольких мелочах!

— Вот машины, — продолжал Монкальм, — фабрикующие воздух для дыхания или, вернее, постоянно обновляющие его. Я предвидел два способа передвижений. С одной стороны, «Эфир-Альфа» будет направляться могучими волнами из моей лаборатории. Это будет задача Сенклера. Но, помимо этого, корабль сможет двигаться и сам, только с меньшей скоростью. Этого второго способа следует избегать, так как быстрота движения — для меня залог успеха. «Эфир-Альфа» болид, который помчат волны, рождающиеся здесь. Предоставленный собственным силам, это будет всего только довольно обыкновенный воздушный корабль. А когда нужно пройти 300 000 километров, нельзя ограничиваться быстротой, например, в 600 километров, в час. Единственная победа человека над временем, это быстрота передвижения. Двигаться быстрее — значит удлинять свою жизнь.

Молча вышли из «Эфира-Альфы» и спустились в сад. Сенклер присел на солнечную скамейку и отдался размышлениям. Надо было разобраться в новых впечатлениях, свыкнуться с необычайным. Минни и Монкальм медленно пошли по дорожке. Девушка склонилась над прекрасными белыми розами большой клумбы.

— Возьмите эти цветы, Минни, — тихо сказал Монкальм, — в память этого мгновения...

— Вот... я плачу, Сесиль... я не могу вас отпустить...

— Минни, я боюсь понять...

— Нет, нет, Сесиль, мы не расстанемся. Я отправлюсь туда вместе с вами.

— Минни, это невозможно. Моя мечта — быть может всего только прыжок в небытие!

— Я хочу быть с вами и перед лицом смерти...

Минни уже не плакала. Она говорила гордо и решительно. Монкальм крепко обнял ее.

— Пусть будет так, моя любимая. Мы отправимся туда... вместе!

Первые впечатления на Луне.

Последние часы великого путешествия на Луну были ужасны для пассажиров «Эфира-Альфы». Ах! это бесконечное молчание Земли! Почему не отвечал больше Гарри на радиogramмы, посылаемые Монкальмом? Между тем, движение болида оставалось нормальным. Следовательно, волны посылались с Земли равномерно. Чем объяснить молчание аппаратов, принимающих сигналы? Сесиль лихорадочно осматривал лампы. Ничего подозрительного. Он пытался скрыть свое беспокойство, не желая смущать Минни. Молчание это было, конечно, результатом какого-то электрического явления, которого он не мог понять. Гарри Сенклер волнуется, вероятно, не меньше его. Все внимание Сесили должно было теперь сосредоточиться на движении «Эфира-Альфы». Уже начинало чувствоваться слабое притяжение Луны.

— Минни... взгляни!

Молодая женщина подошла к широкому круглому окну в башенке для наблюдений. Она не могла скрыть движения испуга. Лунная поверхность представляла потрясающее зрелище. Огромные горы казались сделанными из раскаленного железа.

— Вход в ад, — сказал Сесиль, — световой эффект, скрывающий от нас естественную картину этого пейзажа.

Минни заметила разочарованно:

— Там пустыня?

— Может быть. Ясно только то, что селениты, повидимому, не строители.

— Мне кажется, Сесиль, что мы проваливаемся в пропасть... Ты можешь спизиться в том месте, которое выбрал?

— Если все будет происходить математически правильно, я уверен в этом. Перед нами кратер Коперника. Он все больше и больше обнаруживает свой характер потухшего вулкана, где мы, быть может, найдем следы атмосферы и влаги на дне кратера...

— Мне кажется, что мы больше не двигаемся?

— Я уменьшаю скорость и мы снизимся, как перышко, падающее в стакан, где воздух не взбудоражен. Без бомбардировки атомами мы упали бы, как свинцовая пуля в пустоте. Сам «Эфир-Альфа» не выдержал бы такого удара.

— Ах, Сесиль, заметил ли ты эти гигантские башни почти в середине вулкана?

— Это не башни. Эти остроконечные горы образовались из лавы по соседству с центральным кратером во время последних извержений. Надо будет старательно избегать этих опасных рифов. Теперь, дорогая Минни, нужно сохранить все наше хладнокровие. Испытание еще не кончилось. Надо сейчас выключить все волны. Теперь будет достаточно нашей тяжести. Мы парим как... управляемый парашют. Я не боюсь снижения. Откинь занавески иллюминаторов, мы лучше будем видеть.

Представлявшаяся глазам картина резко изменилась. Горы были ярко освещены, но черны, как уголь. Они как бы уходили во внутренность потухшего вулкана и образовывали жуткие стены, освещенные белесым, зеленоватым светом. На внешних же скловах рассыпавшиеся скалы сбегали покато, переходя в пустынную долину, пересеченную трещинами и складками почвы.

«Эфир-Альфа» входил уже в вулкан и был в тени стен чудовищного кратера. Путешественники увидели вдали невероятное нагромождение скал, белых, красных, зеленых и черных. Острые вершины их резко выделялись в огне ослепительного солнечного света.

Монкальм предвидел этот поток света, рождавший смертельный жар. Необходимо было избегнуть его, искать тени на дне кратера, в каких-нибудь углублениях стен.

«Эфир-Альфа» медленно спустился в пропасть камней и лавы. Никогда не могло быть жизни в этой бесконечной пустыне. Сожженная, высохшая скала, не знавшая веющей ласки газов, хранила свой безжизненный лик. Минни инстинктивно прижалась к мужу, точно искала у него защиты.

Монкальм остановил свой аппарат, который повис над пустотой. Ученый стал изучать местность. В центре огромного кратера поднимались остроконечные скалы, скальные сталагмиты, образовавшиеся из лавы. Точно какие-то сооружения циклопов. Местами потоки лавы образовали странные портики, величественные и пугающие, ведущие к ужасным пропастям. Выше вещество застыло в жутких глыбах, свисающих над пустотой, исполосованных сверкающими белыми подтеками, сияющих тысячами огней под ярким светом Солнца.

Минни подняла кверху голову.

— Где Земля? Я ее не вижу.

— Сейчас земной шар не виден на лунном небе. Мы отправились в путь за сутки до полной луны, чтобы иметь перед собой хорошо освещенную Луну. В настоящее время мы видим «молодую Землю» и проследим, как постепенно будет расти рог, пока не дойдем, наконец, до «полной Земли». Мы увидим то же, что видели, наблюдая на земле четверти Луны. В настоящий же момент Солнце все затмевает.

Море скал не позволяло «Эфиру-Альфе»

Сесиль и Минни вместе с Сенклером перед отлетом осматривают корабль «Эфир-Альфа».

снизиться. Сесиль нашел, наконец, площадку, на которую мягко и спустился аппарат. Монкальм, стараясь скрыть от жены беспокойство, подошел к радио-аппарату. Дойдет ли посылаемая им весть до Земли? Нарушится ли это жуткое молчание? Ответ Сенклера был почти мгновенный:

— Ура, Сесиль! Беспокойся, почему не было вестей?

— Необъяснимый перерыв. Не прерывайте контакта. Кратер Коперника кажется необитаемым. Каменистая пустыня.

— Вы уже вышли из «Эфира-Альфы»?

— Нет. Мы с Минни смертельно устали. Хотим сначала отдохнуть.

— Приятного сна. Я пьян от восторга. Ура, Сесиль!

Знакомство с Луной.

Монкальм был похож на странную машину и уж совершенно ничем не напоминал человеческое существо. Его тяжелый скафандр не дал бы ему возможности двигаться на Земле. Но теперь тут, благодаря слабой силе тяготения, эта тяжесть давала ему нормальную устойчивость.

— Дорогая Минни, тщательно закрой за мной дверь. Жди меня без всякого беспокойства, даже если я и запоздаю. Надеюсь вернуться через несколько часов. Думаю, что мы, вообще, не долго пробудем на Луне.

Изолированный в своем скафандре, Сесиль выскользнул из аппарата. Дверь закрылась за ним бесшумно: звуковые волны не могли распространяться в лунной сфере.

Исследователь стал внимательно осматриваться на площадке. Не было никаких сомнений: обширный слой пемзы тянулся от стены вулкана и опускался ко дну кратера, усыпанный обломками скал. Это наблюдение открыло сродство между вулканическими явлениями на Земле и древними стихийными переворотами на Луне.

Тождество составного вещества становилось все более и более полным, хотя в нем, может быть, преобладали металлы. Сесиль легко продвигался в хаосе древних катастроф. При ярком освещении дня, длившегося четырнадцать земных дней, человек рассматривал серую пемзу, неподвижные волны которой разбивались о стены вулканического стекла и скалы, исполосованные красными подтеками.

Монкальм пошел по узкому ущелью, делая на камнях пометки, чтобы не заблудиться. После довольно долгого пути, он очутился на краю огромной расщелины, которую раньше видел в телескоп. На краю этого непроходимого препятствия, Монкальм остановился. Глубина пропасти не поддавалась измерению. Это лунный океан треснул в эпоху своего охлаждения, и металлогранитные массы резко раскололись.

Монкальму не хотелось возвращаться. Глаза его были устремлены в бездну. Его разила одна особенность. На некотором стоянии слева, нечто вроде карниза обрамляло площадку, висящую над пустошью. Сесиль прошел туда и увидел вход в пещеру. Счастливая находка, которая раскрывает ему, быть может, тайну селенитов... Ранно было, что вход, не больше обыкновенной двери, был залит зеленоватым светом, точно исходящим изнутри пещеры.

Монкальм решительно вошел в пещеру и скоро очутился в обширном зале. Тот же самый тусклый свет освещал и красные гранитные скалы внутри пещеры. Как и в кратере, в пещере все казалось иссохшим. Откуда же этот тусклый свет? Монкальм начал о присутствии радионитов в скалах.

Несколько раз у него было впечатление каких-то слабых вспышек за его спиной. Он быстро оборачивался, ни ничего не видел. Быть может он просто стал жертвой оптической aberrации, вызываемой средой, заряженной радием. Он поторопился к выходу и пошел назад к «Эфиру-Альфа». Продвигаясь прыжками среди скал, он напрасно искал следов какой бы то ни было жизни на поверхности Луны. Так откуда же исходили сигналы, получаемые каждый день станцией форта Везувий? Оставалась еще надежда. Бесплодная пустыня лунных вулканов образовала, быть может, непроходимую границу для селенитов. Нужно было исследовать равнину Океана Бурь, в части ее, заключенной между кратерами Коперника и Кеплера...

С радостью увидел Монкальм вдали «Эфир-Альфа» и у своих ног крошечную красную рыбу, лежащую на мели из пемзы. Зрелище было феерическое. Глубокие тени и яркий свет создавали резкость очертаний. Никогда еще не видел Монкальм таких доказательств силы огня. Конечно, изучение фотосферы Солнца дает возможность представить себе в теории ужасные взрывы протуберанцев ослепительного диска. Спектроскоп показывает красные фонтаны горящих газов, поднимающиеся на высоту многих тысяч километров. Это горнило, где все металлы, в фантастическом урагане, сталкиваются своими раскаленными газами, заряженными электрическими излучениями невероятной силы. Это душа огня... Но здесь, на Луне, дело уже сделано. Пламя дало все до предела, всю свою стерилизующую работу. Только на следующий день после пожара понимаешь волю огня... А вокруг Монкальма была именно безжизненность дня, следующего за разрушениями, причиненными огнем. Обесиленный металл и камень приняли, наконец, лик скелета, потухшие и мертвые. Темный шар продолжал свое круговращение, в рабстве у Земли, вечно предлагая взглядам людей один и тот же изумительный лик, выходящий из мрака благодаря световому чуду Солнца.

В этом неподвижном хаосе было царство молчания. Ни малейшего шума. Тишина полная, вечная.

Тоска этого жуткого одиночества стала давить Сесиль. Он побежал, перепрыгивая глыбы красного кварца, торопливо карабкался по скалам. Только очутившись в каюте «Эфира-Альфа», Сесиль вздохнул свободнее. Ему казалось, что он избавился от преследования невидимых существ, от заключения в огромную могилу.

Прежде всего нужно было сблизиться с Землей. Монкальм прошел с женой в машинное отделение и сел перед экраном с передаточным механизмом. Минни увидела, как поблдеел ее муж.

— Сесиль! Что случилось?

— Не бойся, дорогая. Я устанавливаю связь, но не могу ее наладить.

— Но что же случилось?

— Не знаю. Все машины в полном порядке. Остается только думать, что магнитное поле блокирует наши аппараты. Этой «завесы» не существовало в момент нашего прибытия сюда. Кто-то опутал нас сетью?

— Селениты?

— Не знаю. Я буду искать... Нельзя терять надежды... до конца. Будем терпеливы.

Селениты-Ради.

Сесиль снова сидел в пещере на глыбе красного кварца. Он размышлял. Он только что исследовал спектроскопом таинственный свет и нашел полосы гелия, рожденного радием в последнюю стадию его распада.

Сесиль поднял голову и был поражен фантастическим видением. Перед ним плясали маленькие огоньки. Они взлетали, опускались, смешивались, прыгали по скалам. Они были синие, красные, зеленые и фиолетовые. Последних было меньше, и они были самые быстрые. Монкальм разглядел, что они имели форму звезды о шести лучах. Одна из звезд упала на шлем Монкальма, ослепляя его своим светом.

Сесиль выбежал из пещеры, но огоньки вылетели вслед за ним. К счастью, скафандр, сделанный из изолирующего вещества, спасал его от этих электрических звезд. Не было сомнений, что управляла этими огнями какая-то воля. Быть может, та же самая, которая привела в состояние беспомощности его воздушный корабль. На Луне существовала какая-то жизнь, сознательная, разумная! Не даром же получались в форте Везувий сигналы с Луны. Предстояла борьба, отчаянная, страстная. У Монкальма была теперь только одна мысль—пробраться скорее в свою крепость из твердого эфира, непроницаемую для этих горящих звезд. Обессиленный добежал он до «Эфира-Альфы» и крепко захлопнул за собой дверцу воздушного корабля.

— Сесиль, дорогой, — воскликнула Минни. — Я боюсь! Что это за светящиеся науки там, за окнами?

— Успокойся, дорогая, эти электрические бабочки ничего не могут нам сделать.

Вдруг страшный звук сотряс громкогово-

ритель в каюте. Сигналы! Селениты говорят... Звучит алфавит Морзе, сухой, отрывистый. Сесиль разобрал приказание:

— Не двигайтесь. Вы в нашей власти.

Мгновение Сесиль и Минни молча смотрели друг на друга. Потом Минни крикнула:

— Смотри, смотри!

В каюте плясала огненная звезда. Сесиль вздрогнул. «Эфир-Альфа» доступен этим странным созданиям!

Звезда, гораздо больших размеров, чем другие звезды, опустилась на экран с лампочками. Синий двет ее потемнел и стал фиолетовым. По лучам ее забегали красные сигналы, сигналы Морзе! Эта звезда пользовалась человеческим языком!

Монкальм прочитал, стараясь сохранить хладнокровие:

— Что вам здесь нужно? Отвечай своим голосом, Монкальм. Я схватываю все колебания.

Сесиль не верил своим глазам.

— Мне нечего тебе сказать, — ответил он. — Ты, повидимому, в курсе всего, что происходит на Земле, если знаешь мой язык и мое имя.

— Ты прав. Мы дети Ради и наша жизнь электро-магнетическая. Совет Ради рассматривает вопрос, как укротить людскую дерзость. Вы— пленники.

— Прошу тебя, отпусти нас. Мы вернемся.

— Мы не уверены в этом.

— Но тогда хотя бы из жалости...

— Я тебя не понимаю. Ради не воспринимает человеческих чувств.

— Но мы умрем, если останемся здесь.

— Совет решит.

Монкальм хотел еще говорить, но звезда исчезла.

Тоска по Земле.

Новые страдания стали терзать Сесиль и Минни. Это была острая тоска по Земле. Они не смели больше смотреть на Землю и закрыли иллюминаторы. Монкальм все время посвящал своим аппаратам. Лучи... лучи... Лучи, созданные бомбардированием атомов. Не окажутся ли они спасением для них? Сесиль работал лихорадочно, време-

Продвигаясь прыжками среди геометрических скал, Сесиль напрасно искал следов жизни.

нами возвращаясь к мысли о Радиях. Эти существа были выражением электрической энергии. Освобожденные от материи, они жили только колебаниями... Но жизнь в самом принципе не есть ли только колебание... пульсация в эфире? Когда Сесиль смотрел на Минни, усердие его в работе еще углублялось. Бедная Минни! Она таяла на глазах. Бледная, сонная, она лежала целые дни и почти не говорила. Ах, найти бы спасительную силу, силу, которая сдвинет с места «Эфир-Альфа» и кинет его в пустоту, к Земле!

Смерть Минни.

Бледное, исхудавшее лицо Минни выражало глубокое спокойствие. Монкальм, уничтоженный горем, не мог оторвать глаз от мертвого лица жены. Почему так внезапно угасло пламя жизни? Почему это пламя такое слабое и такое всегда трепетное? Это жалкое маленькое пламя, которому угрожают все дуновения...

Сесиль ненавидел теперь все, чем жила его пламенная юность. Счастлив тот, кто ничего не знает, ничего не ищет! Ах, покончить, покончить с этой жизнью. Но прежде, чем исчезнуть, ему надо еще исполнить один долг: похоронить тело обожженной женщины.

Он завернул нежное тело возлюбленной в мягкие ткани и вынес его из «Эфира-Альфы».

Монкальм продвигался скачками, точно неверный призрак, бегущий по лабиринту обломков лавы. Серный колчедан громоздился фиолетовыми скалами; базальты высились геометрическими наслоениями, белый кварц давал иллюзию снеговых гор. Сесиль не задерживался. Вот и пещера. Безразличный ко всему, стремится только защитить свою драгоценную ношу, Сесиль углубился в пещеру. Он сжимал в руках всю свою любовь, сердце его было похоже теперь на минералы, извергнутые из глубин Луны. После жгучего огня — мертвый пепел.

Пещера уходила все дальше вглубь. Зеленоватый свет сгушался впереди в завесу цвета темного изумруда. Монкальм опустил тело возлюбленной между двумя прекрасными глыбами кварца, сверкавшими точно миллионами бриллиантов, и медленно вернулся к выходу из пещеры. Чтобы умереть, ему нужно только снять шлем и отдаться лунной пустоте.

Вдруг перед ним заплесала большая звезда одного из Радиев. Вдоль геометрической фигуры пробежали быстрые и отрывочные огоньки.

— Земля передает сигналы, которых мы не понимаем, — сообщил Сесиль Радий.

Монкальм презрительно усмехнулся:

— Я хочу умереть. Оставьте меня в покое.

— Мы должны знать, чего хочет Земля. Она подает сигналы бедствия.

— Бедствия?!

Монкальм уже не думал о том, чтобы снять шлем. Земля призывала своего сына...

Победа селенитов над Землей.

В большой кабине «Эфира-Альфы» заработали аппараты. Монкальм повторял вызовы за вызовами.

Молчание. Ожидание. Снова сигналы.

Ответ! Земля шипит на длинной ленте голубой бумаги, говорит на языке алфавита Морзе.

— Сесиль Монкальм жив? Минни жива?

— Я жив, она умерла.

— Можете ли вы вернуться?

— Нет, электрические силы парализовали аппарат.

— Можем мы вам помочь?

— Нет, моя смерть близка.

— Причина?

— Искусственный воздух вызывает прогрессирующую анемию. Медленное удушье.

— Лунная атмосфера?

— Не существует. Нет воды. Ни растительной, ни животной жизни. Электрическая жизнь. Специфический разум через восприятие колебаний.

Молчание. Монкальм облегченно вздыхает. Связь с Землей восстановлена. Аппарат снова говорит:

— Электрические явления на всей земной поверхности. Электромагнитные бури, пожары, катастрофа в Алжире. Извержением вулкана разрушен Панамский канал. Ужасные наводнения. Земная кора опустилась во многих местах. Всеобщая паника. Уничтожена Эйфелева башня.

Над головой Монкальма засверкала звезда-Радий.

— Что происходит на Земле? — спросила она Монкальма на языке Морзе.

— Ничего ненормального. На Земле просто хотят узнать про меня.

— Это неправда. Земля умирает. Мы уничтожаем на ней жизнь.

Монкальм вскочил, но сейчас же взял себя в руки. Что мог он сделать?

— Для чего это ужасное преступление?

— Мы не хотим, чтобы люди могли овладеть нашей Луной. Разве мы знаем, где останутся ваши открытия?

Снова заработали аппараты.

— Монкальм, можете вы отвечать?

— Да. Я нашел причину катастрофы на Земле.

— Ура! Сесиль!

— Земле грозит смерть от электричества. Единственный способ спастись — перерезать эфир экраном, изолирующим всю земную поверхность.

— Понял. Завеса Омега. Формула 136.

— Правильно.

— А как же вы?

— Не думайте обо мне. Думайте о людях. Опасность велика.

Вдруг лампочки на экране потухли. Монкальм увидел, что Радий взлетел к самому потолку.

— Почему ты выключил волны? — спросил Монкальм.

— Я понял, что ты мне ничего не скажешь. Прощай, Монкальм. Ты меня больше не увидишь.

Сверкающая звезда исчезла точно пламя, которое загорелось.

Мудрость селенитов. — Оживление Минни.

Как мягко светилась Земля в глубине огромного неба! Монкальм поднял глаза к прекрасному золотому диску, потом повернул шлем, чтобы лучше видеть стены кратера Коперника.

Под лунным освещением точно сапфировой прозрачности, страшное нагромождение красных скал высилось своими фантастическими уступами.

Монкальм легкими прыжками спустился в пещеру, где лежало тело Минни. Звезда-Радий сопровождала его.

У входа в обширный зал Монкальм остановился, поникнув головой. Потом решительно прошел к сверкающим глыбам, между которыми накануне положили тело жены. Под новым ударом человек, несчастный человек зашатался. Пространство между глыбами было пусто. Трагическая ярость вернула силы пораженному горем Монкальму.

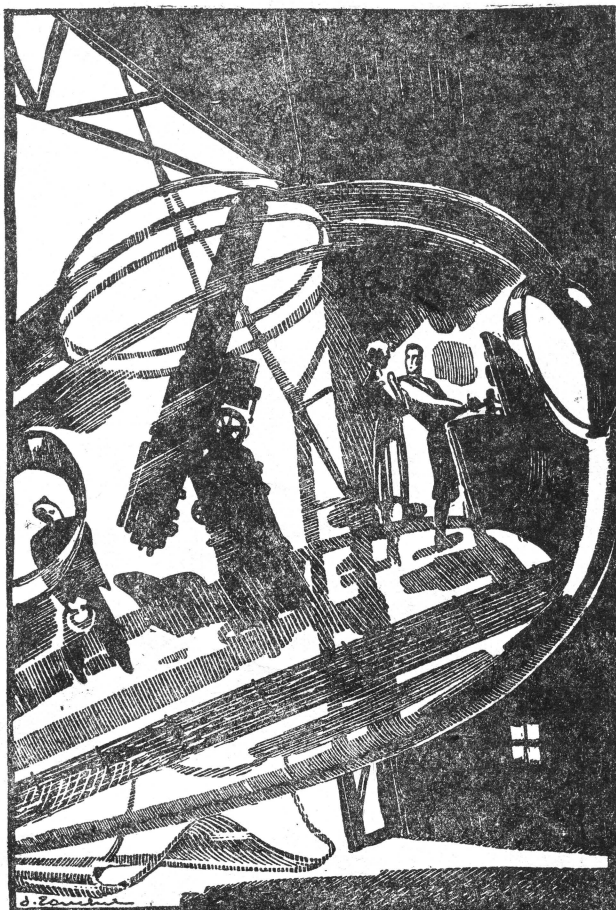
— Что вы сделали с моей женой? — закричал он, грозя кулаками звезде.

— Это наша тайна.

Монкальм упал на скалу. Он плакал под тяжелой маской скафандра.

— Пожалей меня, Радий!

— Что такое жалость?

Лунная поверхность представляла потрясающее зрелище.

— Жалость? Ах, я забыл, что ваша чудовищная нечувствительность не дает вам понять это слово. О, холодные огни, проклятые огни...

Сесиль, задыхаясь, смотрел, как фиолетовый свет звезды становился все гуще. Звезда вдруг задержалась на месте и Сесиль прочел сигналы:

— Минни жива.

Монкальм с криком упал на колени.

— Минни жива! Но где же она? Где же?

— Мы, Ради, вечны. Мы захотели узнать причину смерти Минни и мы нашли.

— Так вы узнали тайну жизни?

— Мы нашли лучи, регулирующие вашу нервную энергию; эманации, которые заставляют двигаться ваш тяжеловесный остов, которые питают ваше отвратительное тело... Ваши человеческие мысли — всего только электронная пыль.

— Минни? Где она?

— Мы вернули ей некоторые эманации, которые ей необходимы, чтобы двигаться.. Нервы привели в движение грубую машину, которую вы называете сердцем. Мы сделали свежую кровь, чтобы орошать ее тело. Мы сфабриковали по математически вычисленным дозам воздух, чтобы согреть и очистить эту кровь...

— Так Минни жива? Ах, ведите же меня к ней.

— Но, ведь, Радию не отдадут тебе Минни.

— Этого не может быть!

— Радию очень интересуются явлениями земной жизни. Мы хотим сохранить у себя хотя бы один экземпляр человеческих существ. Мы хотим попытаться сделать Минни бессмертной.

Бессмертие в этом мертвом мире! Какая ужасная пытка. Вы не сделаете этого!

— Почему же? Это интересный опыт.

— Послушай, если я не могу увести Минни, так дай мне хоть взглянуть на нее.

— Хорошо, Монкальм. Но ты увидишь ее только раз и вас будет разделять занавес из смертоносных волн. Помни, что Минни теперь наше создание.

— Веди меня скорее,—воскликнул Монкальм, вне себя от счастья и страданий.

Победа Монкальма. — В обратный путь.

Звезда вела Монкальма. Они шли по подземным залам. Геометрические скачки Радию буравили ярким светом мрачные глубины пещер. Что это за удивительный лес кругом? Это огонь выковал всю эту странно-земную растительность. Раскрывались полянки, полные неподвижных чудовищ, отлитых расплавленным антизмом. Вот мамонт склонил свою могучую голову. Зябко жмутся друг к другу пеликаны, а посреди пагоды, сверкающей кристаллами известняка, ждет добычи крокодил...

Стактиты и стагагиты соединяются, образуя могучие колонны удивительных очертаний, и взор терзается в бесконечных залах, разукрашенных причудливой кристаллизацией, точно в зачарованном замке.

Вдруг нежный и в то же время очень похожий на солнечный свет залил пещеру. В воздухе закружились мириады золотых пчел, образуя занавес, спускавшийся с потолка до полу.

— Ты можешь снять свой шлем, — сказал Радий Монкальму. — Тут воз-

дух напоен озоном. Ты вдохнешь в себя жизнь.

Монкальм задыхался в скафандре. Воздух, созданный Радиюми, был живителен. Онпил его с жадностью, сердце его забилося сильнее.

В полной тишине Монкальм услышал шаги легких ног, бегущих по ковру из кристаллов. Потом за занавесью появилась Минни, розовая и белокурая, со сверкающими от счастья глазами.

Монкальм взмахнул пушкой для бомбардировки электронов, которая всегда находилась под его скафандром вместе с другими принадлежностями изобретенной им защитной одежды. Он произвел магнитное сотрясение. Под вдруг погрузившимися во мрак сводами раздался оглушительный громовый удар. Блестящая завеса была разорвана разрядившимися электрическими снарядами. Звезда-Радий исчез, превращенный в пыль, уничтоженный человеком, которого не могло сломить временное поражение. Монкальм торжествовал. Он направил на Минни луч маленького прожектора. Тяжелый сон кончился. Они снова были вместе, молодые, сильные, полные надежды.

— Идем...

Монкальм быстро одел Минни для путешествия по подземным ходам. Голубоватые и зеленые огни не освещали больше пещер, погруженных во мрак. Один узкий лучик прожектора Монкальма освещал странные колоннады и заставлял плясать фантастические тени. В этой жуткой пустоте все было молчанием. Монкальм быстро увлек Минни к выходу. Там, на площадке, над огромной пропастью, они увидели вдали Землю... Землю...

Она была видна неспокойна. В последней четверти своей она казалась еще прекраснее, еще таинственнее. Земля со своими природными богатствами, с чистым воздухом лесов, горных вершин и морских берегов, с песней ветра в листве и в парусах, там, там... на Земле жизнь...

— Идем, Минни, Земля нас ждет!

Они шли теперь к «Эфиру-Альфа». Монкальм помогал Минни карабкаться по уступам лавы. «Эфир-Альфа» точно знал их издали. Едва Монкальм вошел в кабину, как он старательно закрыл дверь, побежал в машинное отделение и пустил в ход генераторы воздуха и тепла. Все аппараты исправно работали. Сигналы свободно проходили теперь по эфиру.

— Минни! Земля отвечает!

— Гарри все еще на посту? Он, кажется, ни разу не усумнился в твоём успехе.

— Никогда не надо сомневаться, Минни. Нужно всегда верить, что все возможно.

— Ах, да, Сесиль.

риклучений.

— Я даю указания относительно нашего обратного путешествия. Все отлично действует.

«Эфир-Альфа» тронется через несколько минут.

Медленно, незаметно покидал «Эфир-Альфа» каменистую площадку и стал подниматься над кратером.

— Полюбуйся, Минни, и попрощайся.

Прощай, Луна наших земных мечтаний, мертвый шар, привязанный к вращению нашей планеты. Прощайте, Радии!

Монкальм бомбардировал электронной пушкой светящуюся завесу.

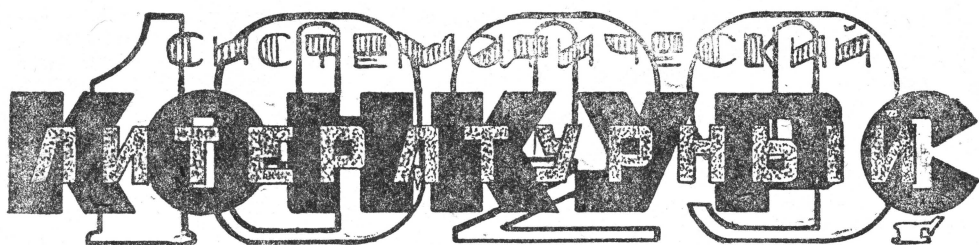
Движение «Эфира-Альфы» становилось все быстрее и скоро кратер Коперника открылся деликом, ярко освещенный Солнцем.

— Теперь нам нужно любоваться Землей! — весело воскликнула Минни.

— Да, Землей...

Они смотрели вперед, сияя жизнью и радостью. Они мчались к торжеству и ощущали на губах пьянящую сладость подступающей Бесконечности.

ОКОНЧАНИЕ КОНКУРСА № 2

Отчет и решение рассказа-задачи „ПОТРЕВОЖЕННЫЕ ТЕНИ“

Первый из наших конкурсов, — который, к сожалению, приходится считать неудавшимся! И ни читатели, ни Редакция в этом не виноваты. Запоздание в выходе книжки журнала с текстом литературной задачи, против нашего желания, сократило значительно срок для ее решения. Поздний выпуск этого номера — отдалил опубликование результатов конкурса. Читатели теперь уже знают, что все эти перебои в работе были вызваны недостатком печатной бумаги и нерегулярностью снабжения ею: бумага нужна была для удовлетворения первостепенных государственных потребностей.

Подробное и всестороннее исследование всех присланных 172 работ свидетельствует, что читатели отнеслись к предложенному им литературному труду с очень большим вниманием и исключительным интересом. Множество сопроводительных писем подтверждает этот объективный вывод. Снова и снова мы убеждаемся, как велико у трудящегося стремление охватить неисчерпаемые культурные сокровища русского художественного слова, овладеть ими. Трудно, да и бесполезно было бы перечислять имена читателей, пишущих, каким радостным отдыхом в повседневной работе являлось для них чтение больших писателей, необходимое для решения нашей литературной задачи. И мы так понимаем грусть многочисленных жалоб из самых разнообразных мест: «в нашей библиотеке нет Горького»; «Герцен у нас считается излишней роскошью»; «в нашей библиотеке Достоевский разрозненный»; «Пушкин у нас неполный, а купить негде»; «Гоголя в нашей библиотеке только отдельные томы» и т. д. Мы уже не упоминаем сетований, что самые популярные писатели, как Пушкин, Достоевский и Горький находятся в библиотеке только в одном экземпляре и, конечно, всегда на руках.

При таких условиях срок для решения литературной задачи, построенной на ознакомлении с писателями, должен быть очень большой.

Отмечаем, что впервые мы получили много писем от женщин, которых официальная терминология называет «домхозяйками». Они пишут, что такого типа литературная задача — очень хорошая, приятная и интересная работа и для них, «живущих очередями, детьми и кухней».

Все присланные работы до одной, хотя бы они поступили и с опозданием, участвовали в Конкурсе. Включен в него был и читатель из города Воткинска, сообщивший, что он не подписчик за неимением для этого средств.

Приводим в порядке чтения список авторов и произведений, которые были использованы в рассказе-задаче № 2:

ТУРГЕНЕВ. — «НОВЬ». — ПОМЯЛОВСКИЙ. — «Брат и сестра». — ТУРГЕНЕВ. — «НОВЬ». — ПУШКИН. — «Дубровский». — ЛЕСКОВ. — «Обойденные». — ТУРГЕНЕВ. — «НОВЬ». — Л. ТОЛСТОЙ. — «Война и мир». — ЛЕРМОНТОВ. — «Горбач-Вадим». — ИИ-СЕМСКИЙ. — «Тысяча душ». — ПОМЯЛОВСКИЙ. — «Поречане». — ДОСТОЕВСКИЙ. — «Братья Карамазовы». — ТУРГЕНЕВ. — «НОВЬ». — ДОСТОЕВСКИЙ. — «Неточка Незванова». — ТУРГЕНЕВ. — «НОВЬ». — Л. ТОЛСТОЙ. — «Война и мир». — ГОГОЛЬ. — «Шинель». — ГОГОЛЬ. «Невский проспект». — ГОГОЛЬ. — «Шинель». — ГОРЬКИЙ. — «9 января». — ДОСТОЕВСКИЙ. — «Преступление и Наказание». — ГОГОЛЬ. — «Нос». — ГОГОЛЬ. — «Иван Иванович Шпонька». — Л. ТОЛСТОЙ. — «Война и мир». — ТУРГЕНЕВ. — «НОВЬ». — ГЕРЦЕН. — «Кто виноват?». — ГОГОЛЬ. — «Иван Иванович Шпонька». — САЛТЫКОВ - ЩЕДРИН. — «Дневник провинциала». — ГОГОЛЬ. — «Иван Иванович Шпонька». — ГОГОЛЬ. — «Шинель». — Л. ТОЛСТОЙ. — «Война и мир». — ТУРГЕНЕВ. — «Рудин». — ИИСЕМСКИЙ. — «Тысяча душ». — ТУРГЕНЕВ. — «Рудин». — ТУРГЕНЕВ. — «НОВЬ». — ГОНЧАРОВ. — «Обломов». — ТУРГЕНЕВ. — «НОВЬ». — ТУРГЕНЕВ. — «Дворянское гнездо». — ТУРГЕНЕВ. — «Накануне». — ТУРГЕНЕВ. — «НОВЬ». — МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ. — «На горах». — ТУРГЕНЕВ. — «Накануне». — ГОНЧАРОВ. — «Обломов». — ЛЕРМОНТОВ. — «Горбач-Вадим». — ПУШКИН. — «Барышня-крестьянка». — ЛЕРМОНТОВ. — «Горбач-Вадим». — Л. ТОЛСТОЙ. — «Отец Сергей». — ПУШКИН. — «Дубров-

ский». — ТУРГЕНЕВ. — «Отцы и дети». — МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ. — «На горах». — ЧЕХОВ. — «Дуэль». — ПУШКИН. — «Капитанская дочка». — ТУРГЕНЕВ. — «Отцы и дети». — ТУРГЕНЕВ. — «Накануне». — ТУРГЕНЕВ. — «Отцы и дети». — ГОГОЛЬ. — «Старосветские помещики». — ПУШКИН. — «Пиковая дама». — ТУРГЕНЕВ. — «Рудин».

Спозна никто не решил задачу, т. е. никто не указал всех авторов и все произведения, из которых составлен рассказ. Тем не менее, желая поощрить и культурные стремления, и работу читателей, Редакция выдает 4 премии на сумму более обещанной.

Н. К. РОЗЕНШИЛЬД (Майкоп) получает:

Собрания сочинений: Гончарова и Гейне в переплетах.

Н. Ф. ПРОУРЗИНА (Белая Церковь) получает:

Собрания сочинений: Л. Андреева и Кнут Гамсуна в переплетах.

гр. МЕНШУТКИНА (Ленинград) получает:

Собрания сочинений: Григоровича и Помяловского в переплетах.

Н. А. ГЕНКЕЛЬ (Москва) получает:

В худ. издании собрание сочинений Шекспира в переплетах.

В нисходящем порядке достоинства работ печатаем имена 66 наиболее успешно потрудившихся читателей. Римские цифры обозначают, сколько писателей, а арабские — сколько произведений не узнал или не нашел решавший задачу:

Н. Н. Розеншильд, г. Майкоп (II, 2). — Н. Ф. Проурзина, Белая Церковь (II, 3). — Меншуткина, г. Ленинград (II, 4). — Н. А. Генкель, г. Москва (III, 4). — Н. Ф. Прошинская, г. Владикавказ (III, 4). — В. А. Домрачев, г. Баку (III, 5). — В. И. Кочергин, г. Карачев (III, 5). — П. М. Пинулин, г. Минск (III, 5). — З. Я. Туясова, г. Барнаул (III, 8). — Н. А. Радциг, г. Ленинград (IV, 4). — В. В. Бойс, г. Ленинград (IV, 5). — А. Д. Коган, г. Чита (IV, 6). — Н. Н. Птицын, г. Детское Село (IV, 6). — Н. А. Линицкая, г. Петровск-Забайкальский (IV, 11). — Татищева-Тульская, г. Семипалатинск (V, 6). — В. Л. Злочевский, г. Киев (V, 7). — Р. Ф. Сиворцова, Ново-Воронцовка (V, 7). — А. И. Курнов, г. Ленинград (V, 8). — И. И. Флоров, г. Киев (V, 9). — З. Журавич, г. Тюмень (V, 10). — В. М. Сивнова, г. Курск (V, 11). — Д. М. Френнел, г. Москва (V, 11). — И. Н. Иладиенно, г. Курск (VI, 7). — Н. Корсунский, г. Тифлис (VI, 10). — Е. С. Толмачев, г. Геленджик (VI, 10). — Т. И. Аболенская, г. Нижний-Новгород (VI, 12). — М. В. Соловкина, г. Таганрог (VI, 12). — А. А. Леонов, г. Благовещенск (VI, 15). — Ф. Я. Андреев, г. Ленинград (VI, 21). — С. М. Самухин, г. Ленинск-Омский (VII, 8). — П. П. Тихвинский, г. Киев (VII, 11). — Н. А. Волковицкая и Н. В. Лунашевич, г. Ростов н/Д. (VII, 12). — И. Финкельштейн, г. Ленинград (VII, 12). — Б. В. Смирнов, г. Одесса (VII, 19). — Е. Хандамирова, Черневцы (VIII, 10). — Н. Ковальчук, ст. Кавказская (VIII, 14). — И. К. Маширов, г. Ленинград (VIII, 14). — Е. И. Шведер, г. Днепропетровский (VIII, 15). — Л. П. Тихомиров, г. Москва (VIII, 17). — Е. И. Фортунато, г. Ленинград (VIII, 21). — Я. С. Сварин, г. Ленинград (VIII, 23). — Т. А. Турнина, г. Астрахань (VIII, 26). — А. И. Кондратьева, г. Самарканд (IX, 14). — Е. Голосова, г. Днепропетровский (IX, 15). — Г. П. Понемарев, с. Бор (IX, 16). — П. Д. Пугачев, г. Кострома (IX, 16). — Ж. Илич, Кильтычийская Андреевка (IX, 17). — К. Плотников, г. Бийск (IX, 22). — А. Г. Джемарджидзе, г. Ташкент (IX, 22). — Е. О. Соколова, г. Москва (IX, 22). — Л. П. Кудрина, г. Вятка (X, 16). — Т. Б. Ивашева, г. Свердловск (X, 18). — В. Г. Александров, г. Ростов н/Д (X, 23). — Н. А. Филиппова, г. Красноярск (X, 23). — С. А. Николаев, г. Свердловск (XI, 30). — А. А. Натишвили, г. Тифлис (XII, 18). — А. М. Кузнецов, г. Ленинград (XII, 27). — Н. А. Фалосов, г. Уральск (XIII, 35). — Е. А. Диденко, г. Киев (XIII, 26). — М. И. Мострицына, г. Краснодар (XIII, 29). — Е. В. Путилов, г. Омск (XIII, 31). — А. А. Барабанов, г. Боровск (XIII, 32). — М. А. Мострицын, г. Оренбург (XIV, 29). — А. Д. Раскин, г. Воткинск (XIV, 30). — А. Г. Зласенко, г. Чита (XIV, 32). — П. Д. Бессонова, г. Иркутск (XV, 37).

В. Б.

ПИОНЕРЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Рассказ М. ДЖЕНСОН.

Иллюстрации Э. ОСМОНД

Прогресс неуклонно шествует вперед. Не успели наиболее культурные расы в результате тысяч лет упорного труда обзавестись телефоном, беспроводным телеграфом, граммофоном, фотографическим аппаратом, автомобилем, как все эти блага цивилизации проникли и в самые глухие углы, даже к таким народам, как Банту в Центральной Африке, и добрались и до низших лесных племен, до чернолицых Батонка.

Но благоденствия современной цивилизации проникли на территорию Батонка медленнее, чем куда-либо, потому что, кроме всего прочего, Батонка необычайно гордились своими ушами. Они стремились иметь две пары ушей, причем одну, сушеную пару, подвешивали под своей природной. За эту любовь к странному украшению каждый член племени всегда рисковал расплатиться жизнью, если решался выбраться из своих диких мест и появиться по соседству.

Такой вкус к чужим ушам затруднял возможность передать этому племени благоденствия цивилизации и Батонка продолжали свою незатейливую жизнь, не пользуясь измышлениями более счастливых рас. Только недавно цивилизация прорвалась в их темные леса, благодаря усилиям двух отдельных лиц, прорвалась кривым, странным и некрасиво-обманным путем.

Когда солнце заходит на реке Нинаваронго и птица касуку посовистывает «уифль, уифль», когда стадо слонов спускается на водоной и полная луна с ликом раскаленной меди встает над бамбуковыми лесами; тогда вы могли бы увидеть несколько лет назад процессию туземцев из племени Батонка, отпавляющихся в темной чаще джунглей нечто вроде африканского блэк-ботома. Вел эту процессию очень старый предводитель Лухэнго. В центре несли на высоте плеч носилки, на которых находился четырехугольный предмет, покрытый дыновками. На дыновках были нарисованы всевозможные таинственные знаки против дьявола и жуткие рожи.

Одновременно, с равных сторон, под-
одили другие три предводителя из деревень

В центре процессии, на высоте плеч, несли носилки с таинственным ящиком.

Батонка. Каждый вел свою процессию, которая несла на носилках такой же точно священный предмет. С пронзительными криками, со свистом, превращая ночь в нечто ужасное, они медленно проходили через лес к поросшей травой горе.

Наверху горы стояла четырехугольная избушка с дверью в каждой стене. Перед этими дверями все четыре процессии опускали свои носилки, громко выли и затем уходили вниз по горе, к опушке джунглей, и ждали.

Луна поднималась все выше, пока трава на склонах горы не начинала сверкать, как серебряная. Тогда из хижины выходил большой, желтоватый шотландец, Дункан Маклочки из Абердина. При пронзительных криках туземцев под горой, он выходил из каждой двери по очереди и уносил в хижину четыре священных предмета, лежавших на носилках.

Минуты проходили. Потом, под взрыв криков еще более отчаянных, чем до сих пор, Маклочки снова появлялся, возвращал священные предметы на носилки и удалялся в хижину. Тогда, одним движением, все племя Батонка бросалось на гору и уносило четыре священных ящика. Они уносили их к опушке джунглей, где каждый предводитель садился перед своим ящиком, а народ плясал вокруг него, и в душном воздухе африканской ночи, таинственной, угрожающей и порождающей тоску афри-

канской ночи, разносились смешанные звуки «Моего маленького бимбо», «Прощай навек», «Я никогда не знал» и «Берегов Мпами».

Так проходило племя Батонка через ежемесячную церемонию завода своих граммофонов. Маклочти продал по граммофону каждому из главных предводителей племени. Но ручки для завода он оставил у себя.

Он купил граммофоны в Киссенджи на все имевшиеся у него в кармане деньги, на все двадцать фунтов, с тем, чтобы увезти свое приобретение в глубь страны и продать со значительным барышом. Но когда он добрался до Умуфу, этого последнего маленького аванпоста цивилизации на опушке лесов к востоку от озера Киву, оказалось, что там хорошо заработать он не мог. Но ясно себе представляя цену хорошего, портативного граммофона, он сжал зубы, отряс со своих ног прах Умуфу, взял шесть туземцев-носильщиков и четыре граммофона и исчез в голубом эфире.

Во время своих путешествий по диким зарослям Африки, по топам и джунглям, он встретился с Батонка, небольшим чернокожим племенем. У племени этого были обычаи, при мысли о которых по спине Маклочти начинали бегать мурашки. Но, в общем, встретили его дружелюбно и, принимая во внимание более драматический характер их обычных развлечений, было удивительно, что Батонка так нравилось слушать игру его граммофонов.

Не взирая на то, что Батонка были суровым племенем, вид крутящейся пластинки и исходящий из нее голос были для них удивительнее и страшнее всего, виденного ими до сих пор. Маклочти стали глубоко почитать за то, что он мог снова пускать в ход граммофон, когда завод кончался. Когда требовалось заводить граммофон, шотландец

что он мог снова пускать в ход граммофон, когда завод кончался. Когда требовалось заводить граммофон, шотландец

покрывал себя и машину большой простыней, кричал и бесновался под ней некоторое время, после чего, к благоговейному ужасу присутствующих, ящик снова начинал петь.

Некоторое время спустя, Маклочти бросил три ручки для завода граммофонов в глубокую реку, а четвертую стал носить на шее, точно талисман туземного колдуна. Батонка соединили искривленный, блестящий прут, висевший на шее Маклочти, с явлением шума в ящике, но не видели в этом ничего механического. Ручка граммофона являлась символом могущества Маклочти и мало-помалу белый человек не постеснялся сочинить историю о существовании дьявола, говорившего через ящик. Такой дьявол был существом совершенно новым для племени Батонка — Большой Дьявол Фони.

Взамен большого количества слоновой кости и скота шотландец в ночь полнолуния посвятил четырех главных предводителей в жуткую тайну пускания в ход пластинки и укрепления иглолки и поднес каждому вождю уже заведенный граммофон с одной пластинкой. Предводители унесли граммофоны в свои деревни с криками, свистом и барабанным боем.

Они выстроили для Маклочти хижину о четырех дверях на вершине горы, среди диких зарослей, и там он стал жить, пользуясь величайшими удобствами, заводы граммофоны в каждое полнолуние и постепенно приобретая власть над всеми Батонка. Если он не мог добиться того, что хотел, или кто-нибудь не правился ему, он объявлял, что дьявол Фони сердится и вместо того, чтобы говорить через ящик, дьявол найдет себе другое занятие, например, найдет на скот чесотку. А так как он был единственный человек, умевший умилистить Фони, то действовать можно было только через него, шотландца.

Постепенно, как часто случается с заклинателями, его стали наделять могуществом самого дьявола, а там и отождествлять с ним.

Жизнь его стала удивительно удобной. У него были пища, рабы, охота случившимися охотниками племени, которые находили для него след, и он не раз уже побывал в Умуфу, чтобы продавать там подношения поклонников Фони и покупать себе хорошую одежду. Слава его разнеслась по всей местности и стало известно, что туземцы смотрят на него, как на нечто вроде колдуна-знахаря. Никто не знал, конечно, тайны его могущества и колонисты приписывали последнее силе его гипнотического взгляда. Шотландца стали считать в Умуфу очень своеобразным человеком, обладающим странной властью над туземцами.

Когда кто-нибудь собирался отправиться в глубь страны охотиться на горилл или ловить насекомых, ему говорили:

— Вы бы лучше сговорились с этим молодчиком Маклочти. Без этого вам не обойтись. Он в тех местах свой человек.

Маклочти давал в провожатые десять человек из племени Батонка, которые водили вас повсюду, куда вы хотели, если это было не слишком в глубь их территории. Во все время путешествия эти туземцы были очень понятливы, но совершенно немые.

Конечно, никто не знал, что Маклочти предупреждал их, что если они будут разговаривать с белолицыми, это заставит замолчать большого Дьявола Фони. Дело было в том, что он хотел предохранить Батонка от европейского влияния, так как был уверен, что цивилизация будет иметь на них очень деморализующее влияние. Он представлял себе, как племя отойдет от своих простых занятий, от своей простой и детской веры в дьяволов. И он, конечно, содрогался при мысли о количестве ушей, которое понадобится такому предводителю, как старый Лухэнго для удовлетворения его тщеславия, когда он будет заражен багиллами современной конкуренции.

Но мало белолицых в те дни отправлялось в глубь страны. К концу пяти лет Маклочти был в зените своей славы, хотя граммофоны уже стали изнашиваться и ему пришлось снабдить каждого предводителя несколькими новыми пластинками, которые он доставал в Умуфу.

Но вот в Умуфу появился маленький торговец из окрестностей Лондона, по имени Альберт Спенсер. Ему, по обыкновению, посоветовали обратиться к Маклочти.

— Это кто такой? Живет здесь со времен потопа, да? Нет, благодаря вас, — сказал Альберт Спенсер и потянул носом, как он это часто делал, потому что хотя и редко видел крыс, но всегда их чуял.

— Там золото, правда? — спрашивал он. — И слоновая кость? Хочу ли я проводника? Никого мне не надо!

И он отправился в путь без проводника, с дюжиной слуг, с двумя бочками виски и с одним ящиком, в котором были дешевые часы. Ему удалось как-то пробраться к Батонка без злоключений, но Маклочти услышал про него прежде, чем он успел пройти в глубь местности, потому что ничего не случалось в Батонка без того, чтобы весть об этом, передаваясь из уст в уста, не доходила очень быстро до хижины на горе. Пришла весть, что вблизи деревни старого Лухэнго раскинул лагерь белый дьявол, дававший огненное питье людям взамен шкур и слоновой кости и Лухэнго желал знать, что ему прикажет Фони делать с этим белым дьяволом.

Маклочти немедленно отправился в деревню Лухэнго и нашел там Альберта Спенсера, раздававшего виски толпе громко кричащих людей, снимавших с себя все украшения из слоновой кости, чтобы получить виски. Всякая другая деятельность в деревне прекратилась и охотники, старики, женщины, дети лежали в тени и взирали на мир в состоянии блаженного опьянения.

— Здравствуй! — с искренней сердечностью сказал Альберт Спенсер, когда пришел Маклочти. — Вы Маклочти, не правда ли? Я слышал про вас в Умуфу и думал, что, может быть, встречу с вами.

Он протянул руку и обнажил в дружеской улыбке два ряда испорченных зубов и десны, но бойкий взгляд его острых глаз оставался настороженным. Из этих глаз смотрела душа Альберта Спенсера — маленькая, жадная, всегда настороженная, душа какого-то хищного, вредоносного зверька.

Вместо того, чтобы отделаться от Альберта, пользуясь своей властью, и сказать Батонка, чтобы они его изгнали сами, шотландец обменялся рукопожатием и без дальнейших предисловий грубо заявил:

— Вы не должны продавать туземцам виски.

— О? — воскликнул Альберт. — Как так? Насколько я знаю, таких законов нет.

Маклочти повторил приобретенным им нетерпящим возражений тоном:

— Вы не должны здесь продавать виски.

— Что вы хотите сказать? Я только что пришел из Умуфу, где за день до отправления беседовал с одним офицером. Он сказал, что все разрешается.

— Может быть, — ответил Маклочти, — может быть, он и говорил. Но вы не можете

здесь продавать виски, а, главное, вы не нужны в этих местах. Пусть ваши слуги укладывают этот ящик и убирайтесь.

— Да что же это такое! — протестовал Альберт. — Все это очень хорошо, но вы должны мне объяснить причины. В чем дело? Почему я не могу продать неграм немножко выпивки?

Маклочти встал. Никогда еще он до сих пор не показывал своей власти белому человеку.

— Потому что я говорю, что нельзя! — сказал он и ударил себя в грудь кулаком, глядя на Альберта страшными глазами.

— Господи помилуй нас! — воскликнул Альберт. Разразившись потоком брани, он заявил, что будет очень удивлен, если не продаст всю виски до капли.

— Возвращайтесь в Умуфу, — сказал Маклочти, — и поскорее. Если вы не двинетесь через полчаса, я вас двину.

— Это ваша страна? — сказал Альберт. — Батонка открыта для всех. Я английский подданный, а кто вы — я не знаю. Он вдруг заговорил жалобно. — Хорошая манера обращаться с человеком в таких местах. Я не делаю никакого вреда. Всего только продаю боченок виски неграм и пытаюсь собрать немного слоновой кости. Большинство белых людей помогли бы товарищу в этой алдской местности.

— Убирайтесь вон и поменьше разговаривайте, — сказал Маклочти. — Послушайте моего предупреждения и живее уходите отсюда, не то может быть поздно.

— Вот так, — грозите мне! Грозите! — кричал Альберт. — Если вы хотите меня убить, так никто не увидит! Я могу стрелять, могу — так же как вы!

Маклочти усмехнулся, мотнул огромной головой с желтой бородой и оглядел Альберта с величайшим презрением.

— Я не стал бы вас убивать, — сказал он великодушно, — раз могу другим способом заставить вас одуматься.

— Вы не можете меня выгнать! — сказал Альберт.

Маклочти только поднял нависшие брови и пожал могучими плечами, точно не имело

смысла продолжать спор. Потом он резко повернулся и встал, широко расставив ноги, уперев руки в бока и глядя на получившую толпу Батонка, следивших на почтительном расстоянии за его разговором с Альбертом.

Увидев на себе его взор, они тотчас же упали на колени и коснулись лбами земли в позе смирения.

Альберт Спенсер смотрел с удивлением и с рождающимся беспокойством, которое его значительно отрезвило. Маклочти пристально взглянул на него с улыбкой легкого презрения и сказал:

— Можете быть вы захотите пойти со мной и закупить в хижине Лухэнга перед тем, как двинуться в путь?

— Я не ужо

сказал! — запротестовал Альберт. — Я вам ничего не сделал. Я расскажу обо всем в Умуфу.

— Рассказывайте! — ответил Маклочти.

Солнце садилось и в молчаливом окружении джунглей над деревней витали темные тени наступающей ночи. Трезвые туземцы, пришедшие в деревню в качестве свиты Маклочти, разложили шесть больших костров перед палаткой предводителя и стали готовить пиришество.

Когда все было готово, Маклочти и Спенсер сели на пороге хижины, в то время

Лухэнго поднялся. В руке у него был нож с тупым тусклым лезвием.

как наименее пьяные Батонка собрались широким полукругом по ту сторону костров и присели, склонив головы к земле. От времени до времени один из более пьяных терял равновесие и падал на бок. Вообще же они оставались совершенно тихими и молчаливыми, и эти тишина и молчание начинали действовать Альберту Спенсеру на нервы.

— Он всегда так сидит во время еды? — спросил он Маклочти.

Но их неприятно действовавшее на Спенсера почтение осталось без объяснений. Маклочти с аппетитом ел дичь и мучные лепешки с диким медом, продолжал есть с аппетитом и отмалчивался. Этот отвратительный, древний Лухэнго прислуживал им и Альберт сделал новую попытку начать беседу. Он заметил, что не может себе представить, как это Маклочти выносит, чтобы ему прислуживала эта ужасная старая обезьяна. Но Маклочти остался глух к этому замечанию, как и ко всему остальному. Батонка продолжали сидеть на корточках, уткнувши лица в землю и не было слышно никаких звуков, кроме хруста костей дичи на зубах Маклочти, треска костров и сопения Лухэнго. Мрак становился все гуще и гуще; языки пламени поднимались все выше и выше, Альберт находил, что молчание становится все тягостнее и тягостнее.

Потом глаза его вдруг остановились на кривом металлическом пруте, висевшем на шее Маклочти. Он смотрел на него во все глаза.

— Да ведь, это граммофонная ручка, — сказал он. — Зачем вы ее носите?

Маклочти понял, что сделал ошибку. Ручка могла сказать Альберту слишком много и следовало припрятать ее. Но все же он холодно посмотрел на Альберта и продолжал хранить наводящее уныние молчание.

— По-моему вы тут забавно наряжаетесь, — сказал Альберт, оскорбительно объединяя Маклочти с туземцами. — Что это за черные кусочки, висящие на ушах этой старой обезьяны?

Он указал на украшение Лухэнго.

— Эти? — спросил Маклочти. — Да просто уши... чужие уши.

— Чужие уши? — недоверчиво переспросил Альберт. — Что вы хотите сказать?

Маклочти с полным ртом, дьявольски улыбаясь Альберту, продолжал в тоже время жевать. Альберт весь похолодевший, смотрел на него во все глаза.

— Уши? — сказал он. — Вы шутите!

Но тут он заметил, что на него устремлены глаза старого Лухэнго. Не было сомнений, Лухэнго с жадностью смотрел на его уши. Альберт побледнел.

Вдруг старик наклонился к Маклочти, сказал ему что-то, повидимому попросил у него чего-то, точно отвратительный

морщинистый ребенок выпрашивающий у старшего. Сначала Маклочти покачал головой, потом пожал плечами и кивнул.

— Что он говорит? — закричал Альберт высоким испуганным голосом.

В следующее мгновение его сзади схватили чьи-то руки, стащили с места и бросили на колени перед кострами. Он отчаянно и напрасно боролся с семью полупьяными туземцами. Сидевшие вокруг туземцы вдруг поднялись и принялись пронзительно кричать. Лухэнго стал приближаться к нему. Он держал в руках нож с тусклым лезвием, казавшийся совершенно тупым.

Альберт Спенсер понял, что сейчас он и его уши навсегда расстанутся друг с другом.

— Маклочти! — закричал он. — Маклочти.

Маклочти как будто подумал, потом поднял руку и произнес на языке Батонка:

— Остановитесь!

Батонка остановились. Они с разочарованными лицами отошли от Альберта, как дети, бросившие игру, чтобы идти спать. Старый предводитель с грустью позволил Альберту встать на ноги.

— Теперь уходи! — сказал Маклочти.

И Альберт ушел.

Он был перепуган и разозлен. Он бежал в ночи, пользуясь компасом, по кратчайшей, но далеко не наиболее легкой дороге, в Умуфу. Единственная проходимая тропка среди лесных зарослей казалась ему годной, вернее, для черепахи, чем для человека, и он отдал бы все, что угодно, за добрую милю ровного поля, по которому можно было бы бежать.

Весь следующий день он продолжал отступление и когда наступила ночь, а никаких признаков преследования не было, Альберт стал успокаиваться. Он разложил костер и сел у огня с ружьем на коленях. Спать он не мог.

Но усталость начала уже побеждать взбудораженные нервы, когда в кустарниках послышался шорох и прямо на Альберта выскочила черная фигура. Альберт закричал и едва не застрелил ее. Оказалось, что это юноша из деревни Лухэнго. Он упал к ногам Альберта и стал просить огненной воды.

— А! — сказал Альберт, с облегчением отталкивая его. — Снова хочешь напиться? Отрежь уши этой шотландской свинье, и я дам тебе столько виски, сколько хочешь.

Юноша Батонка стал что-то болтать про то, что белолицый человек Кюкти господин магических ящikov, которые говорят... единственный господин Большого Дьявола Фони.

— Магические ящики? — сказал Альберт. — Расскажи толком и я дам тебе виски.

— Только Кюкти заставляет ящики петь. Только Кюкти мешает Большому Дьяволу Фони поедать их детей. Белому господину надо покоряться, не то ящики замолчат. Дай мне огненного напитка, язык мой горит от жажды по нем.

— Большой Дьявол Фони... Фони... — повторил Альберт.

Он вдруг вспомнил странное украшение на шее Маклочки.

— Граммофонная ручка! Говорящие ящики! — воскликнул он. — Вот, в чем дело!

Вскоре после бегства маленького торговца благами цивилизации, предводитель Лухэнго пришел к Маклочки с очень мрачным лицом.

Надо сказать, что Лухэнго имел росту пять футов и три дюйма, был черен, волосат и значительно менее привлекателен, чем обезьяна.

— О, господин, — печально сказал он Маклочки, Большой Проклятый Дьявол опять за что-то обиделся. Когда я принес свой чудесный ящик обратно в деревню своего народа после полнолуния, он не хотел говорить. Нет сомнения, что Фони рассердился на нас за

то, что мы выпустили отсюда этого мелкого дерзкого человека, оставив на его голове несчастные маленькие уши.

— Ты сам мелкоухий дерзкий человек, — сказал Маклочки. — Приходи ко мне с таким рассказом! Ты сам сделал что нибудь, что рассердил Фони. Принеси мне ящик и я попытаюсь умиротворить его и заставить его снова говорить. Я боюсь даже думать о том, что он наделает твоему народу, если перестанет говорить.

Лухэнго послал за своим чудесным ящиком, который принесли к Маклочки с обыч-

ными криками и гамом. Маклочки взял его к себе в хижину и напрасно заводил его. Время разрушило его внутренности и он не мог больше действовать.

Маклочки не был механиком и ничего не смыслил в починке граммофонов. Лухэнго нельзя было долго успокаивать рассказами про гнев Фони. Он потерял бы терпение с Большим Проклятым Дьяволом и начались бы неприятности. Единствен-

ным разрешением задачи была покупка нового граммофона. Для этого нужно было отправиться в Умуфу и тайно привести оттуда граммофон.

Маклочки объявил племени, что Фони заставил замолчать ящик Лухэнго, как в знак того, что он, Маклочки, должен отправиться в паломничеств в страну белозидых, что он и делает теперь же ради них.

Простодушные Батонка приняли это объяснение, и он ушел в Умуфу, совершенно спокойный за безопасность государства Батонка. Но он был бы менее уверен за эту безопасность, если бы знал, что не успел он прибыть в Умуфу, как коварный человек Альберт Спенсер тайно от-

правился в страну Батонка, забрав с собой большой, таинственный деревянный ящик.

В то время спрос на граммофоны в Умуфу был гораздо значительнее снабжения и только по случайности Маклочки встретил человека, знавшего англичанина, ферма которого находилась в пятидесяти милях к югу от Умуфу, и который только что выписал себе с родины новый граммофон, все еще владеа старым.

Маклочки немедленно отправился на эту ферму, но ему понадобилось несколько дней,

Юноша упал к ногам Альберта и стал просить огненной воды.

чтобы добраться туда. На ферме ему так понравилось, что он остался там еще несколько дней, прежде чем купил за семь фунтов ставший ненужным граммофон, и пустился в обратный путь.

Поэтому оказалось, что он отсутствовал почти три недели, когда он снова вошел в мрачный и безмолвный бамбуковый лес Батонка и снова услышал тоскливое посвистывание птицы касуку. Миновало полнолуние, а три граммофона остальных предводителей Батонка остались незаведенными. Маклочти не сомневался, что Батонка будет терпелив и верен ему до его возвращения. Лухэнго был так завистлив по натуре, что лучше, что и остальные граммофоны онемели, пока его чудесный ящик молчал.

Уже первая встреча с охотниками Батонка показала Маклочти, что не все обстоит благополучно. Они все повернулись спиной при виде его и поспешили уйти в противоположном направлении.

— Стойте! — кричал Маклочти, пораженный таким странным поведением. А Батонка все бросился бежать от него.

Он был удивлен, но и тут еще не почувствовал серьезного смущения. Он задумчиво продолжал путь уже без обычной свиты покорных почитателей и дошел до своей хижины.

Тут он увидел большое скопище туземцев, сидевших на корточках на склоне горы. Маклочти было подумал, что они услышали про его возвращение и пришли его приветствовать. В толпе произошло легкое движение, но глухой шум замолк так же быстро, как родился, и сменился глухим молчанием.

Маклочти не догадывался, почему они не выказывают никаких признаков почтения, когда вдруг из хижины на горе полились звуки музыки.

Маклочти был поражен, как громом. Он подумал, что кто-то раскрыл тайну его чудесных ящиков и завел их. Он поднялся в гору среди молчания туземцев. Он прошел мимо старого предводителя Лухэнго, который мрачно, но с интересом посмотрел на его уши.

Никто не пытался его задержать, и он без помехи подошел к открытой двери хижины. Металлический голос вибрирующе горланит из хижины:

— Говорит Иоганнисбург. Мистрис Парсифаль Ранкин кратко сообщит домохозяйкам на тропиках, как сохранять фрукты. Мистрис Парсифаль Ранкин говорит с пердаточной станции Иоганнисбурга.

Маклочти заглянул с порога в хижину. На земле стоял четырехугольный деревянный ящик, из которого исходил зычный голос, а рядом с ящиком на туземной дыновке лежал Альберт Спенсер. Далеко, далеко в Иоганнисбурге мистрис Парсифаль Ранкин откашливалась, занимая место перед микрофоном.

Альберт Спенсер без всякого удивления взглянул на Маклочти и, небрежно указывая рукой на ящик, сказал:

— Радио.

И точно в подтверждение его слов, далекая мистрис Ранкин, со вздохом похожим на ураган в сосновом лесу, затрубила рецепт варенья из ананаса.

Маклочти стоял в дверях, лишенный дара речи, Альберт же вскочил на ноги.

— Радио! — повторил он со злобным торжеством. — Переносный радио-аппарат. Действует постоянно и никогда не останавливается. Вы думали, что вы с вашими старыми граммофонами стали королем Батонка?.. Граммофоны! Теперь времена радио и я тот, кто привез его к Батонка.

— Что вы, к черту, сделали? — хрипло спросил Маклочти.

— Сделал? Прикончил ваши дела, вот что! Вы считали, что эти негры у вас в кармане, потому что заводили им раз в месяц граммофоны. Но дьявол, который может говорить целый день, больший дьявол, чем тот, которого надо заводить каждый раз, чтобы он говорил. Они только слышали, как радио работало без устали и они готовы были убить вас за то, что вы держали их так долго в страхе перед вашим старым шипящим Фоном. Они слушают уже целых три дня и не желают уходить. Я теперь король здесь, понимаете?!

Маклочти был нем. Он стоял пораженный, устремив глаза на радио-аппарат. Альберт поскочил к двери в противоположной стене хижины, откинул прикрывавшую ее шкуру и обнаружил северный склон горы и море туземцев, покрывавших ее. Он сделал рукой движение, заключающее леса, горизонт, небо и множество сидящих на корточках Батонка.

— Я король их всех! — воскликнул он. — Взгляните на них! Сотни и сотни! Вы были могущественны здесь, но я могущественнее вас.

Он замолк, чтобы перевести дыхание, потом сказал уже спокойнее:

— А теперь пойдемте и взгляните! Он вывел Маклочти из хижины и, показывая ему пепел погасшего костра, вынул ногой из кучи несколько кусков почерневшего металла.

— Вот ваши граммофоны, — сказал он. — Они их сожгли. Сожгли их, чтобы помочь моему дьяволу победить вашего.

— Они сделали это, да? — глухо произнес Маклочти.

— О, вы не знали, против кого вы шли, когда вы проделали со мной эту скверную штуку из-за виски. Подумать только, что вы хотели забрать в руки этих негров с помощью четырех гнилых граммофонов. Дурак вы этаким! Я думаю, что вы так долго жили в джунглях, обезьяна вы, что никогда и не слышали про радио. Вы прогнали меня отсюда, а теперь можете сами

убираться. И вам лучше поторопиться, если хотите сберечь свою шкуру, потому что не ручаюсь, что еще долго смогу сдерживать негров. Отправляйтесь-ка... да живей! В Батонка не любят чудесных ящиков, которые перестают действовать.

Маклочти смотрел на Альберта с загадочным презрением. Повернулся было, чтобы идти, потом остановился.

— Я уйду, — сказал он, — и живо. Но через несколько дней и вы живо уйдете отсюда.

— Сомневаюсь! — засмеялся Альберт. Я еще побуду императором Батонка!

— Такие люди, как вы, ужасно умны, — сказал Маклочти. — Но я знаю кое-что про радио. Я провел всю прошлую неделю с англичанином, у брата которого есть радио. Мне сказали, что в радио-аппарате имеются электрические батареи для того, чтобы пускать его в ход. Может быть, я ошибаюсь, но у меня такое впечатление, что через день или через неделю или около этого батареи вашего орущего ящика выйдут. И я не могу себе представить, где вы сможете их зарядить — в Батонка или в Умуфу?

— А? — сказал Альберт Спенсер, и смущенно нахмурился. Он принес радио-аппарат из далекой Киссенджи с уже заряженными батареями. Вся его энергия была направлена к немедленному свержению Маклочти, и он оставил вопросы будущего для обсуждения в будущем.

— Как вы говорите, — заметил Маклочти, — Батонка не любят чудесные ящики, которые перестают действовать. Цооцайте.

И он стал спускаться с горы.

— Послушайте! — закричал Альберт.

Но Маклочти уходил из своего потерян-ного царства не оглядываясь. Ряды хмурых туземцев разомкнулись, чтобы пропустить его и снова сомкнулись.

Альберт Спенсер тупо смотрел на окружавшее его черное море — сотни и сотни сидящих на корточках Батонка с их тысячами и тысячами ушей...

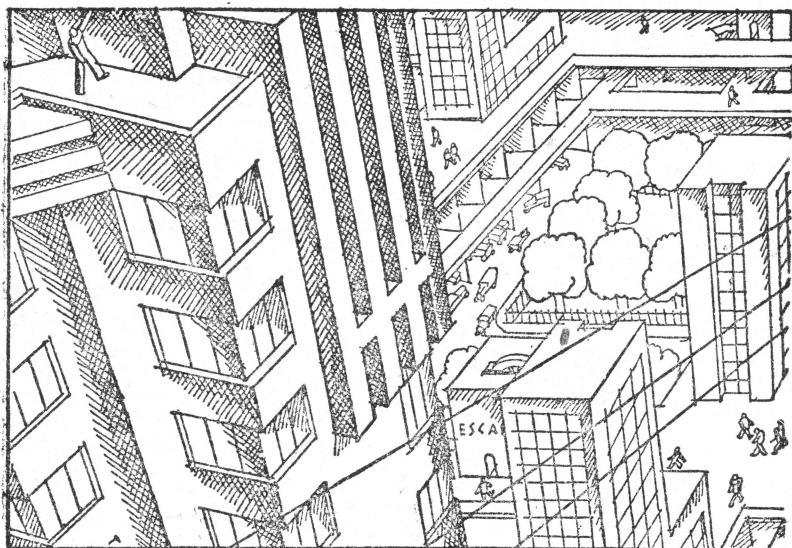
— Отрежьте очень аккуратно, — трубил голос далекой мистрис Рэнкин, давая через громкоговоритель за спиной Альберта советы домохозяйкам на тропиках — и повесьте для сушки...

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК № 2—3

НЕ БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ РАССКАЗЫ:

„По капканам“. — „На принайке“. — „Дорогая услуга“. — „Урок танцев“. — „Преступление Вазетова“. — „Перец“. — „Солдат на каторге“. — „Плавающая белка“. — „Осеннее утро...“. — „Кольцо“. — „Самоцветы Сатурна“. — „Крутой поворот“. — „Неприятельский автомобиль“. — „ $2 + 1 > 4$ “. — „Под чужим именем“. — „В затоне“. — „Черном“. — „Масал старого Али“. — „Хунхузы“. — „Победитель времени“. — „Невиновный убийца“. — „Чудеса Дракона“. — „У Дальневосточной границы“. — „Как я убил медведя“. — „Другой мир“. — „Донщина“. — „Голод“. — „Охотник“. — „Семка Кривой“. — „Рубашка товарища Калинин“. — „Приключение на практике“. — „Начало“. — „Истинный Робинзон“. — „Вновь прибывший“. — „Месть главнокомандующего“. — „Звено“. — „Контакт“. — „Украинское сало“. — „Шанс на тысячу“. — „Месть Матю“. — „Пустынник в Фюрло“. — „Танюша“. — „Подземный рейс“. — „Праздник“. — „Чудеса в решетке“. — „Пуганая ворона“. — „Ее шутки“. — „И вот что случилось“. — „Я вас научу, гражданочки, пришивать пуговицы к панталонам“. — „Веревка на шею“. — „Пи пополам“. — „Куда со свиным рылом“. — „Трамблянтрот“. — „Кошачье бешенство“. — „Помни души“. — „Масло дают“. — „Певатым местам“. — „Дуся“. — „За милых женщин“. — „Роковая ошибка“. — „Охота на тигров в джунглях Индии“. — „Волченровка“. — „Хищники мирового эфира“. — „Междушланетная ракета“. — „Тайна“. — „Мы тоже люди“. — „Амулет Бенура“. — „Похищена орангутангами“. — „В тишине“. — „Приключение в Оссиуте“. — „Необычайное происшествие“. — „Пари“. — „В гостях у валомщиков“. — „Выдержки из дневника некоммусольца“. — „Кафир“. — „Поразительные открытия доктора Менторозо“. — „Взрыв“. — „Подводная свадьба“. — „Я фантазер“. — „Приключение инженера Верина“. — „Ночь безысходная“. — „Ошибки“. — „За столом“. — „Старая гвардия мистера Бонорайта“. — „В метель“. — „Король жуликов“. — „Три брата“. — „Гибель Анны“. — „Диотролм“. — „Однажды осенью“. — „Страшная находка“. — „Зависть“. — „Гарь“. — „Так и не моющийся“. — „Случай с Верочкой“. — „Эффект теткой“. — „Ночь отдыха“. — „Страх“. — „Поминальный обед“. — „Сваха“. — „1919“. — „Ультра-энергия“. — „Вачивоквы“. — „Гордость человека“. — „Лучи смерти“. — „Убийца“. — „Палки в колеса“. — „В стране диких гор“. — „Последние из муножителей“. — „Покука“.

Города будущего

Очерк архитектора Г. Р.

Характерная черта современной культуры — ее сложность. Мы живем в век поразжающих достижений в области научной и технической. Число изобретений растет и с удивительной быстротой входит в повседневный обиход. Радио, телевидение, авиоплан, — все это с головокружительной быстротой наступает на нас, не давая нам даже времени привыкнуть к граммофонам, механическим пианолам и автомобилям.

Для одних эти изобретения представляют удобства, для других удовольствие и развлечение, для очень немногих они — помеха. Но совершенно бесполезно закрывать глаза на то, что новые изобретения в нашей жизни неизбежны. И мы должны признать факт, что каждое новое изобретение усложняет нашу жизнь, хотя по существу упрощает наш труд и делает более привлекательным наш отдых.

Еще совсем недавно появление велосипеда наводило ужас на пешехода и сузило новую эру в области передвижения. Велосипеды мчались по всем дорогам, и в Европе и в Америке для безопасности стали отделять для них часть улиц и дорог. Архитекторы, составлявшие планы для французских городов, поняли тогда, что новые условия передвижения требовали и новых прокладок путей.

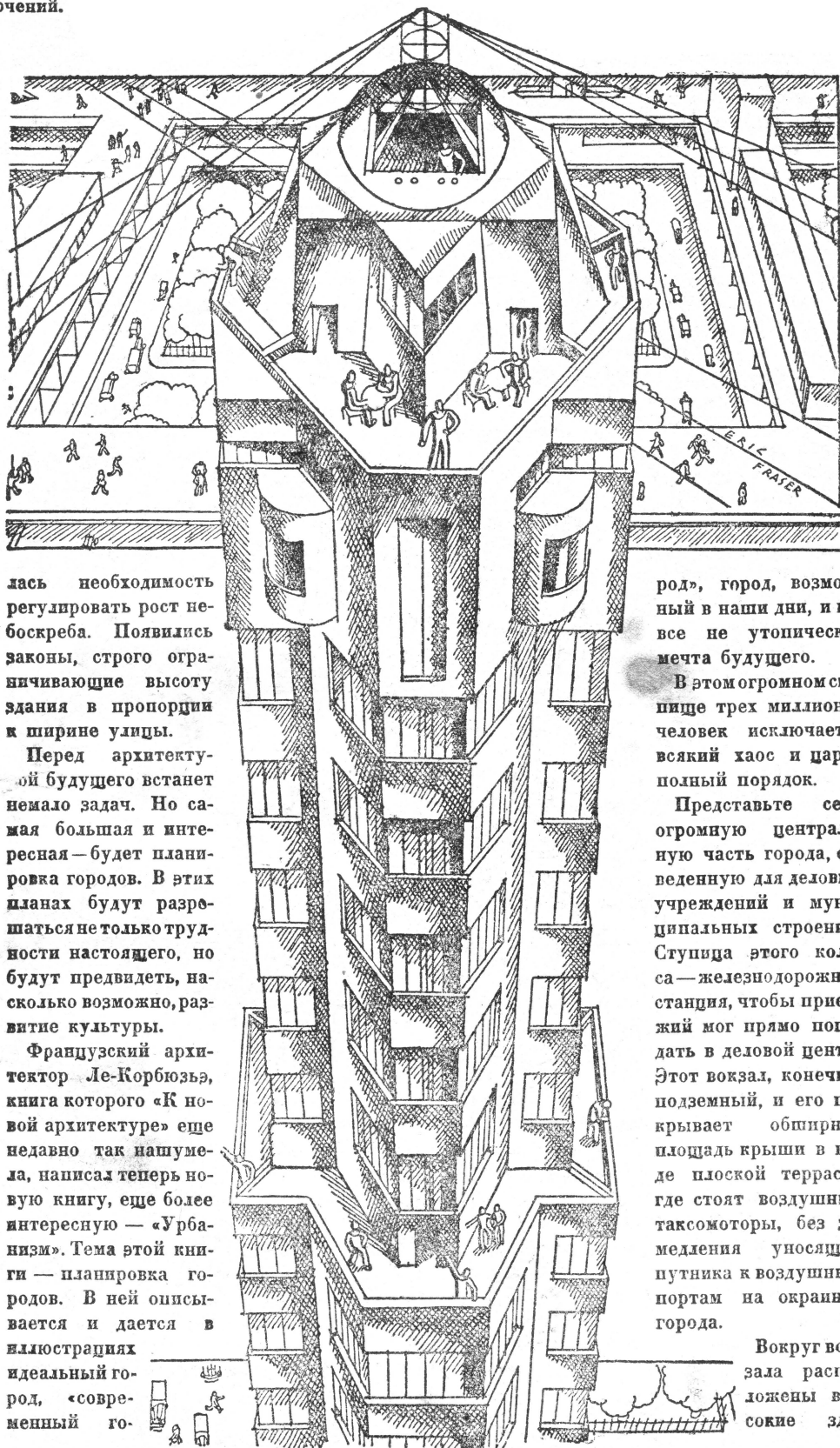
Но на смену велосипеду появляется автомобиль и сейчас же встает более серьезный вопрос о путях передвижения.

Вопрос транспорта имеет, как будто, отношение только к практической стороне архитектуры. Но на деле он оказывает прямое влияние на внешний вид здания. Иллюстрацией к этому может служить почти каждый американский город, начиная с Нью-Йорка. В больших городах всегда есть деловые центры. Но ни один центр не должен быть слишком обширен, иначе затруднителен будет транспорт к нему работников. А так как централизация желательна, а экономия места необходима, то каждый квадратный фут пространства должен быть приспособлен для возможно большего количества жителей. И так рождается небоскреб.

Часто говорят, что небоскребы появились оттого, что Нью-Йорк стоит на острове и площадь его ограничена. Но это неверно. Первые небоскребы появились в Бостоне и Чикаго.

В отношении архитектуры первые небоскребы имели непривлекательный вид. Высокое здание родилось, но еще не достигло архитектурного совершенства.

Прошло немного времени и стало ясно, что появление небоскреба внесло в жизнь много осложнений. Из улиц были изгнаны солнце и свет. В нижних этажах можно было жить только с искусственным светом, и огромное количество людей, приходивших в эти муравейники и уходивших из них, совершенно забывало улицы. И так роди-

лась необходимость регулировать рост небоскреба. Появились законы, строго ограничивающие высоту здания в пропорции к ширине улицы.

Перед архитектурой будущего встанет немало задач. Но самая большая и интересная — будет планировка городов. В этих планах будут разрешаться не только трудности настоящего, но будут предвидеть, насколько возможно, развитие культуры.

Французский архитектор Ле-Корбюзье, книга которого «К новой архитектуре» еще недавно так шумела, написал теперь новую книгу, еще более интересную — «Урбанизм». Тема этой книги — планировка городов. В ней описывается и дается в иллюстрациях идеальный город, «современный го-

род», город, возможный в наши дни, и во все не утопическая мечта будущего.

В этом огромном скопище трех миллионов человек исключается всякий хаос и царит полный порядок.

Представьте себе огромную центральную часть города, отведенную для деловых учреждений и муниципальных строений. Ступица этого колеса — железнодорожная станция, чтобы приезжий мог прямо попадать в деловой центр. Этот вокзал, конечно, подземный, и его покрывает обширная площадь крыши в виде плоской террасы, где стоят воздушные таксомоторы, без замедления уносящие путника к воздушным портам на окраинах города.

Вокруг вокзала расположены высокие зда-

ния, отделенные одно от другого широкими открытыми пространствами. Эти дома построены так, что в первых этажах их нет помещений и этажи эти состоят только из колонн, поддерживающих самое здание. Поэтому под домами можно проходить, ставить автомобили.

Необходимость этих небоскребов Ле-Корбюзье объясняет тем, что на ограниченной площади образуется нервный центр города, сокращаются расстояния, сберегается время и энергия.

Вокруг этого центрального города башен группируются жилые части города, радиусами расходящиеся от ступиды колеса, секторы улиц и домов, разделенные между собой парками. В этой части города дома сравнительно низкие и стоят живыми зелеными оградами. Индивидуальных домов здесь нет. Это все стандартные постройки, с глубокими лоджиями, или попросту — открытыми солнечными комнатами. Поэтому у каждого жителя есть своя терраса, сад, если не на земле, то по крайней мере — на воздухе. И он смотрит вниз на город, где много открытых пространств и где геометрические линии улиц смягчены садами.

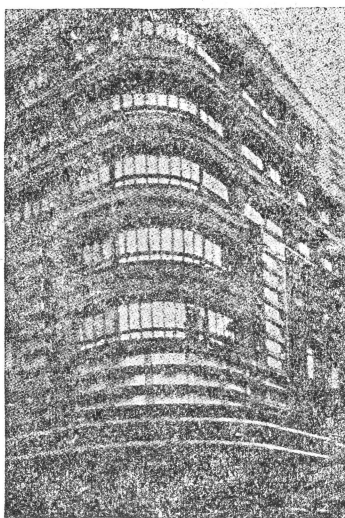
В таком идеальном городе удачно разрешается вопрос уличного движения. Существует три рода путей для передвижений: для грузового, для легкового на коротком расстоянии и для быстрого передвижения. В связи с этим устраивается три типа дорог, одна над другой. Внизу — транспортное передвижение, выгружающее свои тяжести под домами, в свободных пространствах между колоннами. На уровне улиц — обычное легковое передвижение второй категории. А надо всем, на больших мостах, перекинутых через улицы, как виадуки древности, только поддерживаемые стройными столбами, — широкие авеню, соединяющие город с востока на запад и с севера на юг. Это — дороги для быстрого передвижения, гораздо более быстрого, чем обычное, и тут можно проехать через весь город, не замедляя хода.

Очень возможно, что нечто похожее и увидят жители будущих городов. Но из чего будут построены дома, по каким планам и какими удобствами снабжены? На это ответить трудно. Быть может, будут изобретены новые строительные материалы, быть может, произойдет полнейшая реакция в области архитектуры и люди будут стремиться вернуться ближе к природе.

Но вернее, что архитектура будет идти по линии, взятой сегодняшним днем, и прогресс пойдет с большой быстротой, но с периодами различного напряжения.

Мы гордимся теперь нашим искусством строить высокие дома. Но не забудем, в нашей гордости, что еще 800 лет назад существовали целые города из башен. Очертания тосканского города Сан-Джиминиано поразительно похожи на очертания Нью-Йорка, потому что они также точно прорезаны высокими силуэтами, которые, конечно не могут соперничать по высоте с американскими, зато превосходят их по красоте. Эти башни говорят о тщеславии тосканских князей — куццов и поднимаются они высоко над узкими улицами, затемняя их.

Мы немного ушли вперед и в области новых строительных материалов и даже в области новых архитектурных форм. Как и в древности, мы пользуемся кирпичем,

Мы уже близко подходим к проблемам будущего строительства. Вот дом, сооруженный по плану Э. Мендельсона. Сколько света! Сколько воздуха!

каменем и цементом. Зато сталь применяется так, как только возможно в наш век технических достижений.

Стальной остов зданий отметил большой шаг в строительном искусстве. Но заполняем мы этот остов кирпичем или камнем. Очень возможно, что в будущем найдут новый строительный материал, более непромокаемый, менее пропускающий жар и холод, более экономный, выделанный в плитках стандартной длины. Стены будут, вероятно, двойные и внутри их будет заключаться нагретый воздух для отопления, охлаждающие трубки для жаркой погоды, и все приспособления, необходимые для большой современной постройки.

Окна будут увеличены, чтобы пропускать через стекла в помещения возможно больше ультра-фиолетовых лучей. Окна будут редко открываться, так как здания будут прекрасно вентилироваться механически. И вместо узеньких современных отверстий, в наших помещениях будут целые стеклянные стены, через которые мы будем любоваться зелеными городами.

Сады в воздухе тоже, вероятно, будут одной из особенностей зданий будущего. Всем нам хочется солнечного света, и когда не будет больше дымовых труб, выбрасывающих копоть, терраса на крыше будет местом отдыха рабочего. Уже и теперь в Лондоне существует терраса — сад на крыше Аделаид-Хауз, огромного здания, возвышающегося возле Лондон-Бридж.

Внешний вид домов будет очень простой в противоположность эксцентричности, часто проявляющейся в современной архитектуре. Новый строительный материал будет иметь особую светлую окраску, и так как воздух наш будет очищен от дыма, начнется несомненная склонность к более ярким и веселым тонам.

В прошлом году на выставке идеальных жилых домов в Олимпии, в Америке, был показан замечательный дом будущего по планам выдающегося молодого архитектора Дункана. Все в этом доме производилось механической силой по идее, что в будущем электричество будет служить всему.

При нажатии кнопки или поворачивании рычага можно было готовить кушанье или мыть посуду, хотя мыть посуду и не пришлось бы, потому что она из такого мате-

риала, что ее либо выбрасывают после еды, либо растворяют. В этих домах, конечно, прекрасно регулируется температура, и постель также согревается электричеством. Искусственный свет устроен так, что производит впечатление дневного

В этот дом прилетают на аэроплане, причем луч его фонаря автоматически открывает дверь гаража. Металлическая мебель комнат была довольно привлекательна с виду и удобна, и футуризм тут был удачно перемешан с древними образцами. Навверху были маленькие спальни с движущимися стенами, так что две или три комнаты могли быть соединены в одну.

Раскритиковать этот дом можно было только за то, что слишком бросались в глаза все его механические приспособления. Вся внутренность его как бы управлялась механизмом, а кухня была настоящей лабораторией.

Несомненно, что в будущем привыются дома на «ходулях», т. е. оставляющие свободной большую часть площади под домом. Архитектура будущего может иметь и достоинства, и недостатки наших строений только в усиленном виде. Быть может, она станет и прекраснее, и спокойнее нашей.

Если человечество сделает большой шаг вперед в культуре, архитектура не отстает. Управлять ею никогда не будет одна наука, потому что архитектура — искусство, а искусство есть человеческое проявление. Основы великой архитектуры будущего кроются поэтому в более тонкой философии жизни, более широких взглядах и более просвещенной культуре.

Приключения одной мертвой головы

Обывательская история

Рассказ В. И. ДМИТРИЕВОЙ

Иллюстрации Н. М. КОЧЕРГИНА

В один душный майский вечер в мертвецкую 1-й больницы города Черноземска привезли из милиции два трупа: умершего под забором старика-нищего и убитого в перестрелке молодого парня-налетчика.

В тот же вечер от прозектора анатомического института при Черноземском университете поступило заявление о доставке трупов для практических занятий студентов медфака. Оба трупа были немедленно положены на носилки, доставлены в институт и сланы под росписку сторожу Васькину. Васькин уложил их рядышком на стол в анатомичке, закурил чертову ножку и по привычке, свойственной всем могильщикам и сторожам анатомических театров, немножко пофилософствовал:

— Ишь ты! Ложат!.. А тоже, небось, при живности, поди во-как кучевряжились. И водочкой, чай, не брезговали и насчет баб — всего было... Ну, старику то хушь давно пора, пожил-полукавил, небось, и сам рад, бедняга, что до места дорвался, а молодцу то кажись бы, равенько, погулять бы еще да погулять. Ан вот нет, пришла матушка-курносушка, обоих уравнила. Эх, жисть ты, наша жисть преходящая!..

Пофилософствовал и ушел к уборщице чай пить. А в другую дверь вошел студент-первокурсник, Мухоловкин

Вошел, увидел трупы и радостно взвонялся. Давно уже его обурежала мечта приобрести череп. Но как? Купить? — Не на что: как у всякого порядочного пролетарского студента, денег у Мухоловкина никогда не было. Получал он стипендию, жил в общежитии, в свободное от занятий время занимался разгружать дрова на станции. Откуда же деньги? Ежели бы украсть череп — тоже негде: у товарищей только

собственные черепа на плечах, а в институте все на запоре, ключи у прозектора, и Васькин-анафема постоянно в препаровочной торчит. — И вдруг, можно сказать, такой счастливый случай... Два трупа. В анатомичке ни души. Взять и отрезать голову. А как ее потом превратить в хороший череп, это он уже после обдумает.

Мухоловкин оглядел трупы. Старик ему не понравился. Во-первых, зубов нет, а что же это за череп без зубов? Кроме того он как то нехорошо улыбался, точно подмигивал, — дескать, погоди, придет твое времечко, сам такой же будешь. Зато молодой привел студента в восторг. Зубы — великопные. Физиономия — решительная, мужественная. Положим, физиономия для черепа не нужна, но... все таки. Чудесный экземпляр, лучшего для препарата и не придумаешь.

Мухоловкин принялся за дело. Запер кругом все двери, зажег электричество, добыл из кармана перочинный нож и при-

нялся пилить толстую, упругую кожу. П-шлок!.. хлопнуло что-то сзади. Точно бутылку раскупорили. Мухоловкин сразу весь облился потом и замер. Звук не повторился. Осторожно, кося глазами направо и налево, студент обследовал препаровочную. — Никого. Да и кому теперь быть? Поздно, о трупах еще никто не знает, прозектор, Иван Федорович, наверное, дуется в шахматы в клубе Медсантруд, а Васькин либо дрыхнет, либо в пивнушку закатился. Так, фальшивая тревога. Что нибудь с электричеством, а может быть, крыса шлепнулась в ведро с трупными обрезками. Успокоившись, Мухоловкин снова принялся пилить. Было трудно, очень трудно. Если бы скальпель, а то перочинный нож, страшно тупой, да еще со щербинкой. Но ничего, грызи, грызи гранит науки! И Мухоловкин грыз, пилил, рвал с остервенением кожу, клетчатку, мускулы, хрящи. Вот уже добрался до позвонков. Крак!.. Готово. Голова отделилась от туловища. Теперь куда ее? Это не предусмотрено. Мухоловкин вытер рукавом пот, растерянно огляделся. — Старик все так же ехидно и двусмысленно подмигивал, отрезанная голова тоже как то странно смотрела на студента стеклянными глазами и скалила свои великоленные зубы. Ему стало немножко неловко: — «Ну, ты еще там!», укоризненно сказал он голове и после минутного размышления хлопнул себя по лбу. — «Вот дурак то, не сообразил». — Мигом стянул с себя куртку, потом рубашку — все равно, грязная, — завернул в нее голову поаккуратнее, — как будто из бани идет. Чудесно вышло. На прощанье подмигнул старичку — досвиданья на том свете! — потушил электричество, отпер дверь и исчез.

Любочка Помадкина, ученица художественной студии при ОНО, жила с мамашей на окраине Черноземска в крошечном трехкомнатном домике, за ветхостью своей ускользнувшем от муниципализации и национализации. Она только что вернулась с вечерней прогулки, сидела в своей комнате у окна и мечтала. В сумеречные весенние часы сирень пахнет особенно сладко, навевает чудесные сны на яву; будничная, серая жизнь кажется такой отвратительной, хочется чего то нового, небывалого, а Любочка была девица фантастическая, любила все необыкновенное — страшные романы с убийствами и привидениями, одинокие прогулки — не дальше своего пустынного переулка, сиденье впотьмах зимой, у теплой печки, когда в углу чиркает сверчок, а в трубе завывает вьюга.

Самым любимым ее занятием в свободные от посещения студии часы было — забираться с ногами на кровать и, посасывая дешевые леденцы, читать что-нибудь вроде Эдгара По, Эверса или «Розенкрейцеров» Всеволода Соловьева. Леденцы приятно таяли во рту; сладостная жуть колющими мурашками ползала по телу, все будничное, простое, обычное уходило куда то далеко-далеко. — И сама она рисовала всякую небывальщину — мрачные болота, поросшие чудовищными растениями с змеинными головами вместо цветов, висельников, утопленников, людей со звериными, оскаленными мордами. — Но ведь все это существовало только в Любочкином воображении, а настоящая жизнь была так скучна-скучна... Вчера как сегодня, сегодня как вчера, — вот сейчас войдет мамаша, позовет ужинать, после ужина — спать, а завтра — опять то же самое сначала... Ах, если бы вдруг отворилась дверь и вошло что-нибудь такое, такое...

Шарканье чьих то ног за окном спугнуло Любочкины мечты, она выглянула на улицу. Там стоял Мухоловкин. Вид у него был озабоченный, под мышкой — сверток.

— Мамаша дома? — спросил он пониженным голосом.

— Дома. Корову доит на дворе.

— На дворе? Ну, так я войду.

И Мухоловкин со своим свертком протиснулся в Любочкину комнату, всю увешанную рисунками.

— Вот в чем дело, — начал он, косясь на страшную синюю рожу, которая таранила на него глаза со стены. — Необходимо спрятать одну вещь.

— А что такое? Что нибудь интересное?

— М-м... пожалуй, да. Человеческую голову.

Любочка так вся и встрепенулась. Вот оно, наконец, необыкновенное приключение...

— Человеческая голова... — повторила она замирающим шепотом. — Где вы ее взяли?

— Это пока секрет. И я думаю, что всего удобнее спрятать ее до завтра у вас. Повнимаете, у нас в общежитии это дело невозможное. Братва голодная, сейчас пронохает, начнет шарить, подумают еще, что съестное и обязательно сопроут. Вот я и приволок ее к вам на хранение.

— А посмотреть можно?

— Можно то можно, только как бы мамаша не увидала.

— Ну, вот еще, с какой стати? Вы знаете, у нас с мамашей ничего общего нет. Она — человек отсталый, я ее в свои дела не посвящаю...

Мухоловкин осторожно вывернул голову из рубашки и водрузил ее на ночной столик, а рубашку стыдливо скомкал и сунул за пазуху. Любочка взглянула и восторженно ахнула.

— Как интересно! Настоящая человеческая... Ну, Мухоловкин, ну, миленький, ну скажите—кто, кто?

Мухоловкин и сам этого не знал, но для пущей важности принял конспиративный вид и сказал многозначительно:

— После, после расскажу, сейчас некогда, бегу. А завтра утречком приду пораньше и возьму. Только смотрите, товарищ Помадкин, мамаша то, мамаша то как бы не пронюхала тоже! Увидит—пропали мы тогда с вами!—И с этими устрашающими словами он поспешно выскочил из комнаты, чуть не сбив с ног входившую из сеней Любочкину мамашу.

— Тыфу, полоумный какой!—с негодованием воскликнула она ему вслед. — Чуть-чуть доемку из рук не вышиб, овца верческая! Любочка, ты где?

Любочка поспешно накинула на мертвую голову полотенце, вышла.

— Я здесь, мамочка. Что вам?

— Чего это тебе Мухоловкин принес?

— Мухоловкин? Ничего...

— Не ври, я ведь видела. Что то круглое, в грязной тряпке. Пришел с узелком, а ушел без узелка, стало быть здесь оставил. Смотри, Любовь, уж не бомба ли?

— Ну уж, мамаша, вы выдумаете? Какая бомба?

— Какая—обыкновенная, какие в дарей да в губернаторов бросают. Уж эти студенты—известные бунтарщики!

— Бог знает, что вы говорите, мамаша, вона какую старину вспомнили! Во-первых, ни дарей, ни губернаторов у нас теперь нет и бомбы бросать не в кого. Не дарский режим, а республика.

— Да, республика! Вот поведут в угрозыск да расстреляют, вот тебе и будет республика! Забыла, что в прошлом году у Сивоклоковых то было? Нашли мануфактуру на чердаке, уж таскали-таскали по подвалам то...

— Мамаша, да ведь это же мануфактура!..

— Все равно, не дай господи! Всю жизнь живешь-трясешься, и при даре тряслись, и теперь трясемся, а тут еще какой-нибудь паршивый студентиска с бомбой.

— Да ну вас, мамаша, никакой бомбы нет, что вы заладили? Пора бы уж бросить эти суеверия, едите лучше молоко поскорее да ужинать давайте, я спать хочу.

Поужинали. Любочка ушла к себе. Заперла дверь, разделась, потушила лампу. Комната наполнилась зыбким лунным светом. Любочка сняла с головы полотенце, мертвое лицо глянуло на нее остеклевшими глазами. Знобавший холодок насквозь пронзал Любочку. Но, побояря страх, она присела на кровать и стала рассматривать

мертвеца.—Молодой, красивый... Кудрявые, белокурые волосы, блестящие зубы, обнаженные в последней предсмертной улыбке... Кто он такой? Отчего умер? Сам ли покончил с собой или был убит? Но кем же? Неужели Мухоловкиным? Не может быть. Мухоловкин такая мямля. В порыве внезапной жалости она тихонько дотронулась до ледяного лба и быстро отдернула руку. В ту же минуту ей почудилось, что синие губы зашевелились, судорога искривила лицо.

— Ай!..—не своим голосом завизжала Любочка.

В дверь ломилась испуганная мамаша.

— Люба, Люба, что с тобой? Да отвори дверь!..

Любочка, стуча зубами, схватила голову, сунула под кровать.

— Что это ты кричишь?

— Ах, не знаю... Мне показалось, кто-то в окно смотрит.

— Глупости! Кто там будет смотреть? Начитается дурацких романов, вот и представляется. Ложись, спи.

Подозрительно огляделась, потянула носом.

— Чем это пахнет у тебя? Дух какой то противный.

— Какой дух? Никакого духу нет. Бочки должно быть по улице проехали.

— Ну, завесь окно хорошенько, перекрести лоб то да и ложись.

Любочка опять заперлась и с беспокойством принялась. Неужели пахнет?... Да, попахивает немножко. Вот еще несчастье! Схватила коврик, накрыла голову, подальше засунула под кровать. Легла.—Нет, не спалось. Раздражал лунный свет, копошились в углах бесформенные тени, под кроватью что то возилось и вздыхало. Взвинченное воображение рисовало страшные картины. Вспоминались рассказы о привидениях, которые приходят с того света и бродят по земле в поисках своих костей. А что если вдруг и этот пришел за своей головой?... Не в силах преодолеть охватившего ее ужаса, Любочка вскочила и прислушалась. Все тихо, только сердце крепко-крепко бьется, и стук его, кажется, отдается эхом во всех углах. — Встала, стараясь не дышать, перетащила голову в угол вместе с ковром. Ну, теперь уже можно будет заснуть. Заткнула уши, укрылась поплотнее простыней, мысли начали путаться. — Мухоловкин с головой под мышкой... Прищуренные стеклянные глаза... Чьи то длинные руки тянутся из угла, ближе, ближе, шарят по постели, прикасаются к телу. Холодные, скользкие... Это он, он... За головой пришел...

— А-й! Ай!..

Вся в холодном поту, помертвевшая Любочка ворвалась в комнату мамашы, вцепилась в нее трясущимися руками.

— Да, что с тобой, Люба? С чего ты?

— Страшно, мамочка... Гадкий сон приснился... Я с тобой лягу.

— Говору, не читай ты этих книжонок паршивых. Начитается и орет ночь-ночен

скую, спокую нету. Тонаешь-тонаешь дельный день, — то с коровой, то в очередях, ночь придет — рад месту, а тут она крик подымает. Ложись, спи.

Пригласил Любочка у широкой маминной спины, — хорошо, спокую! Лампадочка перед образом горит, золотит стены, навеивает дрему. Успокоительно пошвыстывает носом мамаша. И как в воду канула — крепко уснула Любочка.

Проснулась — во все окно солнце. На дворе петухи орут, мычит корова. В отворенное окно вместе с утренним холодком льется сладкий запах сирени. Любочка вспомнила беспокойную ночь, самой стало смешно и стыдно. Вот дура то, испугалась мертвой головы! Это все бабы предрассудки; узнают товарищи — засмеют. Однако она не спешила к себе в комнату и не хотелось думать, что там, в углу под ковриком, стеклянными глазами смотрит мертвец. Хоть бы скорее пришел Мухоловкин! Он не шел. Мамаша уже с базару вернулась, напилась чаю, — его нет, как нет. Девять часов, десять... Одиннадцатый... Пропал Мухоловкин. Дурные мысли пошли в голову. Может быть, он и в самом деле в споре ухлопал кого-нибудь из товарищей, разрезал его на кусочки и прячет теперь по всему городу. Такие случаи бывали, она читала. Может быть, его уже арестовали, он во всем сознался и скоро придут к ней за головой. Это уж не то, что мануфактура, могут и расстрелять... Ужас, ужас! В страшном беспокойстве Любочка беспрестанно бегала к окну смотреть — не идет ли? Ее всю точно иголками кололо — то жар, то озноб — невыносимо...

— Любочка, да что ты мечешься, как угорелая? То туда, то сюда, — в глазах рябит. Живот, что ль, болит?

— Отстаньте, мамаша, какой живот? Человека одного жду, в студию надо идти, а он не идет.

— Так чего же и ждать, если не идет. Возьми да иди.

Хорошо говорить: иди, иди... А голова? Нельзя же ее здесь оставлять? Посмотрела на часы — двенадцать! Упало сердце. Ясно, не придет. Подбросил — и скрылся... А что, если и она тоже подбросит?

Любочка торопливо вошла в свою комнату и болезненно сморщилась. Пахло. Быва сдерживая тошноту, зажмурив глаза, выгнала голову, хорошенько увернула ее в «Черноземскую Коммуну», сверху еще в папиросную бумагу, перевязала розовой ленточкой от Моссельпромовских конфет — вышло очень красиво.

— Ну, мамочка, я ушла!

В это же самое время в препаровочной анатомического института прозектор Иван Федорович распекал сторожа Васькина.

— Да куда же она делась?

— Верьте слову, Иван Федорович, не могу знать. Была, своими глазами видел, что была, а куда делась, убей меня бог, не знаю. Не иначе, как навождение.

— Не навождение, а сорокаградусная. От тебя и сейчас, как из винной бочки несет.

— Сорокаградусная! — горестно воскликнул Васькин. — Откуда сорокаградусная, Иван Федорович? Напраслину говорите. Да у меня и средствив таких нету, чтобы сорокаградусную употребить...

— Ну, так опять спирт из-под мозгов выпил?

— Из-под мозгов? Каких-таких из-под мозгов?

— Ну, не вайай дурака. Вот они, банки то с препаратами стоят, в первый раз что ль видишь?

— Господи, Иван Федорович! Да я в жисть на себя такого примеру не возьму, чтоб человек мозги пить!.. Да ведь это уже ежели какие-нибудь самые отчаянные народы...

Прозектор сердито отмахнулся и снова принялся исследовать безглавый труп. — Сделано *lege artis*⁴, хотя и тупым орудием; очевидно, работал человек, знакомый с анатомией.

— Слушай-ка ты, гражданин почтенный, может быть из студентов кто-нибудь приходил?

— Никто не приходил, Иван Федорыч, кому приходить? Я же здесь безотлучно нахожусь и двери тоже были заперемши. А что касаемо человеческих мозгов, Иван Федорыч, да что бы я эдакую страсть цил, да развали меня преписидня...

— Молчи, тетеря морская! А куда же спирт девается? С вечера нальешь полные банки, а утром посмотришь — половины нету.

Расстроенный несправедливым обвинением Васькин громко высморкался в подол рубахи и сказал плачущим голосом:

— Отчего нету? Известно отчего, от воспарения.

— От какого это воспарения?

— От какого... Люди ученые, сами знаете. Как же не быть воспарению, когда на дворе самые жаркие градусы стоят.

— Э, ну тебя совсем...

Может и голова тоже от воспарения исчезла?

Прозектор ушел к себе в кабинет — поразмыслить на досуге о таинственном исчезновении головы, а оскорбленный Васькин

⁴ По всем правилам искусства.

еще долго топтался около трупов, заглядывал и под стол, и в ведро с обрезками, даже заглянул зачем то в щель на полу—точно голова могла туда пролезть — и при этом угрюмо бормотал:

— Спирту ему жалко — ишь ты, какое дело! Чай, спирт то не твой, казенный, вещь дорогая, а ты его безо всякого режиму, дуrom в протухлые мозги валишь. За что боролись?..

Старичек с кротким упреком косился на него мертвым глазом. — «Эх, вы, и умереть то не дадите покойно»...

К двум часам дня жара сделалась нестерпимой. Ученики натурального отделения художественной студии изнемогали от духоты и лениво тыкали кистями в полотно. На высоком табурете сидела сопливая девчонка, болтала ногами, мусолила конфетку, изредка клевала носом. Надоело сидеть на одном месте, хотелось спать. Надоело и Мише Безродову париться в пропахшей потом мастерской и мазевать сонную рожищу сопливой девчонки, тянуло на воздух, на простор. Хорошо бы теперь забежать за Ирочкой Дутиковой, уйти на Лысую гору, залечь там под старым, душлистым вязом, глядеть в небесную синь, сладко гре- зить...

Сирень цветет, не плачь, придет...

Миша не выдержал. Мазнул кармином по носу нарисованную девчонку, убрал кисти, краски, вышел.

Его широкополая шляпа лежала в передней на подоконнике. Лежала как будто на прежнем месте, но с ней произошло что-то странное. Тулья вздулась, приняла шарообразную форму, из под полей торчало белое. — Что за история? Удивился Миша, приподнял шляпу. Под ней оказался круглый предмет, тщательно завернутый в папиросную бумагу и крест на крест перевязанный розовой ленточкой с кокетливым бантиком. Физиономия Миши расплылась в приятной улыбке. Торт... Это Ирочка Дутикова. Вздумала сделать ему сюрприз, а сама сейчас наверное спряталась на улице за углом, хихикает и дожидается, когда он выйдет. Эдакая плутовка! И как кстати, — вот и съедят его на Лысой горе. Безродов ощущал сверток — интересно, что там такое, шоколадный кекс или ромовая бабка. Стой же приятной улыбкой развернул... батюшки! Голова! Вот это так сюрприз... Миша сначала немножко испугался, но кое что сообразил и даже обрадовался. Наверное, это медик Журов, который в рисовальную группу ходит. Спер в анатомичке голову

для черепа и по ошибке сунул в Мишину шляпу.

— Ну, и покорнейше благодарю! — мысленно расшаркался перед Журовым Миша. — Мне тоже череп то нужен. А уж если чья то голова очутилась в моей шляпе, то по праву мне она и принадлежит!

Очень довольный своей неожиданной находкой, он и про Ирочку забыл, и вместо Лысой горы зашагал домой. Однако, по дороге на него напали сомнения. Куда спрятать голову? Задача. Дома — невозможно.

Отец, прислуга Агафья подымут шум, выгонят из квартиры вон с этой штукой, а тут еще братишка Шурка-чертенок. Малый шустрый, сейчас

же разнюхает, разболтает по двору товарищам, такая катавасия пойдет — и черепу будешь не рад. Хорошо бы, если никто не встретится, запрятать находку пока на галлерейке, где выставлены горшки с цветами. Пусть полежит до вечера, а там он ее вынет, уйдет на дуга за речку и сварит...

В раздумьи Миша поднялся по лестнице, а Шурка как раз ему навстречу. И сейчас же, гаденыш, устался на сверток.

— Что это у тебя под мышкой?

— Ничего. Отстань!

— Нет, покажи! Арбуз?

— Какие арбузы в мае? Говорю — отстань, мне некогда.

— Ну, глобус?

Пристал, идет шунать, хоть назад уходи. К счастью, на дворе кто-то закричал: «Летит! Летит!» — и Шурка с грохотом покатился вниз по лестнице — не мог равнодушно видеть аэроплана.

Миша поспешно прошел на галлерейку и засунул сверток между кадкой с фикусом и стеной. С плеч точно камень свалился.

— Агафья, дай мне котелок.

— Зачем вам?

— Пойду вечером рыбу удить, уху сварю.

— Ну уж нет, знаю я вашу уху! Кастрюльку то мне надесь загадили, краску какую-то варили — не отмывается! Не дам котла!

Фу, чортога дура, ну, ладно: уйдет вечером на улицу с соседками судачить, он сам стащит из кухни. Главное, здесь то хорошо спрятано.

Пришел отец со службы, позвали обедать.

— А какую историю у нас сегодня рассказывали,—заговорил отец после борща. — Вчера ночью угрозыск накрыл на Щемиловке целое гнездо бандитов. В перестрелке одного убили и труп отправили в мертвецкую при больнице. А оттуда, вместе с другими трупами, он попал в университет для вскрытия и, вообразите, сегодня утром оказался без головы. Голова пропала бесследно! Теперь по всему городу ищут, никак не могут найти...

— Миша, что с тобой?—в ужасе воскликнула мать, глядя на Мишу, у которого глаза совсем вылезли на лоб и весь он напился кровью.

— Он кашей подавился,—сказал находчивый Шурка. — Дай ка я тебе в спину постучу, сейчас проскочит...

Он уже размахнулся, чтобы хорошенько хватить брата по спине, но каша уже успела проскочить сама и Миша начал приходить в себя.

— Пошел... к чорту...—прохрипел он, налил воды и жадно стал пить. — Да, вот это так история... Пропавшая голова! Может, она самая и есть, которая за кадкой? Влетел, нечего сказать! И ведь дернул же чорт взять, оставил бы там, где лежало, нет, надо было притащить домой. Череп! Череп! Вот тебе и череп! Из самого теперь череп сделают, если найдут да расстреляют. Эх, идиот проклятый!..

День тащился медленно, страшно медленно, точно похоронные дроги с покойником на кладбище. Миша места себе не находил. И Шурку из виду не упускал—как бы не сунул нос за кадку, да не вытащил эту проклятую голову, и из окон беспрестанно выглядывал—не идут ли из милиции или из угрозыска с обыском. С нетерпением ждал вечера, чтобы сплавить куда нибудь роковую находку, а вечер как нарочно застрял где то и, кажется, этому жаркому, невыносимо тоскливому дню конца не будет. Конеч всетаки пришел. — Солнце багрово село за городом, окровавило на миг дерковные кресты, крыши, перистые облака — потухло. Миша немножко успокоился, вышел из дома, прогулялся, послушал, как на реке заливаются лягушки. Явилась счастливая мысль: вот свечерееет хорошенько, пойти на дамбу, забраться в лозьяки и утопить голову. Повеселевший Миша вернулся домой, а на галерейке гости сидят, чай пьют. — Дядя Костя из Центросоюза, тетя Женя из Здравотдела и еще какой-то Петр Иванович из Губфо, да еще с детками... «Чтобы все провалялись»... — простонал несчастный художник.

— Миша, иди чай пить!

Пришел, сел. Покосился на кадку с фикусом,—в опасном соседстве с ней сидела тетя Женя.—Нашла место! А тут еще дети подняли возню, шныряли по галерейке, прятались между цветами. Миша медленно умирал. Обжег чаем язык, сухарем ободрал горло. Хотя бы уже в покое оставили, так нет. Тетя Женя вздумала приставать с вопросами, — кто теперь самый знаменитый художник в Европе, Сезан или Матис? И на что ей, спрашивается, дался этот Сезан и Матис? Провалилась бы лучше и с ними вместе в тартарары.

— Да, странное происшествие...—медленно говорил Петр Иванович из Губфо. — Очевидно, у него были сообщники и, чтобы запутать следствие, отрезали голову. Предполагают даже, что был заговор против правительства, и убитый был глава этого заговора...

— Нашел, нашел! — пронзительно завизжал самый младший отпрыск тети Жени.

С болезненным возгласом Миша подскочил, стул из под него с грохотом покати́лся по полу.

— Что это с тобой, Миша?

— Ничего... Оса укусила...

— Землей надо присыпать,—авторитетно сказала тетя Женя. Нагнулась к кадке с фикусом, хотела земли взять и закрутила носом.—Что это... пахнет чем то?

И все сразу, точно по команде, закрутили носами. — Да, действительно, чем то пахло...

— Должно быть со двора. Теснота, дворника нет, всякую гадость бросают, а погоды стоят жаркие...

— Да, уж этот жилищный вопрос — вот он где у нас сидит! — пробасил Петр Иванович из Губфо. — До чего мы еще дойдем? Один мой знакомый землянку себе в саду выкопал и, представьте, отлично устроился. Вроде, как на даче: тихо, спокойно, ни примусов, ни ругани, даже бессонницей перестал мучиться...

Общество оживилось, разговор перешел на злободневные темы, — о дороговизне, очередях, сокращениях, мануфактуре...

И вдруг опять:

— Попахивает! Кошка дохлая, что ли, где-нибудь...

— Дети, собирайтесь!—скомандовала тетя Женя.—Домой пора.

— Да что вы, еще рано! Всего одиннадцать часов.

— Нет, нет, нам пора... Невыносимый запах, меня, извините за выражение, даже тошнить начинает...

Поднялись все сразу. Прощанье, поделуи, взаимные приглашения. Миша злорадно думал: «Ага, проняло! Не шпаялись бы по чужим дворам без дела. Ну, зачем, спрашивается, приходили? Похлебали чаю с черствыми сухарями, поругали, посплетничали... а туда же—Матис, Матис!»

Явилась Агафья убирать посуду.

— Тыфу, пропасть, навоняли то как! Чем это? Ребята что ль нагадили?

Убрала, стерла со стола, потушила лампу.

— А вы что же спать-то не идете?

— Не хочу. Я уйду сейчас.

— Ночью то? Куда это?

— На речку, рыбу ловить. Не дала котел то.

— И не дам. А в узлу что?

— В узлу то?.. Запри за мной дверь.

На улице Миша, наконец, вздохнул полной грудью. Ночь теплая, ласковая, пахнет сиренью, еще чем то сладким, волнующим. Хорошо бы теперь взять лодку и с Прочкой Дутиковой уплыть в Собачью щель... Только бы отделаться поскорее от этой проклятой головы. А луна то еще! Как на зло, огромная, глазастая, выползла из-за реки, нахально таращится. И улицы полны гуляющих. Мелькают белые платья, слышится смех, парочки амурничают. И что им не спится? Миша вдруг вспомнил о теплой постели, зевнул, смертельно захотелось спать. Растянуться бы теперь во весь рост, укрыться с головой одеялом и спать-спать-спать... А голова то? Вот она. Миша со злостью ощупал сверток. Он оттягивал руку; леденящий холодок от него проникал сквозь куртку, расплзался по телу, вьедаясь в кости, в жилы, в мозг. Отвратительно. Нет, надо подальше от шумных улиц, к речке, на дамбу, а там видно будет—что делать. Миша сбежал вниз. Тускло блещит река. Хор лягушек славит весну и любовь. Серебряным бисером рассыпаются в лозниках соловьи. Весла шлепают по воде, кто то плывет на лодке. Смех, визги, звон балаалайки, дробная частушка...

На дворе мороз и колючь,
Хомутовски девки сволочь...

А на берегу тонкие девичьи голоса в унисон выводят:

Что мне делать, ум расшелся,
Волга-Матушка река.
Один есть, другой нашелся,
Заливает берега...

И здесь не спят. О, ясные, душистые майские ночи!

На дамбе Миша остановился. Потихоньку вытащил из под мышки сверток, раскачал, приготовился...

— Товарищ дорогой, нет ли прикурить?

Какой то пьяненький. И откуда взялся—неизвестно. А, может, из Угро? Давно за ним идет, выслеживает? С отчаянием в душе Миша ушел с дамбы и углубился в запутанную сеть приречных улиц и переулков.—Здесь то уж наверное все спят,—беднота, народ трудящийся, некогда по ночам амуром заниматься. Перекинуть через забор — и холу... Не тут то было.—Сидят на скамейках за воротами в обнимку, целуются. И собаки... Выскочили из подворотень, одна, другая, третья, залились испуганным лаем, хрипят, хватают за икры. Машину удра.

В полном изнеможении, исколесив полгорода, прижимая к груди ужасную ношу свою, уже на рассвете Миша сделал привал на паперти какой то древней дерюжки. Ноги у него гудели, в глазах стоял зеленый туман, сверток вонял нестерпимо. Теперь он уже не решался бросить его куда-нибудь; ему чудилось, что за каждым углом кто-то притаился и наблюдает за ним. Но усталость одолела; он задрема. Вдруг чья то длинная рука с растопыренными пальцами протянулась с неба, схватила его за шиворот... он вскрикнул и очнулся. Перед ним стоял миллионер и дергал его за рукав.

— Нехорошо, гражданин. Выпил, ну, и шел бы себе домой. А то, ишь ты, на улице разлегся! Нетактично, гражданин!

— Я... мне... У меня голова закружилась...

— Голова! Поменьше бы пили, а то доврнут до горькой и хулиганичают. Иди, иди домой, проспись хорошенько, а то и совсем голову потеряешь.

Что такое? Про какую голову он говорит?.. С ужасом Миша схватился за свой сверток и поспешно зашагал прочь.

Было уже совсем светло. Небо облилось розовым румянцем, воробьи проснулись и с оживленным чириканьем прыгали по заборам. Миша смотрел на них с завистью—счастливые птицы! Бедный, измученный, с красными, точно с похмелья глазами, он дотопился до городского сквера. Чугунный Петр Первый грозно указывал на него перстом—«Вот он, держите его!»—Сторожа мели дорожки, чихали от пыли, разговаривали: «Да, брат, голова»...

И здесь голова... Миша шархнулся от них, обогнул памятник... и радостная дрожь пронизала его от головы до пяток. В глубине аллеи, под акациями, во весь рост растянулся на скамеечке человек. Носовой платок прикрывал его лицо, из под него несся густой хрип. Рядом со скамейкой на земле валялась пустая корзинка. И...

Мимо сторожей, с беспечно засунутыми в карманы руками, прошел молодой человек, весело насвистывая:

О, баядерка, как ты прекрасна...

Прошел—и бесследно скрылся.

Телеграфист Кукушкин возвращался с ночного дежурства и зашел в сквер глотнуть свежего воздуха. После ночной духоты, пропитанной прокислым табачным духом, после надоедливой стукотни аппарата и тоскливого сиденья на одном месте, было приятно пройти по влажным от росы дорожкам, послушать чириканье воробьев в пахучих кустах акации, прочистить легкие и мозги дыханьем розового майского утра.—Прошелся, потом присел, потом прилег, подложив под голову корзинку. И незаметно заснул, убаюканный шопотом листьев, воробьиным гамом, далекими утренними звонами колоколов. Разбудило его солнце. Вылезло из-за крыш, щекотнуло по щеке, го-

рячим лучем вонзилось в ухо. Кукушкин чихнул и проснулся.

— Вот здорово то всхрапнул! — сказал вслух и поднялся. Покружил шеей — от лежки на жесткой скамейке. Поискал кепку. Она валялась на земле. А корзинка где? Вот она, тоже свалилась.

— Стой, да что же это? Была пустая, всю бабушкину провизию вчера съел, а сейчас что то лежит. И тяжелое какое. Оказал..

Вынул сверток. Газета. На ней бурозеленые пятна. Мясо, что ль? Не обронила ли какая-нибудь разиня-кухарка, идучи с базара. Вот дура-то, наверное, встретила со своим ухажом, разимонилась и не заметила, как потеряла покушку. Ну, это ничего, все в дом, а не из дому. Бабушка борщ сварит. Оно, правда, как-будто припахивает немножко, да наплевать, лаврового листу подпустим побольше, сойдет. Все таки экономия.

Кукушкин бережно развернул газету, взглянул в сверток — и чуть не свалился со скамейки. Смутно вспомнилось, что вчера на телеграфе говорили о какой-то отрезанной и пропавшей голове. Конечно, это та самая. Нахрапелся дурень под сенью древес, а преступник и воспользовался. Куда ее теперь? В кусты бросить? А сторожа то, вон они, небось, приметили его, как он спал, сейчас докажут, что кроме него в сквере утром никого не было. Вот черт, положение, — неужели тащить эту падаля домой?...

— Что это, Ванюша, на тебе лица нет? — встретила его бабушка.

— Устал, не высался. Чаю не хочу, лягу, вы меня не будите.

Затворился в своей каморке, сверток скорей в чемодан, лег и стал думать. Думал, думал, ничего путного не приходило в голову, а лезли все самые мрачные и страшные мысли. Но тут навалился дремучий сон, и богатырский храп потряс утлые стены каморки. Бабушка услышала этот храп и уснула. Спит сердечный, уморился. Ну, и пусть спит; отдохнет, — лучше покушает. — Приготовила обед, посидела, скучно стало, да вдруг вспомнила — носочки Ване поштопать надо. Тихонько

вошла в каморку, вытянула из-под кровати чемодан, открыла, понюхала. —

Ишь, напихал чего-й-то! Либо грязные носки засунул. Ах, молодежь, молодежь...

— Караул..

Дикий вопль пронзил сонную тишину. Кукушкин вскочил, как безумный, и увидел бабушку. Она сидела на полу перед чемоданом, а из чемодана на нее смотрело страшное синее лицо с оскаленными зубами.

— Родители!.. Святители!.. Караул!..

Кукушкин кинулся на бабушку, зажал ей рот и выволок в кухню.

— Бабушка, молчи!.. Кричать будешь, обоим не миновать расстрела!.. Чорт ее знает, чья голова.

Бабушка уже не кричала. Трепыхалась у него в руках, как недорезанная овца, и беззвучно разевала беззубый рот.

В четвертом часу дня Кукушкин, умытый, причесанный и прифранченный с самым благонамеренным видом шел по железнодорожной линии на прогулку. Под мышкой — аккуратный пакед, по все-

му видать — легонькая закуска на свежем воздухе, какие-нибудь бутербродики с вечной, бабушкины пирожки с капусткой, — так, заморить червячка немножко, когда аппетит разыграется. Общий приличный ансамбль слегка не гармонировал с какою-то настороженностью в бегающих глазах и пулявивым поглядываньем по сторонам, но этого никто не замечал, все были заняты собой. День праздничный, гуляющих масса, идут оживленные, лущат семечки, китайские орешки, в руках — букеты ландышей, полевых цветов, гармонки, балабайки. Поезд прошел товарный, пахнул дымом и нефтяной гарью. Хорошо бы закуску эту под колеса бросить... да нет, неудобно, со всех сторон глазают, обратят внимание, поволочут в милицию. Надо подождать, когда стемнеет. В 8 ч. пройдет скорый — вот тогда и лови момент. Чья голова? Кто бросил? Поги, ищи!..

Кто то сзади легонько толкнул его, зашуршала бумага. Ясно: тянули из под мышки сверток. Оглянулся: двое беспризорных. Рожи грязные, но на них цветут невинные улыбки. Глаза умильно блестят, неисполнены самых благожелательных чувств к доброму человеку.

— Дяденька, дай копеечку! Три дня не кушали!..

— Нету у меня копеечки.

— Ну, хлеба дай... (Один потянул за сверток). — Хоть шматочек, дяденька милый...

Как молния, блеснула неожиданная мысль. Кукушкин остановился.

— Хлеба вам? Ишь вы какие! Я сам с утра не ел.

— Дай, дай, дяденька, дай! — пел один, прыгая перед ним, а другой в это время уже тянул потихоньку пакет.

Кукушкин вертелся во все стороны, делая вид, что отбивается от назойливых ребят, а сам чувствовал, как пакет понемногу выползает у него из под мышки. Скорее бы только все это кончилось...

Финал разыгрался самым неожиданным образом. Из кустов вынырнул третий оборванец и пронзительно завизжал:

— Хряй швыдче, милуток идет!..

Мелькнули лохмотья, голые пятки, закачались кусты, мальчишек не было, не было и свертка. Кукушкин сделал растерянное лицо и, озираясь, шарил у себя в карманах.

— Что, обокрали? — участливо спросил подошедший милиционер.

— В одну минуту... Кошелек... Закуску... — бормотал Кукушкин, а у самого от радости прыгало сердце.

— Вот собачьи дети? То-то я вижу, они вас облепили, хотел было их пугнуть, да не успел...

Один за другим подходили гуляющие, останавливались, расспрашивали:

— Много украли то?

— Да нет... 20 копеек в кошельке... Ветчины немножко...

— Ну, это еще хорошо, а вот у меня на медни так целую пятерку свиснули...

Толпа росла, Кукушкин был уже далеко, а публика все еще толкалась на месте происшествия, охали, возмущались, дели-

лись впечатлениями, у кого, где, когда и сколько «свиснули».

Тем временем под насыпью, на дне оврага, поросшего густым лозняком, ворышки расположились делить добычу.

— Чего стырил?

— Еще не смотрели. Вичиной пахнет.

— О? Вот здорово то, кол в пузо его матери! Ну, расчиная скорее, пошамаем, да и айда опять скворцов стрелять...

Дружно уселись все трое вокруг аппетитного свертка, нетерпеливо рвали зубами бичевки, ключьями сдирали бесчисленные газетные листы. — Вот завернул, чорт паршивый, чтоб тебе подавиться своей печенкой. — И когда содер-

жимое свертка вылезло, наконец, на свет божий, остолбенелыми глазами посмотрели друг на друга.

— Мертвяк!..

— Да дав-

нишний... Уж протух...

— Вот те и вичина!..

— Ах ты, сволочь, чтоб тебя разорвало...

— Бежим догонять, нехай сам лопает!

— Да, догонишь его, он, небось, вон уж куда ухрял. Это ловкач пришел кого-нибудь, теперь следы замечает. Ну его к чорту, лучше не связываться...

Повертели голову туда-сюда, совещались, куда ее деть. Кончилось тем, что один из ворышек взял голову за торчащие вихры, изо всех сил размахнулся и швырнул в кусты.

— Загудела!

И все трое исчезли, точно сквозь землю провалились.

А когда гуляющая публика разошлась по домам, когда замолкли на насыпи голоса, балалайки и гармошки, когда всплыл над рекой задумчивый месяц, а в Ботаническом саду зазвенели соловьиные трели, — пришли на дно оврага бродячие, голодные псы и до утра там возились, рычали и дрались.

